КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 г.

ДЕКАБРЬ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901

Дозволено цензурою. Кіевъ, 14 ноября 1901 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ДѢЛО О СУЕВѢРІИ СВЯЩЕННИКА (1805 г.). Прот. В. Липковскаго. . . . . 329—345

II. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ѲАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. . . . . 346—374

III. ГОРОДЯНКА. Повесть. *(Окончаніе)*. Л. Яновской. . 375—423

IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Окончаніе)* Ор. Левицкаго. . . . . 424—471

V. О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА «КАЦАПЪ» Н. М. . . 472—477

VI. НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ СТОРОЖЕНКО. . . . . 477—484

VII. Н. В. ШУГУРОВЪ. Некрологъ. . . . . 485—490

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо Н. В. Шугурова А. Л.; б) Еще нѣсколько словъ о „парубоцькыхъ громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. П. П. П.; в) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мордеръ; г) Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. И. Фр. Павловскаго; д) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. И. Фр. Павловскій; е) Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды? Н. В. . . . . 153—172

Текущія извѣстія . . . . . 172—178

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древности, труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Н. В.; б) В. Русиновъ: 1) Прыхожа Сидѣ въ 1 діи и 2) Несподивана халепа. Драма въ II діяхъ. В. Д.; в) Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, изд. подъ ред. Н. П. Василенка; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 179—192

Археологическая лѣтопись. . . . . 193—214

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 26-й и 27-й. . . . . 401—426

Дѣло о суевѣріи священника (1805 г.)

Это „дѣло“, заимствованное нами изъ архива бывшаго липовецкаго духовнаго правленія, интересно не столько по своему существу, сколько потому, что въ немъ отчасти раскрывается исторія одной изъ знаменитыхъ нѣкогда мѣстно чтимыхъ иконъ въ бывшемъ мѣстечкѣ Босовкѣ, липовецкаго уѣзда.

Во второй половинѣ 18-го столѣтія жилъ въ с. Панскомъ-Мостѣ, липовецкаго уѣзда, нѣкій шляхтичъ по имени Стефанъ Бошковскій. Онъ здѣсь имѣлъ свой домъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ служилъ сначала при мѣстной экономіи. Но между своими односельцами онъ отличался большою по тому времени образованностью и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторою прикосновенностью къ „духовной породѣ“, такъ какъ обучался въ уманскихъ училищахъ „по классъ реторики“ и женатъ былъ на дочери священнической. Вѣроятно, онъ также былъ усерденъ къ храму Божію и знакомъ съ церковнымъ уставомъ. Однимъ словомъ, когда помѣщикъ и крестьяне с. Панскаго-Моста устроили, наконецъ, у себя въ 1784 году церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и озаботились пріисканіемъ для нея „побожнѣго ксенза“, то выборъ ихъ палъ на Стефана Бошковскаго, который и рукоположенъ былъ къ этой церкви во священники въ 1788 году уніатскимъ епископомъ Стефаномъ Левинскимъ. Но не посчастливилось новорукоположенному іерею на своей „парафіи“. Въ 1792 г. до тла сгорѣла Панско-мостянская церковь, а прихожане

по своей бѣдности не могли сразу стянуться на постройку новой церкви. Отецъ Стефанъ остался, такимъ образомъ, іереемъ безъ церкви и только иногда совершалъ богослуженіе въ панской каплицѣ [1]). Но вотъ въ 1794 году совершилось возсоединеніе уніатовъ въ предѣлахъ нынѣшняго липовецкаго уѣзда, и о. Стефанъ Бошковскій, уступая общему теченію, тоже подалъ прошеніе о присоединеніи его „на благочестіе“. Сдѣлавшись православнымъ священникомъ, онъ уже не могъ, конечно, служить въ католической панской каплицѣ и остался священникомъ не только совсѣмъ безъ церкви, но и безъ средствъ для существованія, такъ какъ помѣщикъ с. Панскаго-Моста Карлъ Сарнецкій отобралъ у Бошковскаго и уничтожилъ документъ на большую половину церковной земли съ тѣмъ, конечно, намѣреніемъ, чтобы современемъ упразднить самостоятельный приходъ въ с. Панскомъ-Мостѣ, а церковную землю присоединить къ своимъ „добрамъ“, что ему впослѣдствіи и удалось. Пятигорское духовное правленіе, въ вѣдѣніе котораго перешла почти половина нынѣшняго липовецкаго уѣзда послѣ уничтоженія уніи, присоединило с. Панскій-Мостъ къ ближайшему приходу мѣстечка Босовки и вмѣстѣ съ тѣмъ назначило священника Бошковскаго, какъ безприходнаго (безъ церкви), десятоначальникомъ на Босовскій округъ.

Въ новомъ своемъ чинѣ и положеніи Бошковскій нашелъ полное вознагражденіе за свои приходскія невзгоды. Во первыхъ, десятоначальничество, тогда только что учрежденное въ нашихъ краяхъ (переименованное вскорѣ въ благочинничество), кромѣ почета, давало и немалыя матеріальныя выгоды. Затѣмъ, приходъ въ м. Босовкѣ въ то время былъ однимъ изъ очень завид-

---

1) Почти всѣ болѣе или менѣе «вельможные» паны того времени устраивали при своихъ домахъ каплицы, въ родѣ домовыхъ церквей, въ которыхъ католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ совершалось иногда «набоженство», вѣроятно, на подвижныхъ антиминсахъ. Нѣкоторые же паны при своихъ каплицахъ содержали и отдѣльныхъ ксензовъ или уніатскихъ священниковъ.

ныхъ: кромѣ другихъ выгодъ, тамъ была знаменитая новоявленная чудотворная икона—Спаситель плачущій, которая привлекала къ себѣ множество богомольцевъ, особенно въ лѣтнее время. Настоятель же босовскій, іерей Романъ Тышевичъ, былъ человѣкъ очень немощный, сильно преданный „пьяпственной страсти“, такъ что даже въ такіе праздники, какъ Новый годъ, Крещеніе, не въ состояніи былъ иногда совершать богослуженіе.[1]) При такомъ настоятелѣ Бошковскій былъ, конечно, полноправнымъ распорядителемъ въ Босовскомъ приходѣ и пожиналъ въ немъ обильную жатву.

Наконецъ, въ другомъ ближайшемъ къ Панскому-Мосту селѣ Купіеватой настоятельствовалъ въ то время также очень сподручный для Бошковскаго іерей Никита Швабичъ. Онъ очень мало интересовался приходомъ, а велъ въ обширныхъ размѣрахъ чумачку, часто по полгода и болѣе отлучался отъ своего прихода, ѣздилъ, вѣроятно, по своимъ чумацкимъ дѣламъ не только въ Кіевъ, но и въ Харьковъ и даже въ Петербургъ, а приходскія требы у него исполнялъ Бошковскій, какъ ближайшій сосѣдъ. Однимъ словомъ, Бошковскій подъ крыломъ пятигорскаго духовнаго Правленія благодушествовалъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но вотъ въ 1797 году пятигорское духовное правленіе было упразднено и весь Босовскій округъ перечисленъ былъ въ вѣдѣніе липовецкаго духовнаго правленія, которымъ тогда правилъ большой формалистъ, протоіерей Никифоръ Топольскій. Подъ карающую руку его скоро попалъ и босовскій десятоначальникъ Стефанъ Бошковскій. Въ началѣ 1798 года Бошковскій до того увлекся своимъ чиномъ, что самовольно удалилъ отъ прихода престарѣлаго священника с. Охримовой Іоанна Даровскаго за его будто-бы пьянство и нерадѣніе о церкви, а на его мѣсто назначилъ безмѣстнаго молдавскаго рукоположенца Даніила Левицкаго, который по приглашенію Романа Тышевича служилъ „при чудовной иконѣ Босовской“, и былъ, конечно,

---

[1]) Все это обнаружилось въ произведенномъ надъ нимъ слѣдствіи въ 1800 г.

большой помѣхой для Бошковскаго. Когда Даровскій занесъ жалобу на это протоіерею Топольскому, то онъ нарядилъ строгое слѣдствіе надъ Бошковскимъ, результатомъ чего было то, что Бошковскій не только удаленъ былъ отъ десятоначальнической должности за превышеніе власти, но даже совсѣмъ выселенъ изъ Босовскаго округа и перемѣщенъ на священническое мѣсто въ Дашевскій округъ въ м. Кальникъ. Но родныя хлѣбныя мѣста—Панскій-Мостъ, Купіевата, Босовка—все-таки сильно тянули его къ себѣ, и онъ часто ради нихъ оставлялъ свой пустынный въ то время Кальникъ и отлучался въ Панскій-Мостъ, гдѣ у него былъ собственный домъ, а оттуда уже оказывалъ услуги въ исполненіи требъ своимъ бывшимъ сосѣдямъ о. Роману Тышевичу и Никитѣ Швабичу. Бошковскій, естественно, не могъ простить „президенту“ липовецкаго духовнаго правленія, протоіерею Никифору Топольскому своего уничиженія, и въ 1803 г. вмѣстѣ съ бывшими своими подчиненными—цыбулевскимъ священникомъ Іоанномъ Шумовскимъ и попудненскимъ Ѳеодосіемъ Вороновичемъ—возбудилъ противъ Топольскаго громкое дѣло „о взяточничествѣ и притѣсненіи имъ повѣтоваго духовенства и протчемъ“, разбиравшееся сначала уманскимъ, а потомъ сквирскимъ протоіереями. [1])

Естественно, что и липовецкое духовное правленіе зорко слѣдило черезъ своихъ клевретовъ за своимъ противникомъ Бошковскимъ и искало только удобнаго случая, чтобы и его подвести „подъ криминалъ“. Отвѣтомъ, конечно, на это желаніе духовнаго правленія былъ слѣдующій рапортъ части Дашевской благочиннаго іерея Ѳеодора Левицкаго отъ 3 января 1805 года: „Указомъ Е. И. В. изъ онаго Духовнаго Правленія, отъ 14 мѣсяца ноября истекшаго 1804 года подъ № 1035-мъ составлявшимся, строжайше предписано, чтобъ священно- и церковно-служители не отлучались ни подъ какимъ видомъ отъ своихъ приходовъ предъ наступающими высокоторжественными и высокопразд-

---

[1]) По разслѣдованіи дѣло это оказалось дутымъ, и всѣ обвиненія противъ Топольскаго бездоказательными.

ственными днями и не оставляли священнослуженія, съ взятою отъ нихъ на двѣ руки подпискою. Сверхъ того, и пунктъ благочинническої инструкціи 36-й статьи запрещаетъ, чтобъ всѣ священно- и церковно-служители безъ вѣдома начальническаго болѣе пятнадцати верстъ, и то на краткое время, не отлучались-бы и церквей своихъ не оставляли. А священникъ с. Кальника Стефанъ Бошковскій, съ котораго и подписка на двѣ руки взята, и знать благочинническої инструкціи не примѣчающій, съ прошедшаго 1804 года декабря мѣсяца послѣднихъ числъ, какъ-бы по болѣзни нѣкакой, къ лѣкарю выѣхалъ въ с. Купіевату, а мнѣ донесено, что въ тамошнемъ селеніи умеръ порядоченъ богатой хозяинъ; по этой затѣмъ причинѣ оставилъ въ новый-годъ богослуженія и молебствіе въ приходской церкви, а единственно спѣшилъ для своего корыстолюбія, объ чемъ за таковой проступокъ первѣйшимъ моимъ долгомъ оному Духовному правленію благопочтенно рапортую".

Священникъ Бошковскій, вызванный въ присутствіе Духовнаго правленія 23 января 1805 года, „противу рапорта благочиннаго іерея Ѳеодора Левицкаго спрашиванъ и въ отвѣтъ показалъ: истекшаго 1804 года 31 декабря подлинно онъ отлучался въ м. Босовку, по причинѣ болѣзни своей, на поклоненіе святымъ чудотворнымъ иконамъ, гдѣ и должное богослуженіе по причинѣ тяжкой тамошняго священника Тышевича болѣзни отправлялъ, о чемъ засвидѣтельствуютъ тамошніе священно-церковно-служители. А оттоль въ Монастырище къ лѣкарю и въ Панскій-Мостъ для осмотрѣнія оставшагося тамо его дома ѣздилъ. Въ Копіеватой же онъ, священникъ Бошковскій, при погребеніи Копіеватскаго жителя богатыря не былъ и за корыстолюбіемъ онъ туда не ѣздилъ. Въ разсужденіи каковой своей отлучки онъ, священникъ Бошковскій, дабы церковь Кальнинская не оставалась безъ должнаго въ ней священно-служенія, приглашалъ м. Дашева священника на діаконскомъ мѣстѣ состоящаго Іосифа Новоборскаго, который и отправлялъ довлѣемое богослуженіе". Священникъ Новоборскій показалъ, что онъ дѣйствительно, по просьбѣ священника Бошковскаго, отправлялъ въ Кальникской

церкви богослуженіе и молебствіе на новый 1805 годъ. Съ другой стороны, причтъ м. Босовки удостовѣрилъ, что въ этотъ-же день священникъ Бошковскій отправлялъ богослуженіе въ Босовской церкви по случаю болѣзни священника Тышевича. Съ Бошковскаго, поэтому, въ правленіи взяли лишь подписку въ томъ, что онъ „обязывается впредь быть къ своему начальству послушенъ и почтителенъ; а ежели бы после сего оказался въ томъ или другомъ какомъ порокѣ изобличеннымъ, то подвергаетъ себя строжайшему законному сужденію". Этимъ инцидентъ съ Бошковскимъ былъ бы и исчерпанъ—по къ дѣлу примѣшалось... суевѣріе священника Бошковскаго: поклоненіе его непризнанной оффиціально чудотворной иконѣ.

Въ то время въ Россіи были еще въ силѣ правила Духовнаго Регламента, и правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, строго преслѣдовало суевѣрія, къ которымъ относилось все выходящее изъ рамокъ обыденной церковной жизни. Первый пунктъ инструкціи благочиннымъ 1797 г. гласилъ: „какъ въ своемъ приходѣ и по всѣмъ вѣдомства вашего церквамъ прилежно вамъ смотрѣть, не дѣлаются ли гдѣ суевѣрія, а имянно: 1-е, не проявляется ли, и то для самаго пребиточества, каковыхъ при иконахъ святыхъ, при кладязяхъ и источникахъ ложныхъ чудесъ; 2-е, не является ли несвидѣтельствованныхъ тѣлесъ, не разглашается ли къ почитанію ихъ за мощи истинныхъ святыхъ; 3-е, не являются ли гдѣ кликуши и притворно-юродцы и босые, такожъ и съ колдунами и прочая каковыя бы не были церквѣ святой и высочайшимъ указамъ противныя суевѣрія". Въ силу этой инструкціи благочинные обязательно каждое полугодіе „репортовали" духовному правленію, что въ ихъ благочиніи „при иконахъ, кладязяхъ и источникахъ никакихъ чудесъ не было, кликушъ, притворно-юродцевъ, босыхъ и колдуновъ не проявлялось". Этою же инструкціею всѣмъ священникамъ наистрожайше подтверждалось, что „ежели гдѣ усмотрѣно будетъ ими суевѣріе, немедленно доносить благочинному". А тутъ вдругъ самъ священникъ ѣдетъ на поклоненіе иконѣ, начальству (будто-бы) совершенно неизвѣстной, надѣется получить чудесное исцѣленіе

отъ иконы, которая оффиціально еще не признана чудотворною, слѣдовательно и не можетъ творить истинныхъ чудесъ. Значитъ, такой священникъ поддерживаетъ суевѣріе—обвиненіе по тому времени очень серьезное. Посему духовное правленіе, „слушавъ отвѣтъ священника с. Кальника Стефана Бошковскаго... опредѣлили: хотя священникъ Бошковкій и учинилъ признаніе, что онъ безъ вѣдома своего благочиннаго отлучался въ м. Босовку, Панскій-Мостъ и Монастырище и противу сего обовязянъ подпискою, но поелику изъ онаго его отвѣта открывается, что въ Босовкѣ существуютъ каковыя-то чудотворныя иконы, къ коимъ онъ для поклоненія яко-бы по болѣзни ѣздилъ, о чемъ Правленіе сіе свѣдѣнія не имѣетъ, для того учинить слѣдующее: 1-е, поелику прибавленія обѣщанія архіерейскаго, 22 января 1716 года изданнаго, въ 6-мъ и Духовнаго Регламента части 2-й въ 8-мъ пунктахъ повелѣно: „смотрѣть, дабы никто святыхъ иконъ не боготворилъ нимъ ложнымъ чудесъ не вымышлялъ“, на основаніи благочинническої инструкціи 2-й статьи предписать части Босовской благочинному іерею Корнилію Леоновичу указомъ, чтобы онъ, съѣхавъ безъ замедленія въ м. Босовку и достовѣрно выправясь отъ тамошнихъ священно и церковно-служителей и почтеннѣйшихъ старожилыхъ прихожанъ, какая въ ихъ церквѣ имѣется чудотворная икона, или оною только Бошковскій считаетъ, и если точно и они считаютъ ее таковою, то какое и ней изображеніе, какъ давно оная проявилась, какимъ образомъ свидѣтельствована ли духовнымъ начальствомъ, имѣется-ль на то какой письменной видъ“ и проч. Благочинный Леоновичъ, который также аккуратно по полугодіямъ доносилъ правленію, что въ его округѣ никакихъ чудесъ не происходитъ и все обстоитъ благополучно, получивъ столь грозное предписаніе духовнаго правленія, смутился. Долго онъ не отвѣчалъ на это предписаніе и думалъ, повидимому, совсѣмъ отмолчаться; наконецъ, на третичный „наистрожайшій открытый указъ“ отъ 5 августа 1805 г. онъ донесъ правленію, что „о показанной Бошковскимъ иконѣ онъ допрашивалъ тамошній причтъ и почтеннѣйшихъ прихожанъ, отъ коихъ явилось слѣдующее: что прошло тому назадъ годовъ

съ 14 или и болѣе, какъ въ домѣ босовскаго жителя Ивана Хоменка въ воскресный день, во время пѣнія литургіи, на иконѣ Спасителя будто-бы какимъ-то чудовнымъ образомъ явились бѣлія смуги (полосы), съ которыхъ спадали капли даже на лаву (скамью), о чемъ увѣдомився бывшій тамошній священникъ и представившійся уже Алексѣй Тышевичъ, съ бывшимъ священникомъ с. Панскаго-Мосту Стефаномъ Бошковскимъ и босовскими прихожанами оную икону торжественно проводили въ церковь Босовскую. А какъ сіе произшествіе случилось во время бывшаго въ тотъ день въ Босовкѣ ярмарка, то и народъ вдругъ началъ притекать въ Босовскую церковь, и нѣкоторіи изъ больныхъ получили исцѣленіе, о чемъ по представленію кѣмъ слѣдовало въ уніатскую въ ту пору существующую консисторію было изъ оной изслѣдованіе, и поелику оная Консисторія вышепрописанную икону не признала за чудотворную и почитать ее таковою не почитаютъ". При этомъ благочинный Леоновичъ препроводилъ въ правленіе слѣдующій, относящійся къ этой иконѣ, актъ уніатской комиссіи на польскомъ языкѣ. „1793 года, сентября 8 дня. По порученію превелебнаго Кирилла Сѣроцинскаго, пробоща Тетіевскаго, комиссія изъ Яна Кучоровскаго, дзекана Голованевскаго, и ксенза Симеона Квятковскаго, пароха Соколовскаго, чинили инквизицію о проявившемся въ м. Босовкѣ образѣ Іисуса, на которомъ появились капли, какъ бы слезы падавшіе на землю, который образъ нынѣ находится въ церкви Босовской, при лѣвой сторонѣ въ кіотѣ (въ олтаржику) Матери Божіей. По приводѣ къ присягѣ явившихся свидѣтелей узнали: еще около 1758 года икона эта находилась въ домѣ Ивана Бурмистра и была написана иначе: кромѣ лика Спасителя было на ней еще двѣ персоны Матери Божіей и св. Николая. Иногда, по показанію свидѣтелей, съ очей Спасителя такъ обильно текли слезы, что падали даже на лаву, что видѣли многіе въ домѣ Бурмистра. По смерти его, когда жена его Катерина обѣднѣла, около 1768 г. продала эту икону Павлу Сычу. А когда у Павла Сыча случился пожаръ и сгорѣла хата, то икона эта хотя осталась, но такъ была закурена и закопчена дымомъ, что едва

можно было на ней разобрать ликъ Спасителя. Въ 1782 году маляръ Михаилъ Словачевскій въ м. Босовкѣ дѣлалъ для Босовской церкви кіотъ (олтаржикъ) св. Варвары. Этотъ маляръ, по просьбѣ Павла Сыча, очистилъ только икону до старыхъ фарбъ (красокъ) и грунту безъ всякихъ другихъ измѣненій, оставивъ на ней только ликъ Спасителя, и въ такомъ видѣ возвратилъ ее опять Павлу Сычу, который образъ и освященъ былъ парохомъ Алексѣемъ Тышевичемъ. Наконецъ, въ 1793 году, 29 мая, въ недѣлю предъ Вознесеніемъ Господнимъ, въ домѣ Ивана Хоменка, въ которомъ жилъ (коморовалъ) тогда Павелъ Сычъ, утромъ икона была совсѣмъ сухая, какою видѣлъ ее одинъ изъ свидѣтелей, идучи въ церковь; передъ херувимской пѣсней съ глазъ Спасителя полились капли черезъ все лицо, столь обильныя, что падали на лаву и даже на землю. Когда объ этомъ сообщили въ церковь, гдѣ въ то время еще шло служеніе, то священники Бошковскій и Тышевичъ и множество народа пошли къ хатѣ Ивана Хоменка и, взявши тотъ образъ при пѣніи догматика „Кто тебе не ублажитъ“ проводили его въ Босовскую церковь и поставили въ кіотѣ Божіей Матери, и кромѣ акафистовъ и молебновъ никакого набоженства при немъ не отправляли. Тымко Бурлака житель цыбулевскій, 30 лѣтъ, за присягой показалъ, что лѣтъ 10 страдалъ „злою хоробой“, а пришедши въ Босовку, въ хату Ивана Хоменка, тотчасъ выздоровѣлъ. Меланка, Нечыпора Чекаленка, босовскаго жителя, жена, 48 лѣтъ, за присягой показала, что имѣла сына Ѳеодора, лѣтъ 12 болѣвшаго на ноги. Сначала онъ на новые мѣсяцы страдалъ, а потомъ стоналъ и кричалъ и жаловался, что ему совсѣмъ ноги корчитъ. За приведеніемъ же его въ Босовкую церковь и отправленіемъ предъ тѣмъ образомъ Спасителя акафиста и водосвятія ея сынъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Ярина, Гаврила Воровитаго, изъ с. Верхнячки, жена, 38 лѣтъ, за присягой показала, что болѣла на ноги 16 недѣль и такъ жилы подъ колѣнами стянуло, что не могла ходить, а съ помощью мужа поднималась. Будучи же приведена въ Босовку, по отправленіи службы Божіей и акафиста предъ новоявленнымъ обра-

зомъ, выздоровѣла. Евфимія, Петра Гныды, изъ с. Верхнячки, жена 27 лѣтъ, за присягой донесла, что терпя болѣзнь (нудность) сердца, впала въ тяжкую хоробу, такъ что едва выносила мучительные пароксизмы; а привезенная въ церковь Босовскую, по отправленіи акафиста предъ тѣмъ образомъ Спасителя, тотчасъ выздоровѣла. Постановили: образовавшіеся на образѣ Спасителя, по поновленіи его маляремъ Михаиломъ Словачевскимъ съ закоптѣлаго, бѣлые слѣды отъ капель спадавшихъ до земли въ домѣ Ивана Хоменка отъ короны или діадемы, а за тѣмъ отъ главы, считать натуральными и на кровавые (?) не похожими. А что касается „ласкъ“ (чудесъ) въ болѣзняхъ, то „Право Сар. 3 Сап. 33 д. 5“ признаетъ кобитъ (женщинъ) къ свидѣтельству не правоспособными, и только одинъ остается свидѣтель Тымко Бурлака; свидѣтельство же одного non constat. И какъ владѣлецъ иконы Павло Сычъ подарилъ эту икону на вѣчность Босовской церкви, то онъ долженъ тотчасъ нанять маляра и задѣлать бѣлые смуги на иконѣ. А въ церкви поставить ее подальше при стѣнѣ, никакихъ служеній предъ нею не отправлять и за чудовную ее не считать“.

Нельзя не сказать, что постановленіе уніатской духовной комиссіи отличается благоразумною осторожностью. Быть можетъ, здѣсь имѣло мѣсто соображеніе, что данная икона «хлопская», появившаяся въ хатѣ мужика и обновленная православнымъ иконописцемъ,[1]) а вѣрнѣе то, что и уніатскіе дзеканы находились подъ давленіемъ правительственнаго распоряженія объ искорененіи суевѣрій; какъ бы то ни было, они предпочли поставить дѣло такъ, чтобы въ ихъ районѣ никакихъ чудесъ не было, и чтобы все обстояло благополучно. Но, несмотря на строгое запрещеніе уніатской духовной комиссіи, Босовская „чудовная икона“ продолжала привлекать къ себѣ многихъ богомольцевъ,

---

[1]) Родъ священника Словачевскаго, изъ котораго происходилъ вѣроятно и этотъ маляръ Мих. Словачевскій, славился въ прошломъ вѣкѣ въ Липовецкомъ уѣздѣ при господствѣ уніи сильною приверженностью къ православію.

и ей предстояло еще предстать на судъ православнаго духовнаго начальства.

Неизвѣстно, задѣлывалъ-ли маляръ Михаилъ Словачевскій, по приказанію уніатской духовной комиссіи, „бѣлыи смуги“ на чудотворной босовской иконѣ Спасителя, или нѣтъ, но эти смуги были на иконѣ и во время производства слѣдствія надъ священникомъ Бошковскимъ по поводу его „суевѣрія“: Липовецкое духовное правленіе, сдѣлавъ строгій выговоръ босовской части благочинному Корнилію Леоновичу за то, что онъ, во первыхъ, такъ долго не отвѣчалъ на запросъ правленія объ иконѣ; во вторыхъ, „въ противность узаконеніямъ и инструкціи благочинническої, не доносилъ въ духовную команду о чинимыхъ въ м. Босовкѣ суевѣріяхъ и стеченіи народа, чего ему, яко вблизи Босовки, въ м. Охрѣмовой живущему, нельзя было не знать“, предписало ему немедленно „съѣхать на грунтъ въ м. Босовку“ и отереть „бѣлыи смуги“ на иконѣ Спасителя, а также отвѣтить „по присяжной должности и христіанской совѣсти“: стекается-ли народъ къ этой иконѣ и когда? Отправляются-ли нарочитыя служенія предъ этой иконой и какія? На первый пунктъ правленскаго предписанія благочинный Леоновичъ, въ рапортѣ отъ 26 октября, 1805 года, отвѣтилъ: „Омовеніе оной иконы и отертіе нижеподписавшимся благочиннымъ бывало неоднократно, то во исполненіе предписанія липовецкаго протоіерея г-на Топольскаго, то въ любопытство, что это за матерьялъ, которымъ она облита но оный съ нея не стирается; ибо измывалъ икону чистою водою и истиралъ чистымъ платкомъ, да и неоднократно; но какъ жадною мѣрою ее водою измыть не можно, ибо по измовеніи окажется чистою, а когда высохнетъ опять станутъ бѣліи смугы, то и по сѣ поры оніи на иконѣ имѣются. Но сіе (дѣлалось) безъ удивленія благочиннаго и безъ объявленія народу того за чудо, ибо онъ, благочинный, совершенно вѣдалъ и признаетъ, что таковіи на оной иконѣ смугы учинены натуральнымъ способомъ, почему благочинный прихожанамъ и священнику во время чинимыхъ посѣщеній оной церкви, въ числѣ прочихъ полущенныхъ (потрескавшихся) иконъ, и оную, признанную однимъ кальницкимъ священникомъ Стефаномъ Бош-

ковскимъ единственно для оправданія себя въ преступленіи за чудотворную, починить словесно предлагалъ, но за неимѣніемъ искуснаго живописца по сѣ поры не починены". Касательно же стеченія народа въ Босовскую церковь и отправленія служеній предъ чудотворной иконой Спасителя благочинный Леоновичъ уклончиво отвѣтилъ, что ему „по просьбѣ босовскаго священника Романа Тышевича, довелось служить въ Босовской церкви два раза: одинъ разъ въ воскресный день, но не во время ярмарку, на коемъ служеніи былъ г. Пряжевскій, бывшій липовецкимъ земскимъ исправникомъ, а другой разъ во время чинимаго имъ, священникомъ Тышевичемъ, за умершихъ обѣда; но въ тѣ времена благочиннымъ не усмотрѣно ни людей сторонникъ, ни молебствій какихъ нибудь предъ оной иконой отправляемыхъ".

Хотя въ этомъ своемъ отвѣтѣ благочинный Леоновичъ, повидимому, старается попасть въ тонъ липовецкаго духовнаго правленія и явно осуждаетъ священника Бошковскаго, но правленіе не только не удовлетворилось отвѣтомъ благочиннаго, но даже заподозрило и его въ недобросовѣстности и въ стремленіи замаскировать и скрыть случившееся въ его округѣ „суевѣріе". По крайней мѣрѣ, помимо сообщеній благочиннаго Леоновича, правленіе предписало благочиннымъ—части Лукашевской Ѳалалею Крыжановскому и части оратовской Стефану Яремовскому „безъ всякаго продолженія времени, съѣхавъ на грунтъ въ м. Босовку, учинить обстоятельное, по самой справедливости и присяжной должности изслѣдованіе: 1-е, стекается ли народъ на поклоненіе славимой чудотворною иконѣ? Изъ какихъ мѣстъ, то есть изъ смежныхъ ли только селеній и мѣстечекъ, или и изъ другихъ уѣздовъ и губерній? 2-е, таковое стеканіе народа когда именно бываетъ и сколько разъ въ годъ? И тѣ люди притекающіе какого суть исповѣданія: одного ли православнаго, или и иновѣрнаго? 3-е, приходятъ ли для того жители с. Охрѣмовой? 4-е, бываетъ ли отправляемо во времена прихожденія народа богослуженіе и другія церемоніи и какія именно, и кѣмъ оныя отправляются? 5-е, ежели все сіе отправляется, то благочинный іерей Леоновичъ свѣдущъ ли о томъ, и что онъ

при посѣщеніи церкви по сему случаю дѣлалъ,—не чинилъ ли запрещеній тому? 6-е, въ какомъ разстояніи с. Охрѣмово отъ Босовки, и часто ли благочинный Леоновичъ бываетъ въ Босовкѣ?—и въ прочихъ обстоятельствахъ, сіе дѣло въ ясность привести могущихъ, наблюдая при томъ, чтобы ничего таковаго изъ виду не упустить, и чтобы при таковомъ изслѣдованіи показывали сущую правду, и таковое изслѣдованіе съ поминаемою иконою прислать съ нарочнымъ къ разсмотрѣнію въ сіе правленіе." Но и на такое грозное предписаніе правленія благочинные Ѳалалей Крыжановскій и Стефанъ Яремовскій, рапортомъ отъ 31 октября 1805 года, отвѣтили кратко и также довольно уклончиво: „Во исполненіе указовъ онаго правленія, мы съѣхали въ м. Босовку и за присягою взяли показанія отъ тамошнихъ жителей объ иконѣ Спасителевой, славимой въ церквѣ Михайловской, при чемъ свидѣтели спрашиваны показали: 1-е, что стекается въ м. Босовку въ воскресные дни народъ найболѣе на ярмарку и въ нѣкоторые праздники лѣтнею порою изъ смежныхъ селеній липовецкаго и уманскаго уѣздовъ и Подольской губерніи; 2-е, стекается народъ только православнаго исповѣданія; 3-е, жители с. Охрѣмовой, какъ въ близкомъ разстояніи, частѣе бываютъ; 4-е, во время воскресныхъ и праздничныхъ дней богослуженіе бывало отправляемо въ церкви по чиноположенію предъ намѣстными и славимою иконою приходскими и пріѣзжими священниками; 5-е, благочинный Леоновичъ хотя и свѣдущъ о стеченіи народа, однако при посѣщеніяхъ церкви не чинилъ запрещеній. При семъ и славимую икону черезъ нарочнаго въ липовецкое духовное правленіе благопочтеннѣйше препровождаемъ". Очевидно, и этимъ рапортомъ сторонніхъ благочинныхъ духовное правленіе не могло удовлетвориться и вызвало наконецъ въ свое присутствіе для допроса самого босовскаго настоятеля Романа Тышевича, который 1805 года, 22 ноября, „о находящейся въ босовской церквѣ иконѣ, объявленной за чудотворную, показалъ: что оная икона Спасителя, будучи прежде босовскаго жителя Павла Сыча, уже умершаго, собственная, стояла въ избѣ на приличномъ мѣстѣ, а отъ кого ему доста-

лась—неизвѣстно. И въ 1793 году, лѣтняго времени, когда увидѣли домашніе его, Сыча, на той иконѣ смугы, съ головы якобы текшіе, то, давъ о томъ знать прежде сосѣдамъ своимъ, а послѣ и ему, Тышевичу, объявили оную икону за чудотворную, какова мнѣнія и всѣ зрители были.[1]) По сему, за донесеніемъ о таковомъ признаніи бывшему уніатскому дзекану Кириллу Сѣроцинскому, по повелѣнію онаго Сѣроцинскаго, взята оная икона, бывъ препровождена съ процессіею церковнымъ клиромъ въ Босовскую церковь, гдѣ она находилась, будучи поставлена на стѣнѣ, близъ намѣстной св. Николая иконы до сего времени. Какія-жъ затѣмъ послѣдствія были объ оной иконѣ, хотя онъ Тышевичъ совершенно помнить не можетъ, однако о всемъ томъ пространно объяснено въ декретѣ бывшаго уніатскаго духовнаго начальства, который благочиннымъ іереемъ Леоновичемъ представленъ въ духовное правленіе, и оная икона есть та самая, которую протоіерей Топольскій велѣлъ отереть. Благочинный же іерей Леоновичъ съ священникомъ с. Попудней Ѳеодосіемъ Вороновичемъ съѣздилъ для того предъ прибытіемъ слѣдователей (благочинныхъ Крыжановскаго и Яремовскаго) за нѣсколько недѣль, и въ то время оная икона съ прочими таковыми и цѣлымъ иконостасомъ находилась на хорахъ церковныхъ, куда все то снесено лѣтняго сего года времени въ разсужденіи производимой церквѣ починки. Въ теченіи-жъ времени, по перенесеніи этой иконы въ церковь, люди нѣкоторые, а паче непросвѣщенные хотя почитали оную икону за чудотворную, однако нарочитыхъ какихъ либо моленій въ честь тоя иконы онъ, Тышевичъ, не отправлялъ, и отправлять таковыя ни отъ кого прошенъ не былъ, и сборовъ народа на поклоненіе той иконѣ нарочитыхъ никогда не бывало. Просимые же приходящими людьми разнаго званія во время ярмарковъ,—коихъ въ Босовкѣ черезъ годъ бываетъ не болѣе двадцати,—какъ молебны, такъ водосвященія и акафисты отправлялъ онъ, Тышевичъ, всегда среди церкви, а не передъ

---

[1]) Романъ Тышевичъ былъ въ то время при отцѣ своемъ Алексѣѣ Тышевичѣ пономаремъ въ м. Босовкѣ.

иконою какою-либо. Наконецъ, хотя нельзя, чтобы благочинный іерей Леоновичъ не слышалъ отъ людей о произношеніи помянутой иконы чудотворною, однако никогда о томъ даже не спрашивалъ. Почему же м. Кальника священникъ Стефанъ Бошковскій назвалъ оную икону прямо чудотворною и еще во множественномъ числѣ, онъ, Тышевичъ, не знаетъ, и болѣе въ Босовской церкви иконъ, коимъ бы особливая святость хотя-бъ отъ простолюдиновъ была причитаема, нѣтъ, а развѣ онъ, Бошковскій, подражая непросвѣщеннымъ простолюдинамъ, сіе объявилъ".

Неизвѣстно, какое направленіе приняло бы далѣе это дѣло, но какъ разъ въ это время (въ концѣ ноября 1805 года) священникъ Стефанъ Бошковскій умеръ, и духовному правленію уже не было интереса продолжать дѣло о его суевѣріи. Суевѣріе священника Бошковскаго предано было суду Божію, а священникъ Романъ Тышевичъ, получивъ изъ духовнаго правленія чудовную икону Спасителя, благополучно возвратился съ нею въ свой приходъ и недѣли черезъ двѣ послѣ этого также отошелъ въ вѣчность.

Грустное впечатлѣніе производитъ на читателя это дѣло, начатое по личнымъ счетамъ и веденное съ удивительной изворотливостью. Съ одной стороны, благочинный Леоновичъ и сторонніе благочинные, какъ только дойдетъ дѣло до почитанія народомъ босовской иконы, стараются скрыть, затушевать дѣйствительность отъ грознаго начальственнаго взора своей „духовной команды", а босовскій настоятель Тышевичъ, въ угоду, конечно, этой командѣ, прямо показалъ въ присутствіи духовнаго правленія, „что нарочитыхъ моленій въ честь тоя иконы онъ, Тышевичъ, не отправлялъ, и отправлять таковыя ни отъ кого прошенъ не былъ, и сборовъ народа на поклоненіе той иконѣ нарочитыхъ никогда не бывало".. и что „только священникъ Бошковскій, подражая непросвѣщеннымъ простолюдинамъ сіе объявилъ". Съ другой стороны, духовное правленіе усердно, хотя и тщетно, старается узнать „сущую правду" о чтимой иконѣ, чтобы нагляднѣе доказать суевѣріе священника Бошковскаго и покрывательство благочиннаго Леоновича. Но такъ это было только на бу-

магѣ, въ перепискѣ по „духовной командѣ“; дѣйствительность же текла своимъ особымъ русломъ. Уже и въ самомъ „дѣлѣ“ проскальзываютъ ясныя указанія, что эта плачущая икона Спасителя привлекала къ себѣ большое стеченіе народа, и ею интересовались очень многіе, не изъ однихъ только „непросвѣщенныхъ простолюдиновъ“. Такъ, кромѣ уніатской комиссіи, пятигорское духовное правленіе свидѣтельствовало эту икону и велѣло поставить ее въ церкви на прежнемъ мѣстѣ. Благочинный Леоновичъ, какъ самъ сознается, неоднократно старался обмыть „бѣлыи смугы“ на ней „въ любопытство“, какъ онъ выражается, „но безъ удивленія и безъ объявленія народу то за чудо“. Наконецъ, самъ протоіерей Топольскій имѣлъ непосредственныя свѣдѣнія объ этой иконѣ, ибо еще въ 1799 году, какъ напоминаетъ ему въ своемъ объясненіи благочинный Леоновичъ, онъ, протоіерей, проѣзжая черезъ Босовку, „ревизовалъ оную церковь, и распрашиваясь объ иконѣ тамошнихъ прихожанъ, самъ отиралъ ее перстомъ своимъ, омоченнымъ водою, при чемъ были и засвидѣтельствуютъ босовскіи прихожане“. Безъ сомнѣнія, протоіерей зналъ и о многолюдномъ стеченіи богомольцевъ на поклоненіе этой иконѣ, и о томъ благоговѣніи, какимъ она пользовалась, и даже онъ самъ, конечно, изъ уваженія къ чудотворной иконѣ босовской, не разъ совершалъ богослуженіе въ босовской церкви, хотя Босовка отъ Липовца находится въ 80 верстахъ. Босовскіе же прихожане всѣ показывали слѣдователямъ, что стеченія народа къ чудотворной босовской иконѣ бывали круглый годъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, особенно въ праздники Рождества Іоанна Предтечи и Петра и Павла.[1]) Что эти стеченія народа были очень многолюдны, видно уже изъ того, что при босовской церкви, кромѣ постояннаго причта, всегда проживали и безмѣстные священники. Такъ, въ дѣлѣ о молдавскихъ рукоположенцахъ за 1797 годъ, одинъ изъ нихъ,

---

[1]) Замѣчательно, что и сторонніе благочинные въ донесеніи духовному правленію старались замаскировать причину стеченія въ Босовку народа и писали, что народъ собирается только на ярмарку.

Даніилъ Левицкій, показанъ состоящимъ при „чудовной иконѣ босовской"; и по свидѣтельству босовскихъ прихожанъ, служеніе въ ихъ церкви совершалось не только приходскими, но и пріѣзжими священниками. Очевидно, стеченіе народа въ босовскую церковь было очень большое не только изъ ближайшихъ, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ. Плачущая икона Спасителя привлекала къ себѣ многихъ поклонниковъ.

О чемъ же плакала эта икона? Отчего на ней слѣды слезъ такъ прочно держались, что ни время, ни нарочитыя обмыванія не могли ихъ уничтожить? Тайна этихъ слезъ босовской святыни не замедлила открыться тою безпримѣрною участью, какая постигла м. Босовку въ 1842 году. Польскій мятежъ 1831 года былъ для м. Босовки роковымъ. По усмиреніи мятежа, Босовка была конфискована и отдана въ распоряженіе военнаго вѣдомства, для устройства военнаго поселенія. За сопротивленіе же, оказанное военнымъ властямъ при заведеніи военныхъ поселеній, мѣстечко Босовка въ 1842 году обречена была на совершенное уничтоженіе съ лица земли. Всѣ евреи этого мѣстечка переселены были частію въ м. Сарны, частію въ м. Соколовку. Всѣ крестьяне переселены были въ м. Соколовку. Церковь босовская была разобрана, все ея имущество тоже отдано было въ соколовскую церковь, и по тому мѣсту, гдѣ было цвѣтущее мѣстечко, знаменитое своими ярмарками и своею святынею, прошелъ плугъ земледѣльца... Только въ 1860-хъ годахъ аборигенамъ м. Босовки позволено было вернуться на свое старое пепелище. Они образовали уже не мѣстечко, а скромную деревню—Босовку, устроили въ ней церковь, приписанную къ с. Угловатой, и только года три тому назадъ въ Босовкѣ открытъ самостоятельный приходъ. А бывшая святыня босовской церкви—плачущая икона Спасителя—вмѣстѣ съ другимъ церковнымъ имуществомъ навсегда осталась въ церкви м. Соколовки, гдѣ она находится и по сіе время. Но на новомъ мѣстѣ она уже утратила свое прежнее обаяніе, и къ ней давно уже заросла народная тропа...

Протоіерей **В. Липковскій**.

Письма профессора Университета св. Владиміра протоіерея Назарія Антоновича Ѳаворова къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

(Окончаніе [1]).

12.

Вчера, то есть 3 мая, получилъ я отъ Васъ третье послѣ Пасхи письмо; стало быть Вы перегнали меня однимъ письмомъ. Но тѣмъ не менѣе я считаю за Вами небольшой должокъ: до сихъ поръ Вы ни однимъ словомъ не отвѣтили мнѣ на двѣ просьбы, изложенныя въ первомъ письмѣ моемъ къ Вамъ. Позвольте напомнить, по крайней мѣрѣ, объ одной изъ нихъ, именно по дѣлу князя Ширинскаго. Потрудитесь пожалуйста сказать слова два по этому предмету, чтобы я зналъ, что отвѣчать князю, въ случаѣ, если бы онъ снова написалъ мнѣ что-нибудь по тому же дѣлу своему. Судя по числу засѣданій комитета, можно думать, что Вы рѣшились покончить дѣло къ іюню. Дай Богъ! Только не вѣрится какъ-то въ подобный успѣхъ: слишкомъ недалеко еще уѣхали Вы отъ начала, а, вѣрнѣе сказать, почти еще и не подвинулись съ мѣста, хотя, конечно, начинается уже

[1]) См. Кіев. Ст., № 11.

и приппориванье. Не ожидалъ я вмѣшательства свыше, хотя дѣло, по которому вмѣшиваются, весьма неважно, и я, съ своей стороны, какъ прежде не стоялъ, такъ и теперь не вижу побужденія стоять за него,—тѣмъ не меньше чувствовать давленіе совнѣ непріятно. Кто этотъ одинъ на котораго особенно... ...Думаю, что Вы употребили третье лицо вмѣсто перваго. Нокто-бы ни былъ это, во всякомъ случаѣ особенно непріятно слышать именно о гнѣвѣ на одного, ибо это значитъ дѣйствовать въ разбивку. Впрочемъ, никакихъ дальнѣйшихъ слѣдствій, по всей вѣроятности, не будетъ изъ этого: разумѣю слѣдствія въ сферѣ комитетской дѣятельности, а о другихъ и думать не хочу.

Я прошлую недѣлю почти всю провелъ въ экзаменахъ, съ викаріемъ и безъ онаго. Безъ непріятностей, по обыкновенію, не обошлось, но писать объ нихъ не хочется, хотя кое-что изъ нашихъ соотношеній (не приберу другого термина) сдѣлалось предметомъ городской молвы. Въ Институтѣ петербургскій ревизоръ, тайный совѣтникъ Колесовъ. Что выйдетъ изъ этой ревизіи, угадать еще трудно. Начальница—довольно странное лицо. Говорятъ, она умна и очень хорошо образована; но дѣйствуетъ совершенно безтактно. Изъ Института разбѣгаются. Можетъ быть, со временемъ все поуляжется. Перваго мая былъ пирогъ у ключаря, отъ котораго (т. е. пирога, а не ключаря) и я вкушалъ. Погода была не великолѣпная. И вообще весна у насъ не роскошная; нѣсколько дней уже стоятъ порядочные холода съ дождями. Вчера въ особенности много дождя выпало. Воображаю, что у васъ тамъ дѣлается. Кончайте пожалуйста все, чтобы осенью не пришлось, по крайней мѣрѣ, отказываться отъ новой прогулки въ Питеръ. Холера у васъ, кажется, затихла, а оспа не появлялась. Послѣдней боятся и у насъ. Прививаніе въ ходу. И моимъ дѣтямъ привита оспа недавно. Но мнѣ кажется, больше бояться нужно холеры. Дай Богъ чтобы не было ни того, ни другого. Ист.-фил. факультетъ проголосовалъ представленіе въ совѣтъ о юбилеѣ М. А.; [1]) но прошлый разъ совѣтъ не со-

[1]) М. А. Максимовичъ.

стоялся; авось состоится на нынѣшней недѣлѣ. Что послѣдуетъ, увѣдомлю. Даніилу Гавриловичу усердно челомъ бью.

Истинно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

4 мая 1871 года.

13.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Письмо Ваше я получилъ 25 сентября. Въ него вложено было письмо Ваше къ сестрѣ, которое я долженъ былъ передать тотчасъ же, но, по непростительной забывчивости, до настоящаго часа не передалъ. Поэтому прежде всего умоляю Васъ извинить меня за такую разсѣянность. Впередъ надѣюсь быть совершенно исправнымъ, если буду имѣть какія-бы то ни было порученія отъ Васъ. Между тѣмъ сейчасъ же отправляю письмо по назначенію и съ откровеннымъ объясненіемъ въ своей оплошности. Засѣданія комитета, безъ сомнѣнія, уже начались и, я надѣюсь, Вы не оставите меня безъ извѣстій объ ихъ ходѣ. Какъ видно, въ мнѣніяхъ своихъ не очень тверды и постоянны многіе изъ членовъ комитета. Да это и понятно. Вѣдь правду сказать, едва ли кто изъ насъ говорилъ и говоритъ со всею искренностью и по одному сознанію того, что и какъ лучше бы сдѣлать. Нѣкоторые, я полагаю, имѣютъ опредѣленный взглядъ на дѣло, но не выговариваютъ всего, что думаютъ. Другіе переходятъ отъ одного мнѣнія къ другому, повидимому, въ силу большаго и большаго уясненія себѣ предмета, а на самомъ дѣлѣ, просто, по непмѣнію опредѣленнаго взгляда на цѣлое дѣло. Иные, наконецъ, привязанность къ рутинѣ считаютъ за убѣжденіе и ратуютъ не за то, что дѣйствительно сознаютъ вѣрнымъ и правымъ, а за то, къ чему привыкли. Что-жъ изъ этого выйдетъ? Право, я прихожу къ мысли, какъ-бы не вышло что нибудь похуже прежняго. Починивать старое вообще не совсѣмъ безопасная работа; а комитету приходится заняться именно такою работою. Компро-

миссы являются какою-то неизбѣжностью; а изъ нихъ рѣдко когда выходитъ что-нибудь доброе, и то развѣ на время. Извините меня за такой скептицизмъ, если, впрочемъ, Вы сами не раздѣляете его въ душѣ. За всѣмъ тѣмъ, однако-жъ, повторяю мою просьбу извѣщать мнѣ по прежнему обо всемъ, что у Васъ дѣлается и будетъ дѣлаться. Вызовъ преосвященнаго Димитрія меня радуетъ: дай Богъ ему каѳедру московскую. Что бы ни говорили, а эта личность едва ли не наиболѣе свѣтлая въ нашей духовной сферѣ. Увижусь ли я съ нимъ въ Кіевѣ, не знаю; но во всякомъ случаѣ спутникомъ его въ столицу, по всей вѣроятности, не буду. Это, впрочемъ, еще далеко впереди. Завтра, т. е. 29 сентября, у насъ будетъ освященіе церкви въ Галагановской коллегіи; освящать будетъ митрополитъ; участвовать буду, между прочимъ, и я. Открытіе Коллегіи будетъ 1 октября, о чемъ, впрочемъ, Вы вѣроятно узнаете раньше прочтенія этого письма изъ газетъ. Коллегія отдѣлана очень хорошо, я осматривалъ ее. Особенно мнѣ понравилась библіотека, не по содержанію ея, котораго я не знаю, а по отдѣлкѣ и размѣщенію шкаповъ и другихъ принадлежностей. Да и вообще все наружное въ заведеніи очень хорошо: свѣтло, чисто, комфортабельно и отчасти даже роскошно. Дай Богъ, что-бы внутреннее оказалось соотвѣтственно хорошимъ. Мой усерднѣйшій поклонъ Даніилу Гавриловичу. Поѣздка за границу, очевидно, принесла ему пользу и—слава Богу. Надѣюсь, что съ уменьшеніемъ его по объему, онъ не сократится въ добрыхъ чувствахъ и расположеніи къ старымъ товарищамъ и, между другими, ко мнѣ. Я весьма радъ былъ бы снова увидѣться съ нимъ и пожить вмѣстѣ; но будетъ ли это, Богъ вѣсть. Кто-то недавно спрашивалъ меня, кто теперь профессоромъ богословія въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Я и самъ желалъ бы знать объ этомъ. Не забудьте сообщить, когда будете писать. Будьте здоровы и во всемъ благоуспѣшны.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

28 сент. 1871 года.

14.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ.

Прочитавши письмо Ваше отъ 30 сентября, я задалъ себѣ вопросъ: кончитъ ли когда-нибудь комитетъ нашъ свою работу? Одно только представляется основаніе для положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, именно, что все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, слѣдовательно и проч. Но при этомъ остается еще недоумѣніе, въ чемъ будетъ состоять окончаніе нашего дѣла. Можетъ быть, мы, не наполнивши бочки Данаидъ, закупоримъ ее, какъ наполненную, и сдадимъ съ рукъ. Я думаю, что такъ случится. Да, въ нашей бочкѣ дырки со всѣхъ сторонъ. Вотъ кажется, налили по меньшей мѣрѣ до половины или даже чуть не до верха, но на другой день хвать—въ бочкѣ ни капли: все вытекло. Такова неизбѣжная участь всего, что дѣлается безъ твердыхъ основныхъ началъ. Въ „Голосѣ“ полагаютъ, что если-бы въ комитетъ пригласили такихъ профессоровъ, какъ Сергіевскій и Горчаковъ, то „музыка пошла-бъ не та“. Можетъ быть не та, да только едва ли для ушей было бы легче. Не лица виноваты, и не дѣло само по себѣ трудно: обстоятельства—вотъ самое главное, какъ объясняла старая барыня, вышедшая за лакея замужъ, приговаривая: обстоятельства всего сильнѣе на свѣтѣ. Какъ бы не случилось и съ нашимъ дѣломъ того же, что со старою барынею. Кромѣ шутокъ, я не предвижу сколько нибудь счастливаго исхода комитетскихъ работъ. Приходится утѣшаться однимъ русскимъ „авось“. Пока имъ и буду утѣшаться: авось будетъ лучше! О преосвященномъ Димитріи я никому ничего не говорилъ, и, оказалось, хорошо сдѣлалъ. Изъ сего можно видѣть, между прочимъ, что мнѣ довольно безопасно передавать слухи, хотя бы они были и не совсѣмъ вѣрны. Кто же будетъ профессоромъ богословія въ С.-П. университетѣ? Горчаковъ требуетъ доктора для богословской каѳедры, вѣроятно потому, что онъ самъ сдѣлается докторомъ. Предложеніе его, само по себѣ, резонно, но въ его устахъ оно показалось мнѣ какъ-то недели-

катно. Назначеніе о. Александра въ Ташкентъ снимаетъ титулъ ташкентскаго съ о. Филарета, которому я уже передалъ Вашъ поклонъ. Въ нашей Академіи недавно, именно 3 числа, былъ актъ. Рѣчь читалъ Вороновъ. Кажется, дѣльная; только ораторъ спѣшилъ и говорилъ тихо: многаго—нельзя было разслушать. Отчетъ читалъ Терновскій. Послѣ длинной рѣчи—длинный отчетъ и, какъ всѣ отчеты, сухой, оказался публикѣ не подъ силу: попросили окончить поскорѣе. Публики было немного. Вообще, какъ-то шло все довольно вяло. Веселѣе стало за завтракомъ у о. Филарета, гдѣ какъ будто больше явилось и публики. Въ числѣ публики былъ и М. П. Погодинъ. Онъ и теперь здѣсь и самъ недавно, именно 4-го числа, собиралъ около себя публику. Въ залѣ первой гимназіи, отъ 7-ми до 10-ти вечера собравшіеся по приглашенію слушали его драму: „Петръ Великій“, написанную имъ, по его собственному заявленію, сорокъ лѣтъ назадъ, читанную нѣкогда Пушкину и Жуковскому и благословленную ими, но цензурою не допущенную въ свѣтъ. Драма умная (я также былъ въ числѣ приглашенныхъ): въ этомъ ея достоинство, но въ томъ же, можетъ быть, и ея недостатокъ. Во всякомъ случаѣ—вещь довольно замѣчательная. Но—довольно. Глубокій поклонъ Даніилу Гавриловичу. Прошу кланяться и Василію Аѳанасіевичу.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

6 октября 1871 года.

15.

Любезный другъ, Петръ Гавриловичъ!

Послѣднее письмо Ваше я получилъ въ то самое время, какъ отправилъ свое письмо къ Вамъ. Я хотѣлъ было возвратить посланнаго на почту, чтобы пополнить написанное, сообразно съ содержаніемъ Вашего письма, но такъ-какъ ничего существеннаго не могъ прибавить къ тому, что говорилось въ отправленномъ письмѣ, то и не сдѣлалъ этого. И теперь я не имѣю

сказать ничего новаго относительно извѣстнаго предмета. Вѣроятно, такъ уже суждено, чтобы мнѣ остаться за штатомъ комитета. Все сложилось у меня противъ поѣздки въ Петербургъ: и занятія по должности, и состояніе моего здоровья, и домашнія обстоятельства. Думаю, что теперь моя поѣздка была-бы лишнею, если бы для меня и открылась возможность ѣхать. И такъ, я посижу дома, а Вы пожалуйста не оставляйте меня безъ свѣдѣній о комитетскихъ новостяхъ. Кланяется Вамъ Николай Дмитріевичъ и поручаетъ мнѣ попросить Васъ о маленькомъ одолженіи для него. Имъ подано еще отъ 15 іюля текущаго года прошеніе въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія о высылкѣ ему [illegible]аго аттестата о службѣ, такъ какъ аттестатъ былъ украденъ у него вмѣстѣ съ другими вещами; но до сихъ поръ прошеніе его остается безъ удовлетворенія. Нельзя ли какъ нибудь, хоть черезъ А. Е. Ильинскаго, разузнать, отъ чего это происходитъ, и вмѣстѣ напомнить о высылкѣ аттестата. Хотя дѣло это, говоритъ Н. Д., не срочное, но все-таки нужное, въ особенности потому, что пожалуй безъ аттестата не захотятъ съ новаго года выдавать пенсіи. Въ Кіевѣ новаго ничего, кажется, нѣтъ. Государь Императоръ былъ у насъ 25-го на самое короткое время. Государыню ожидаютъ въ ноябрѣ.

Кто-то напечаталъ въ газетахъ, что въ Кіевской Академіи готовится цѣлый рядъ диспутовъ на докторскую степень и что докторанты, изъ уваженія къ своему ректору, представляютъ ему первому, хотя это и противъ очереди, защищать докторскую свою диссертацію. Не знаю, сколько явится докторантовъ здѣсь впослѣдствіи, а теперь есть пока одинъ Скворцовъ. Что-же касается до уважительнаго предоставленія ректору защищать первому свою диссертацію, то ужъ не злая ли это выдумка? По крайней мѣрѣ, для него самого это оказалось такою же новостію, какъ и для другихъ. Усердный поклонъ Даніилу Гавриловичу. Всего лучшаго желаю Вамъ.

Преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

28 октября 1871 года.

16.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Сегодня я отправилъ письмо къ Вамъ, сегодня же пишу и другое, чтобы отправить его завтра. Дѣло въ томъ, что мнѣ представляется не невозможнымъ побывать и въ Петербургѣ, если еще не совсѣмъ ушло время пополнить моимъ голосомъ мнѣніе правой, по моему мнѣнію, стороны и если дѣйствительно къ Рождеству можетъ окончиться все комитетское дѣло. Объ этомъ я и спѣшу заявить Вамъ. Не могу сказать рѣшительно, что непремѣнно пріѣду въ половинѣ ноября, но условно обѣщаю сдѣлать это. Здоровье мое дѣйствительно, а не въ шутку, какъ можетъ представляться Вамъ, скверно; кромѣ того, много обстоятельствъ, которыхъ, при всей моей откровенности съ Вами, я не въ состояніи сообщить Вамъ, мѣшаютъ мнѣ распоряжаться собою свободно. Итакъ, если подобныя препятствія—не то что исчезнутъ, но, по крайней мѣрѣ, не будутъ очень сильны, я могу около 15-го ноября сняться съ якоря и поплыть къ норду. Впрочемъ, я не замедлю еще писать къ Вамъ до того времени. Надѣюсь и отъ Васъ получить извѣстіе, которое можетъ или побудить меня къ рѣшимости, или отклонить отъ ней. Отчего это письмо Ваше, помѣченное 23 октября, получено мною только 29-го? Не на долгихъ же оно тянулось отъ Питера до Кіева. Или Вы, написавъ, даете время просохнуть и высвѣжиться написанному, пока не отправите на почту? Заключая письмо Ваше, Вы сказали съ вопросительнымъ знакомъ: *до свиданія*. Я желалъ бы окончить мое письмо тѣмъ же словомъ безъ вопросительнаго знака, но боюсь, чтобы другой кто или другое что не поставили этого знака. Во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ-ли, въ Кіевѣ-ли, желаю видѣть Васъ въ совершенномъ здоровьи, въ мирѣ, благодушіи и радости. Какъ поживаетъ Даніилъ Гавриловичъ? На долго ли помогли ему заграничныя воды? Обычный

мой дружескій поклонъ ему, съ желаніемъ всякаго добра. Прошу покорно кланяться и В. Аѳанасьевичу.

Душевно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

29 окт. 1871 года.

17.

Что мнѣ отвѣчать Вамъ, мой добрый другъ Петръ Гавриловичъ! Мнѣ такъ тяжело, что и выразить это трудно. Ѣхать нужно, Вы говорите; а я ед[illegible] могу двигаться отъ тоски и горя [1]). Какъ желалось бы мнѣ теп[illegible] лично поговорить съ Вами? Но въ состояніи ли я буду ѣхать въ Петербургъ, не знаю. Не знаю также, что отвѣчать Василію Аѳанасьевичу. Благодарю Васъ отъ всего сердца за ваше сочувствіе и прошу не оставлять меня дружескими совѣтами и помощію въ моемъ несчастномъ положеніи. Прежде я хоть по временамъ забывался и способенъ былъ интересоваться другимъ, а теперь одно чувство давитъ и душитъ меня. Ничто нейдетъ въ голову. Боже мой! прояснится ли когда нибудь жизнь моя! Не видя никакого средства поворотить обстоятельствъ къ лучшему я принужденъ предоставить все ходу самого дѣла. Если найду въ себѣ силы ѣхать, то поѣду въ половинѣ мѣсяца, а если нѣтъ, то увѣдомлю Васъ. Прощайте пока, любезный другъ мой. И голова и руки плохо служатъ. Даніилу Гавриловичу мой искренній поклонъ. Отъ него, конечно, не скроется мое горе, и я надѣюсь, что и онъ сочувствуетъ несчастію свего стараго товарища. Будьте здоровы, и не дай Богъ Вамъ испытать и похожаго чего нибудь на мое горе.

Всею душою преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

9 ноября 1871 года.

---

[1]) Горе это—чисто семейнаго характера, почему эти строки мы опускаемъ.

18.

Съ новымъ годомъ,

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Дай Богъ, чтобы хорошее старое продолжалось для Васъ и въ новомъ году, а все новое въ немъ было не только не хуже, но и лучше стараго. Къ числу благожеланій моихъ Вамъ позвольте пріобщить и то, чтобы комитетъ нашъ разрѣшился, наконецъ, отъ своего бремени и чтобы плодъ его не оказался ни мертво-рожденнымъ, ни какимъ нибудь калѣкою отъ чрева матерняго. За исключеніемъ этого послѣдняго благожеланія, всѣ другія обращаю также и въ такой же мѣрѣ къ Даніилу Гавриловичу, какъ и къ Вамъ самимъ. Я возвратился домой въ день Вашихъ имянинъ, которыя, надѣюсь, Вы провели и отпраздновали такъ-же хорошо, какъ отпразднованы были имянины Даніила Гавриловича. Соборъ вашъ не освященъ. Преосвященный викарій не захотѣлъ освящать по неполности иконостаса, т. е. за недостаткомъ извѣстныхъ иконъ. Кажется, это—одинъ предлогъ, подъ которымъ ему можно было служить въ праздникъ у себя въ теплой домовой церкви. О дѣлахъ комитетскихъ не переставайте сообщать мнѣ, прошу Васъ, все, что сколько нибудь серьезно. Касательно письма москвичей, по которому Вы лоскомъ хотѣли положить (кого или что, не припомню), я еще не собралъ свѣдѣній. Да пусть ихъ пишутъ, что хотятъ; лишь дѣло бы шло своимъ законнымъ порядкомъ. Поклонитесь, пожалуйста, отъ меня Василію Аѳанасьевичу. Затѣмъ, желая Вамъ, купно съ Даніиломъ Гавриловичемъ, благоденственнаго и мирнаго житія, во всемъ благоуспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія, прошу не забывать

душевно преданнаго Вамъ Н. Ѳаворова.

29 декабря 1871 года.

19.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Радуюсь, что комитетъ нашъ vivit. А я проболѣлъ около трехъ недѣль, и хотя въ постели не лежалъ, но не могъ выходить изъ своего кабинета до 6 февраля. И теперь еще не вполнѣ valeo. Вѣроятно морозы наши, продержавшіеся съ конца генваря до настоящаго времени, имѣли на меня неблагопріятное вліяніе. У Васъ, по крайней мѣрѣ въ комитетѣ, вѣроятно не холодно, а по обыкновенію жарко. Чья статья помѣщена была въ Голосѣ (№ 29) о проектахъ комитета? Писалъ, очевидно, знающій дѣло и писалъ въ пользу нашей секціи. Можно думать, что она принадлежитъ кому нибудь изъ нашихъ, или составлена по свѣдѣніямъ изъ первыхъ рукъ. Но „Голосъ" подвергся карѣ: какъ-бы не послѣдовало, откуда слѣдуетъ или не слѣдуетъ, предостереженій и нашему большинству! Что сказать Вамъ о Кіевѣ? 6 февр. у насъ были три торжества разнородныя: освящали теплый соборъ, открывали памятникъ Бобринскому и служили въ университетской церкви панихиду по Милютинѣ. Я былъ только на послѣдней, т. е. я служилъ ее, вышедши въ первый разъ изъ своего заточенія. Другихъ торжествъ не видѣлъ, потому что долженъ былъ скорѣе возвратиться домой. Свѣдѣнія о нихъ вы, безъ сомнѣнія, имѣете изъ другихъ писемъ и газетъ. Теперь у насъ продолжаются еще контракты, отсроченные до 20 февраля. Говорятъ, даютъ концерты, маскарады и т. д. Значитъ, кое-кто веселится. Собираются дать обѣдъ генералъ-губернатору; вчера приносили ко мнѣ листъ для подписки, но не застали меня дома; принесутъ ли въ другой разъ, не знаю; не буду жалѣть, если и не придется вынуть изъ кармана рублей 12 или 14, тѣмъ больше, что въ карманы теперь простираютъ руки безпрерывно то съ той, то съ другой благодѣющей или признательнолюбивой стороны. Чтобъ исполнить Ваше порученіе по предмету сборовъ острожскаго братства, надобно повидаться съ Галаганомъ и Ригельманомъ. Съ первымъ я недавно

видѣлся, а о второмъ не знаю, въ Кіевѣ ли онъ. Постараюсь побывать у нихъ, когда окрѣпну побольше. Вчера былъ, послѣ долгаго небыванія, у Н. Д. Иванишева. Онъ просилъ кланяться Вамъ. Аттестата своего не получилъ онъ доселѣ. Что бы это значило? Не освѣдомитесь ли еще разъ? Прошу передать мой обычный дружескій поклонъ доброму Даніилу Гавриловичу. Какъ мнѣ ни тяжело бывало ѣздить въ Петербургъ, но о пребываніи тамъ въ дружеской средѣ нашей я всегда вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ. Будьте здоровы и во всемъ благоуспѣшны.

Истинно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

14 февр. 1872 года.

20.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Я такъ замолчался, что даже не помню, когда въ послѣдній разъ писалъ къ Вамъ. Извините. На это были причины, о которыхъ теперь говорить не время и не кстати. Обстоятельства, кажется, поворачиваютъ къ лучшему, и во мнѣ воскресаетъ участіе къ тому, что совсѣмъ перестало было интересовать меня. Благоволите сообщать мнѣ по прежнему о движеніи комитетскаго дѣла, если оно не перестало еще двигаться. А, можетъ быть, Вы уже у цѣли? Тѣмъ любопытнѣе знать, чѣмъ все разрѣшилось. Какой это „разумнѣйшій изъ членовъ“ С. сказалъ, что двойни комитета пригодятся? Значитъ, все къ лучшему. Такой оптимизмъ въ людяхъ, qui sedent in puppi et lavem tenent, сколько неожиданъ, столько же и успокоителенъ; по крайней мѣрѣ, онъ лучше московскаго пессимизма. Статьи о духовно-судебной реформѣ въ „Православномъ Обозрѣніи“ я не читалъ доселѣ, а писать что нибудь для печати не только по этому, но и по какому бы-то ни было предмету, въ настоящее время для меня вещь невозможная. У насъ въ Кіевѣ къ числу наиболѣе интересныхъ новостей принадлежатъ, конечно, академическія защиты доктор-

скихъ диссертацій. Одна таковая уже была, другая предстоитъ въ близкомъ будущемъ. На послѣдней надѣюсь быть; на первой я не былъ и, кажется, къ лучшему. Не обошлось безъ кое-какихъ скандаловъ. Непріятнѣе всего, что и въ небольшой академической семьѣ существуютъ не маленькія интриги. Кажется, и о. Филаретъ готовится къ подвигу докторства, но не говоритъ объ этомъ ни слова. Да я, впрочемъ, и не распрашивалъ его объ этихъ вещахъ. Видѣлся недавно съ Н. Дмитріевичемъ и передаю Вамъ поклонъ его; а объ его аттестатѣ не будете ли имѣть случая напомнить снова? Любезнѣйшему Даніилу Гавриловичу, при дружескомъ поклонѣ, всевозможныя благожеланія, прежде же и паче всего желаніе здоровья. А Вамъ самимъ—здравія, долгоденствія, во всемъ благоспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія.

Истинно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

16 марта 1872 года.

21.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Письмо Ваше отъ 30 марта я получилъ 4 апрѣля; а сегодня, т. е. 8 апр., получилъ и пакетъ съ „проектомъ девяти“. Кажется, дѣло подходитъ къ концу. Развѣ исторія съ объяснительными записками затянетъ его? За апологіею Лаврова я еще не посылалъ, потому что опять проболѣлъ сряду двѣ недѣли и завтра только, если Богъ дастъ, выгляну на свѣтъ Божій послѣ 14-дневнаго заключенія своего въ кабинетѣ. То, что Вы разсказываете о маневрахъ Лаврова, мнѣ вполнѣ понятно. Можно уважать чужія убѣжденія, самыя противныя нашимъ собственнымъ, но едва ли по убѣжденію только дѣйствуетъ тотъ, кто хитритъ и лицемѣритъ для проведенія своихъ мыслей. Но Богъ съ ними—съ подобными мужами науки. Можетъ быть, дѣло сдѣлается не такъ, какъ хочется тому или другому, въ виду

любимыхъ идеаловъ, а какъ слѣдуетъ ему сдѣлаться, въ силу закона усовершимости. По крайней мѣрѣ, у меня есть такая надежда. Проектъ нашъ я прочиталъ тотчасъ же по полученіи его и тотчасъ же его и подписалъ. Измѣненій въ немъ противъ прежняго я не замѣтилъ, кромѣ исключенія изъ вѣдѣнія духовныхъ судей такого рода дѣлъ, за которыя виновные подвергаются наказанію со внесеніемъ этого въ послужной списокъ. Но какимъ образомъ изъ проекта восьми онъ сдѣлался проектомъ девяти? Кто присоединился къ нашему толку? Кажется, вы не писали мнѣ ничего объ этомъ. Девять—число знаменательное: можетъ быть, оно значитъ что нибудь и въ нашемъ дѣлѣ. Возвращеніе проекта по необходимости отлагаю до 10-го числа, т. е. до страстного понедѣльника. У насъ въ Кіевѣ ничего новаго, кажется, нѣтъ. Погода въ послѣднихъ числахъ марта стояла великолѣпная. Н. Дмитріевичъ получилъ, наконецъ, свой аттестатъ и просилъ меня, [illegible]арить Васъ за содѣйствіе высылкѣ его, т. е. аттестата. Возвращайтесь поскорѣе въ Кіевъ. Если засѣданія комитета продлятся еще нѣсколько недѣль послѣ Пасхи, то вы дѣйствительно приготовите проектъ какъ разъ къ политехнической выставкѣ московской. Тамъ онъ могъ бы привлечь къ себѣ вниманіе очень многихъ, если бы экспоненты присоединили къ произведенію своему правдивую исторію его выработки. Прощайте однако-жъ,—боюсь заболтаться. Мой обычный искренній поклонъ Д. Гавриловичу. Можетъ быть,—въ другой разъ до праздника я не соберусь написать къ Вамъ, въ такомъ случаѣ примите заранѣе мое душевное поздравленіе и самыя искреннія благожеланія. Василію Аѳанасьевичу также мой почтительный поклонъ. При свиданіи съ о. Прохоромъ и дѣтьми его, свидѣтельствуйте имъ отъ меня всегдашнее почтеніе и память.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

8 апр. 1872 года.

22.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Долго не получая письма отъ Васъ, я началъ было уже подумывать, не получу ли, вмѣсто письменнаго, личнаго привѣта Вашего; впрочемъ долго не останавливался на этой мысли, возвращаясь къ моему прежнему убѣжденію, что всему на свѣтѣ есть конецъ, кромѣ комитетовъ. Теперь, вопреки даже Вашему собственному чаянію, я полагаю, что не видать Вамъ Кіева не только въ маѣ, но, можетъ быть, и іюлѣ текущаго года. А май нашъ хорошъ, только уже черезчуръ зноенъ. Будущность нашего проекта, кажется, не очень свѣтла. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, какъ взглянутъ на его положенія, но какъ посмотрятъ, или уже и смотрятъ, на полагающихъ. Старинная привычка, сильная особенно въ извѣстной сферѣ, привычка бить, не мнѣнія а думающихъ, можетъ и теперь проявиться въ прежней силѣ своей. Не знаю, впрочемъ, какъ Васъ, а меня это не много безпокоитъ, можетъ быть потому главнымъ образомъ, что у меня были, да и теперь еще есть такія огорченія, въ сравненіи съ которыми все другое является уже пустякомъ. Какъ отнесся нашъ митрополитъ къ проекту? Вѣрно, Вы не разъ имѣли съ нимъ разговоръ объ этомъ предметѣ. А Лавровъ продолжаетъ бросать молніи и громы на враговъ своихъ, которые, по нему, враги церкви, или даже вообще враги Креста Христова. Прочиталъ я вторую апологію его и могу пока сказать объ ней одно: безвкусица страшная, заносчивость старообрядческая и нетерпимость ультра-монтантская. Я лучше думалъ о немъ, хотя и никогда не сходился съ нимъ. Что-то въ третьей апологіи! Но довольно пока о петербургскомъ, теперь нѣсколько словъ о кіевскомъ. Недавно былъ у меня экзаменъ въ Университетѣ. Я приготовился къ нему нравственно, рѣшившись напередъ воздерживаться отъ всякихъ преній. Однако-жъ и въ настоящій разъ не вполнѣ удалось мнѣ это. Не было возможности молчать. Студенты мои отвѣчали очень порядочно. Изъ 13 человѣкъ,

спрошенныхъ при викаріѣ, ни одинъ не оказался слабымъ. Самъ викарій [1]), при прощаніи, отозвался мнѣ объ отвѣтахъ ихъ весьма благопріятно; но я думаю, что прошлогодняя исторія легко можетъ повториться, если къ тому представится поводъ; потому что, повторяю, для меня не было возможности промолчать на всѣ возраженія... И хотя я не сказалъ ничего рѣзкаго, однако-жъ по городу сейчасъ пошли анекдоты. Не въ одномъ уже мѣстѣ меня спрашивали, правда ли... то-то и то-то. Сущность вотъ въ чемъ? Студентъ отвѣчалъ, по нравственному богословію, о дѣлахъ христіанскаго милосердія и, во-первыхъ, о нищелюбіи съ христіанской точки зрѣнія. Преосвященный останавливаетъ его и говоритъ, что это „вовсе не церковное, а ваше философское ученіе. По ученію церкви, нищихъ между христіанами не должно быть“.—А что-жъ дѣлать, когда они есть?—„Очень просто, продолжаетъ онъ: сдѣлать, чтобъ ихъ не было. Теперь у насъ все поглощается причтами церковными: имъ и земля дается, и жалованье, и доходы; а они еще вопіютъ, что плохо обезпечены. Представьте же, что все это, что идетъ на священниковъ и причетниковъ, обращено на помощь бѣднымъ: тогда, вѣрно, не оказалось-бы нищихъ. Вѣдь по меньшей мѣрѣ, 15 милліоновъ было-бы сбережено... Священники же сами должны помогать другимъ, а для этого они должны быть избираемы изъ зажиточныхъ поселянъ и проч. Вы знаете эту теорію?“ Студентъ, конечно, молчалъ; но можно ли было молчать мнѣ во все время развитія этой теоріи? Сначала я дѣйствительно хотѣлъ ограничиться только тѣмъ замѣчаніемъ, что ученіе о христіанскомъ милосердіи и проектъ экономическаго устройства церкви и общества—вещи совершенно разныя и что въ нравственномъ богословіи, по моему мнѣнію, не должно быть мѣста для подобныхъ, да и ни для какихъ, проектовъ. Сказавъ это, я не думалъ продолжать пренія. Но одинъ изъ членовъ экзаменаціоннаго комитета поспѣшилъ выразить родъ благоговѣнія къ возвышенному взгляду на дѣло его преосвященства и тутъ-же

[1]) Епископъ Порфирій.

замѣтилъ, какъ дерутъ въ церквахъ даже за мѣсто для могилы съ самыхъ бѣдныхъ людей. Тогда я вступился въ рѣчь и, указавъ прежде, что доходы за кладбищенскія мѣста вовсе не идутъ въ карманы священниковъ (что не должно быть неизвѣстно епископу), перешелъ затѣмъ и къ нѣкоторымъ другимъ пунктамъ разсужденія викарія. Такъ какъ онъ продолжалъ настаивать на выборѣ священниковъ изъ мужиковъ полуграмотныхъ и въ основаніе своего сужденія полагалъ ученіе Апостола Павла, то я попросилъ себѣ Библію и, отыскавши въ посланіи къ Тимоѳею извѣстное мѣсто о качествахъ, какія долженъ имѣть пастырь, я прочиталъ громко и раздѣльно это мѣсто, ударивъ на слово „учительну“ (подобаетъ быти) и окончивъ безъ всякаго умысла словомъ: „не сварливу“. На этомъ и прекратились разсужденія наши. Какъ видите, я вовсе не хотѣлъ уязвить преосвященнаго; но студенты, вѣроятно, поняли дѣло нѣсколько иначе, и совершенно истинный случай разсказывается по городу въ такомъ смыслѣ, какого онъ не имѣлъ. Говорятъ, что я, долго не отвѣчая ничего викарію, взялъ, наконецъ, Библію и прочиталъ: „подобаетъ епископу быти не... сварливу“ и что будто-бы этимъ и прекращены были разсужденія. Мнѣ повторилъ этотъ разсказъ, между прочимъ, и А. Н. Муравьевъ... Въ субботу будетъ еще экзаменъ въ женской гимназіи, но—авось все окончится благополучно. На диспутѣ В. Ѳ. Пѣвницкаго я опять не былъ по болѣзни. Въ „Кіевлянинѣ“ на другой день были помѣщены рядомъ двѣ статейки объ этомъ диспутѣ радикально противоположнаго характера: въ одной хвалится докторантъ и унижается оппонентъ его Лашкаревъ; въ другой—наоборотъ. Каждому очевидно, что заявленія эти изъ двухъ враждебныхъ лагерей; но скандалъ порядочный. Отецъ Филаретъ печатаетъ „объ Іовѣ“. Скоро, должно быть, и онъ будетъ диспутировать. Я прочиталъ напечатанную часть его сочиненія и нахожу ее весьма дѣльною, съ характеромъ дѣйствительно ученаго труда. Исторія съ В. Н. Полисадовымъ—печальна. Мнѣ жаль его. Но что это такое? Развѣ за нимъ водился этотъ грѣхъ. Не слышно было. Ужъ не съ горя ли? Первое мая праздновалось въ софійскомъ по обычаю.

Викарій не служилъ по нездоровью; преосвященный Александръ заступилъ его мѣсто. А теплаго собора я доселѣ не видалъ. Пріѣзжайте поскорѣе, съ Вами посмотрю. Даніилу Гавриловичу обычный братскій мой поклонъ. Будьте здоровы, покойны, счастливы и не забывайте

Душевно преданнаго Вамъ Н. Ѳаворова.

Годъ пропущенъ, но, очевидно, писалось въ маѣ 1872 года.

23.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Итакъ у Васъ пошло на мировую: помогай Вамъ Богъ въ этомъ дѣлѣ! Можно только опасаться, что пойдутъ опять безконечныя трактаціи и чего добраго доведутъ до новаго раскола. Мысль преосвященнаго Макарія не новая. То, что говоритъ онъ теперь о судьяхъ, какъ уполномоченныхъ архіерея, высказано было при самомъ началѣ разсужденій объ отдѣленіи администраціи отъ суда, и мнѣніе это внесено было въ протоколъ. Но тогда преосв. Макарій рѣшительно отвергалъ такой способъ соглашенія каноновъ съ современными требованіями судоустройства. Я помню это потому, что указанный способъ предложенъ былъ мною. Почему-же теперь онъ находитъ правильнымъ то, противъ чего такъ рѣзко высказался во время оно? Впрочемъ, какъ-бы то ни было, настоящее мнѣніе пр. Макарія очень полезно для дѣла, и хорошо, что онъ высказалъ его не въ видѣ уступки, а какъ раціональное и нисколько непротиворѣчащее канонамъ начало. Учрежденная изъ 5-ти членовъ комиссія можетъ съ незначительными измѣненіями проектировать то-же самое, что уже проектировано было 9-ю членами. Не знаю только, вполнѣ ли удачно для этого составлена комиссія. Гг. Неклюдовъ и Сабуровъ не будутъ ли тормозить Вашего дѣла? Съ особеннымъ интересомъ буду ожидать Вашихъ дальнѣйшихъ увѣдомленій, въ которыхъ, надѣюсь, Вы не откажете мнѣ. А я

заболѣлъ было не на шутку. Угрожала горячка, но вовремя помогли. Нѣсколько дней однако-жъ пролежалъ не вставая, а потомъ просидѣлъ взаперти цѣлыхъ двѣ недѣли, и теперь только начинаю выходить на воздухъ. Въ консисторію, дѣйствительно, слѣдовало бы ходить, и я бы дѣлалъ это охотно и не безъ интереса, но, кажется, еще долгонько придется ограничивать мнѣ свои выходы посѣщеніями Университета и женской Гимназіи. Съ Н. Дмитріевичемъ не видѣлся уже цѣлый мѣсяцъ. Если увижусь 8-го числа, то передамъ ему Вашъ поклонъ и прочее, что слѣдуетъ. О. ректору Филарету вчера я кланялся отъ Васъ и пересказалъ рѣчи о немъ митрополита Исидора. Вѣроятно, у насъ скоро откроется серія диспутовъ на докторскія степени въ Академіи. О. ректоръ окончилъ печатаніе своей диссертаціи и въ концѣ этого или началѣ будущаго мѣсяца надѣется выступить на защиту ея. Затѣмъ докторантами явятся: Малышевскій, Поспѣховъ, о. Сильвестръ и, наконецъ, Щеголевъ.

Благодарю Васъ за доброе желаніе, высказанное въ заключеніи письма Вашего; только осуществленіе его очень трудно. Даніилу Гавриловичу мой дружескій и братскій поклонъ. Прошу засвидѣтельствовать мое уваженіе Василію Аѳанасьевичу. Когда увидитесь съ о. Прохоромъ и Николаемъ Прохоровичемъ, прошу также не забыть передать имъ мое душевное почтеніе. Будьте здоровы, счастливы, благоуспѣшны, паче же—въ дѣлахъ комитетскихъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

Окт. 4. 1872 года.

24.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Душевно благодарю Васъ и Даніила Гавриловича за поздравленія и благожеланія. Письмо Ваше я получилъ 14 окт., оно уже не застало у меня небольшаго кружка поздравителей;

почтальонъ принесъ его, когда я былъ уже на всенощной; но я принялъ его за Ваше вечернее посѣщеніе вмѣсто утренняго визита и съ удовольствіемъ побесѣдовалъ съ Вами заочно. А лично когда придется бесѣдовать съ Вами? Какъ ни близокъ, кажется, конецъ комитетскимъ разсужденіямъ, но все мнѣ кажется, что Вы будете праздновать день своего ангела въ Питерѣ, и развѣ 1873 годъ разрѣшитъ, наконецъ, проблемы, заданныя 1870 годомъ.

Диву дался я, читая статью изъ Московскихъ Вѣдомостей объ устройствѣ духовнаго суда. Говорится въ ней такъ положительно и съ такою увѣренностію обо всѣхъ пунктахъ, что многіе сочли ее чуть не оффиціальнымъ извѣстіемъ объ окончательныхъ результатахъ комитетскихъ работъ. Между тѣмъ въ ней микстура такого противнаго вкуса, что при чтеніи позывало не разъ на рвоту. То идеи Лаврова о величественномъ соборѣ іерарховъ въ древней столицѣ православія, объ отдѣленіи судилищъ для монаховъ и проч., то—начало отдѣленія суда отъ администраціи въ видѣ окружныхъ судовъ, но—подъ предсѣдательствомъ митрополита, вѣроятно, титулярнаго, хотя титулярный митртполитъ былъ-бы тоже, что титулярный генералъ-губернаторъ... И нѣсколько другихъ подобныхъ комбинацій... Кто сочинилъ такую великолѣпную нелѣпицу? Воображаю, какъ происходили диспуты въ комитетѣ между Любимовымъ и Неклюдовымъ и каково было положеніе предсѣдателя. Что-жъ? Это самый естественный плодъ вилятельнаго направленія. О. ректоръ Академіи просилъ благодарить Васъ за поклонъ. Онъ самъ хотѣлъ писать къ Вамъ съ поднесеніемъ Вамъ докторской диссертаціи своей, и вѣрно напишетъ. Онъ предполагалъ скоро приступить къ защитѣ диссертаціи; но митрополитъ хочетъ, кажется, оттянуть срокъ диспута, чтобы самому не быть на немъ, а для этого представилъ недоумѣніе, кто будетъ предсѣдательствовать въ ученомъ собраніи, когда ректоръ явится докторантомъ. Думаетъ спрашивать объ этомъ Св. Синодъ. Ректоръ вообще опасается, какъ-бы разсужденіе его не признали еретическимъ. Но въ такомъ случаѣ въ духовной литературѣ нашей

подлежитъ остракизму все, что хотя сколько нибудь будетъ походить на научные пріемы въ изслѣдованіяхъ.

Усерднѣйшій поклонъ мой Даніилу Гавриловичу. Я еще не совсѣмъ поправился.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

16 октября 1872 года.

25.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Прежде всего, отъ души благодарю Васъ за дружеское поздравленіе, которое пришло какъ разъ къ тому времени, когда собрался ко мнѣ кружокъ добрыхъ знакомыхъ и поджидалъ моего возвращенія съ лекцій. Павелъ Ѳеодоровичъ какъ-то поймалъ на лету письмо Ваше и передалъ его мнѣ при самомъ входѣ моемъ въ свой домъ, такъ что Вы нѣкоторымъ образомъ поздравили меня первымъ. Прошу Васъ передать мою теплую благодарность и Даніилу Гавриловичу за память, равно и мой дружескій поклонъ ему. Теперь о комитетскомъ дѣлѣ. Телеграмму Вашу я получилъ вечеромъ (16-го числа), по возвращеніи изъ совѣта. При взглядѣ на поданный мнѣ кувертъ, я сильно испугался. Я подумалъ, что это не отъ Васъ, а если и отъ Васъ, то съ какимъ нибудь горькимъ извѣстіемъ. Нѣтъ нужды объяснять Вамъ, чего я боюсь изъ Петербурга. Потомъ, прочитавши телеграмму, я успокоился на этотъ счетъ, но за то пришелъ въ сильное раздумье о томъ, что значитъ ваше приглашеніе и какъ мнѣ отвѣчать на него: словомъ или дѣломъ? Я готовъ былъ и на первый отвѣтъ, но то былъ-бы для меня отвѣтъ рисковый, отъ котораго польза представлялась очень сомнительною, а вредъ очевидный, потому что я нездоровъ и обязанъ выполнять разныя діетическіе и лѣчебныя предписанія. И такъ, я положилъ отвѣчать на телеграмму телеграммой, которую и отправилъ въ субботу въ полдень. Догадываюсь, если не вполнѣ, то отчасти,

къ чему пригодилось-бы мое присутствіе, и весьма жалѣю, что не могу присоединить своего голоса къ голосу Вашему и другихъ; но что-же дѣлать? Говорю по чистой совѣсти, что не могъ и не могу теперь двинуться изъ дома. Не сердитесь на меня и попросите другихъ не сердиться. А въ доказательство, что извиняете мое невольное домосѣдство, извѣстите меня, въ чемъ именно дѣло и какъ вообще продолжаетъ итти комитетская работа. Хотя я теперь уже экс-членъ комитета, но дѣло его не меньше прежняго интересуетъ меня. Пожалуйста, не прекращайте Вашихъ бюллетеней. У насъ на дняхъ былъ принцъ Ольденбургскій. Въ день моихъ именинъ онъ посѣтилъ Фундуклеевскую гимназію, гдѣ пробылъ около трехъ часовъ, а такъ какъ въ этотъ день и мой урокъ въ гимназіи, то и мнѣ необходимо было быть тамъ. Принцъ заходилъ и въ мой классъ, во время самаго преподаванія, но случилось это предъ самымъ окончаніемъ урока, минутъ за 5 до колокольчика, почему я и недолго ораторствовалъ въ его присутствіи. Гимназіею остался, по его собственному отзыву, очень доволенъ и Надеждѣ Ивановнѣ [1]) наговорилъ очень много лестнаго, помирился, кажется, и съ А. Ивановичемъ. [2]) За то для начальницы института пріѣздъ его оказался неблагопріятнымъ: ей приказано немедленно подать въ отставку, и должность начальницы поручена уже классной дамѣ Сенаторской. Вызовутъ ли нашего митрополита? А о преосвященномъ викаріѣ нашемъ не слышно-ли чего нибудь въ Питерѣ? Вѣдь говорили, что онъ хотѣлъ просить себѣ увольненія. Будьте здоровы и благополучны во всемъ, особенно въ дѣлахъ комитетскихъ. Да когда бл говолите писать ко мнѣ, не забудьте упомянуть и о томъ, всѣ ли письма мои получаются Вами. Вѣдь Вы пишете большею частію такъ, какъ будто ничего не получали отъ меня.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

19 октября (годъ не обозначенъ).

---

[1]) Н. И. Полякова—начальница Фундукл. Женск. Гимназіи.

[2]) Андр. Иван. Линниченко—начальникъ гимназіи, который одно время былъ почему-то въ немилости у принца Ольденбургскаго.

26.

„Что молчиши, друже, и не глаголеши?“ Или у Васъ такъ много дѣла по комитету, что не остается свободнаго времени для необходимой переписки? Или Вы дожидаетесь поры, когда можно написать о какихъ нибудь опредѣленныхъ результатахъ комитетскихъ работъ? Или, не достаетъ просто охоты для недѣловой переписки? Или наконецъ, чего Боже сохрани, здоровье Ваше не совсѣмъ въ порядкѣ? Желалъ-бы я, чтобъ изъ всѣхъ этихъ предположеній вѣрнымъ оказалось второе, и надѣюсь, что это дѣйствительно такъ и что скоро я получу отъ Васъ небезъинтересныя свѣдѣнія объ окончательныхъ работахъ комитетскихъ. Но во всякомъ случаѣ не молчите такъ упорно, какъ въ послѣднее время, если только Вы здоровы. Я собираюсь теперь писать къ Вамъ, не дождавшись письма Вашего, почти единственно потому, что наскучило молчать. Ничего сколько нибудь интереснаго сообщить Вамъ не могу, потому что таковаго не имѣется ни у меня, ни вокругъ меня. Прилагаю только записочку Николая Дмитріевича, который, поручая мнѣ передать Вамъ его почтительный поклонъ, поручаетъ вмѣстѣ просить Васъ о покупкѣ книжки, заглавіе которой означено на прилагаемомъ лоскуткѣ. Если Вы исполните его просьбу, то Вашъ долгъ на немъ возрастетъ, но за то, при расплатѣ, получите большій процентъ благодарности. Кстати и моя къ Вамъ просьба по книжному же дѣлу. Я имѣю билетъ изъ книжнаго магазина Исакова на полученіе 2-го и 3-го тома исторіи Бестужева-Рюмина, но не знаю, выслали ли эти томы, или хотя одинъ изъ нихъ: въ газетахъ я не встрѣчалъ объявленія объ этомъ, а, можетъ статься, и просмотрѣлъ. Вы сами, кажется, имѣете такой-же билетъ; такъ ежели 2-й томъ книги вышелъ, потрудитесь, пожалуйста, увѣдомить меня объ этомъ. Пора-бы уже и всему сочиненію Рюмина показаться на свѣтъ Божій, гдѣ за него напередъ заплачено, не то подписка на него будетъ нечестною спекуляціею со стороны автора на карманы покупателей. О вызовѣ митрополита у насъ

до сихъ поръ нѣтъ никакого извѣстія. Графъ возвратился въ Петербургъ, кажется, 29 октября и, вѣроятно, теперь уже состоялось что нибудь по этому предмету. Кажется, я уже писалъ Вамъ, что защищеніе докторской диссертаціи о. Филаретомъ отсрочено по тому поводу, что митрополитъ выразилъ нѣкоторое недоумѣніе касательно этого дѣла. Теперь я достовѣрно узналъ, что онъ послалъ представленіе въ Синодъ такого содержанія, что ректору Академіи неприлично въ той-же Академіи диспутировать на ученую степень, такъ какъ онъ поставляется чрезъ это въ зависимость отъ своихъ подчиненныхъ. А что—дѣло о Янышевѣ? Любопытно, чѣмъ оно разрѣшится. Прошу передать мой обычный братскій поклонъ Д. Гавриловичу. При свиданіи съ В. Аѳанасьевичемъ, прошу также свидѣтельствовать ему мое уваженіе. Collegam vale et bene vive, non male.

Душевно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

8 ноября 1872 года.

27.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Съ 16 ноября по настоящее число у Васъ состоялось, вѣроятно, три засѣданія, въ которыхъ комитетъ критически разбиралъ свое собственное произведеніе. Можно-бы предположить, что этотъ трудъ оконченъ; но по обыкновеннымъ категоріямъ нельзя судить о дѣйствіяхъ комитета; къ нему не прилагается, кажется, и та аксіома, что все, имѣющее начало, имѣетъ конецъ: начало онъ имѣлъ, а будетъ ли имѣть конецъ,—неизвѣстно. Между тѣмъ пора бы Вамъ домой; вѣдь 1873 годъ уже на дворѣ: неужели Вы встрѣтите его въ Петербургѣ? Нашъ Владыка получилъ уже неоффиціальное приглашеніе въ Петербургъ и, говорятъ, собирается выѣхать 7 декабря. Помнится, и въ прошломъ году онъ въ то же время выѣхалъ изъ Кіева. Можетъ быть, Вамъ нужно-бы извѣстіе поточнѣе объ его выѣздѣ, чтобы, по

прошлогоднему, не прогуливаться даромъ на встрѣчу поѣздамъ безъ искомаго содержанія, но самъ я не спрашивалъ митрополита о днѣ и часѣ его отъѣзда, а отложить письмо къ Вамъ до полученія точныхъ справокъ о семъ не хочется. Да, по всей вѣроятности, Вы знаете или узнáете и безъ того объ этомъ. Впрочемъ, если я освѣдомлюсь, что выѣздъ его будетъ не 7-го, а въ какой нибудь другой день, то я не замедлю увѣдомить Васъ. О. Филаретъ, должно-быть, отправилъ уже къ Вамъ свою диссертацію, и Вы, можетъ быть, уже проштудировали ее. Докторскій диспутъ его предполагается 15 декабря. Если митрополитъ, дѣлая извѣстное представленіе въ Синодъ по поводу этого диспута, имѣлъ въ виду уклониться отъ присутствія на диспутѣ, то онъ достигъ своей цѣли. Самъ о. Филаретъ не только не желалъ возбуждать вопроса о мѣстѣ своего диспута, но рѣшился протестовать, если-бы его заставили отправляться въ другую Академію за пріобрѣтеніемъ докторской степени. Погода у насъ чисто весенняя. Въ садахъ у многихъ расцвѣли сирень и желтая акація. Я въ своемъ саду не былъ съ августа, а, вѣроятно и у меня тамъ что нибудь расцвѣло, или распустилось по крайней мѣрѣ. Самъ-то я не цвѣту, а, можно сказать, распускаюсь... Пріѣзжайте поскорѣй, уже и конь Вашъ скучаетъ по Васъ. Прежній импровизованный кучеръ мой оказался презлостнымъ пьяницею, такъ что не могъ не только ѣздить, но даже кормить и поить Вашего вороного. Я долженъ былъ вручить сію обязанность кухаркѣ, подъ собственнымъ надзоромъ, пока не прогналъ неисправимаго автомедона и не пріискалъ на его мѣсто другого. Въ отчаяніи отъ безпорядковъ, я уже хотѣлъ обратиться къ Павлу Ѳеодоровичу съ просьбою, чтобъ онъ взялъ у меня коня, чтобы кормить и поить его на мой счетъ, такъ какъ у него кучеромъ человѣкъ надежный, бывшій прежде у меня и очень хорошо служившій; но судьба послала мнѣ, кажется, порядочнаго человѣка, и я—успокоился. Даніилу Гавриловичу нижайшій поклонъ и другимъ знакомымъ?

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

1 декабря 1872 года.

28.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Близко 17, недалеко и 21 декабря. Думаю, что настоящее письмо мое получится Вами или 17, или наканунѣ этого числа, поэтому прошу Васъ передать мои искреннія чувства благожеланія дорогому имянинніку: да приложатся ему дни на дни, безъ ущерба его силъ и съ умноженіемъ его благополучія. Затѣмъ и сами примите отъ меня такія-же благожеланія, по исполненіи 53 лѣтъ Вашей жизни, потому что помню изреченіе: „Senectus ipsa morbus est", но десятка три-четыре лѣтъ дай Богъ прожить Вамъ еще на пользу церкви и славу отечества! Я и не думалъ, чтобы Вы могли до праздника возвратиться во-свояси, но предполагалъ, что, по крайней мѣрѣ, на праздникъ прибудете домой. Теперь же, судя по ходу Вашего дѣла, начинаю сомнѣваться, чтобы у Васъ кончилось все и къ новому году. Какъ-бы не пришлось Вамъ досидѣть въ Питерѣ и до поста, чтобы потомъ въ св. Кіевѣ, во дни покаянія, принесть и исповѣдь во грѣхахъ комитетскаго мудрствованія, съ выполненіемъ подобающей за то эпитиміи. Поспѣшите оставить Вавилонъ, пока не исполнилась мѣра его беззаконій. Цѣлуютъ Вы сущіе во Іерусалимѣ. О. Филаретъ никакъ не можетъ добраться до каѳедры докторантской. Чуть было не напечатали уже объявленія объ его диспутѣ, имѣющемся быть 15 сего декабря, но на протоколѣ совѣтскомъ по этому дѣлу митрополитъ написалъ, что диссертація докторанта, по мыслямъ и по тону ея, не соотвѣтствуетъ важности предмета и что, поэтому, онъ затрудняется разрѣшить ея защищеніе. Дѣло опять пошло въ Синодъ, который, думаю, поставленъ будетъ такимъ представленіемъ въ нѣкоторое затрудненіе. Митрополитъ нашъ, на мой взглядъ, выразилъ въ настоящемъ случаѣ такую мнительность, которая идетъ въ разрѣзъ съ научными требованіями богословскаго образованія. Что-то скажетъ Синодъ? Мнѣ нужда належитъ печатать новымъ изданіемъ мои издѣлія; но у насъ порядочной бумаги нѣтъ. Я уже хотѣлъ

было просить Васъ закупить нѣсколько стопъ въ Петербургѣ, въ томъ разсчетѣ, что это выгодно было-бы и для Вашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей; но—провозъ и хлопоты, вѣроятно, будутъ стоить недешево; поэтому рѣшаюсь войти въ сдѣлку съ какою нибудь типографіею. Съ митрополитомъ я простился 7-го вечеромъ. Кажется, онъ въ хорошемъ расположеніи духа отправлялся въ путь. Когда Вы его встрѣтили? Должно быть 11-го утромъ.

Примите еще разъ мои искреннія благожеланія, какъ по случаю приближающагося дня Вашего Ангела, такъ и независимо отъ этого. Прошу кланяться общимъ знакомымъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

13 декабря 1872 года.

29.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Хотя старый годъ еще не кончился, но пока дойдетъ до Васъ письмо мое—улетятъ послѣдніе дни 1872 лѣта по Р. Хр. и наступитъ 1873 г.; и такъ—съ новымъ годомъ! Недавно былъ Вашъ собственный новый годъ: вѣрно, Вы получили искренно-дружескій привѣтъ мой въ то время; теперь повторяю Вамъ мои благожеланія, прибавляя къ нимъ одно, чтобы поскорѣе можно было возвратиться Вамъ къ старымъ друзьямъ Вашимъ!

Пора, пора кончиться комитету! Чтобы изъ него вышло что-нибудь доброе, надобно, чтобъ онъ умеръ благовременно; иначе, какъ залежавшееся зерно, онъ не дастъ никакого ростка въ будущемъ. Можетъ быть, онъ уже и скончался? Дай Богъ! Составляйте-же поскорѣе эпитафію ему, въ видѣ объяснительной, или исправительной, или какой-бы тамъ ни было записки, и съ похоронъ поскорѣй домой. А, можетъ быть, Вы уже и въ дорогѣ? Нѣтъ, впрочемъ: это невѣроятно. Думаю, что Вы еще довольно посидите у моря и въ новомъ году. Письмо мое не только заста-

нетъ Васъ тамъ, но, пожалуй, не будетъ и послѣднимъ, что, однако-жъ, крайне нежелательно. Прошу Васъ поздравить отъ меня Даніила Гавриловича съ новымъ годомъ. Ихъ комиссія, кажется, покончила свои занятія: остается ожидать трудившимся крестовъ и звѣздъ; дай Богъ и Даніилу Гавриловичу украситься звѣздою! Затѣмъ надобно пожелать и можно ожидать того-же и для труженіковъ нашего комитета.

Изъ особенностей кіевскихъ вотъ что мнѣ извѣстно: недавно въ Лаврѣ былъ порядочный пожаръ, а въ Университетѣ—маленькій скандалъ, о которомъ разглашать однако-жъ не слѣдуетъ. Лѣкарь П. защищалъ диссертацію на степень доктора медицины. Когда Зальтеръ началъ возражать, раздались свистки. Факультетъ, посовѣтовавшись, объявилъ публикѣ чрезъ декана, чтобъ она оставила залу. Послушались. Но когда факультетъ, послѣ закрытаго засѣданія, появился на корридорѣ передъ залою, тутъ снова раздались свистки. Профессоръ Томса схватилъ за руку одного студента, который свисталъ у него подъ носомъ; потомъ замѣченъ былъ и другой. Дѣло судилось Университетскимъ судомъ, которымъ и постановили, а совѣтомъ потомъ утверждено: исключить изъ Университета на годъ означенныхъ студентовъ (Ч. и Л.) По городу разнеслись слухи съ прибавленіями: вѣрно и въ Петербургъ сообщено не безъ прибавленій. Но дѣло было, какъ я сказалъ. Sic! Вы что-то опять замолчали. Если будете писать, не сообщите ли, какой оборотъ принимаетъ или приняло дѣло о. Филарета. Н. Д. получилъ книжку и просилъ благодарить Васъ. Онъ что-то не совсѣмъ здоровъ. Андрей Николаевичъ[1]) давно болѣетъ; поправляется, но медленно. Передайте, пожалуйста, при случаѣ мои поклоны В. Аѳанасьевичу и о. Прохору Карповичу. Будьте здоровы, благодушны и счастливы.

Искренно преданный Вамъ Н. Ѳаворовъ.

28 декабря 1872 года.

---

[1]) А. Н. Муравьевъ.

30.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Позвольте пожаловаться Вамъ на Васъ самихъ. Формируя хоръ для собора, Вы похитили у меня одного мальчика, который еще до праздниковъ Рождественскихъ приглашенъ мною пѣть на лѣвомъ клиросѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ за извѣстное вознагражденіе. Мальчикъ этотъ Кальницкій—изъ Софійскаго училища. Я былъ доволенъ имъ, и онъ, кажется, охотно посѣщалъ Университетскую церковь. Не знаю—почему, только г. Турчинскій съ видимымъ неудовольствіемъ далъ ему позволеніе ходить къ намъ. Если отъ него и теперь зависитъ выборъ мальчиковъ для формируемаго Вами хора, то мнѣ невольно думается, что онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы взять мальчика изъ нашего хора. Повторяю, что причины къ тому поступку я не могу объяснить, потому что для мальчика не только не вредно, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и полезно ходить къ намъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, я покорнѣйше прошу Васъ возвратить мнѣ моего пѣвчаго, который, конечно, по невѣдѣнію—похищенъ Вами у меня. Вы легко обойдетесь безъ него, а для меня подобныя похищенія—сущее разореніе. На этой недѣлѣ я два раза былъ у Васъ, но не засталъ Васъ дома. Петербургъ, видно, развратилъ Васъ и отучилъ отъ степеннаго домосѣдства. Надѣюсь, впрочемъ, когда нибудь захватить Васъ врасплохъ. А пока примите искреннее чувство благожеланія душевно преданнаго Вамъ

Н. Ѳаворова.

10 февраля 1873 года.

ГОРОДЯНКА.

(*Повисть.*)

(Окончаніе [1]).

XIX.

Не мало часу перейшло, покы Приська звыкла до тыхъ порядкивъ, що завела у своій господи Палагея Тыхоновна. Кватыранкы минялыся мало не що-дня; минялыся въ залежности видъ того и гости. Ридко яка зъ жинокъ, або дивокъ корыстувалася вильнымъ часомъ, щобъ обипратыся, облататыся та полагодыты свою одягу: бильшисть, ослобонывшысь видъ господарьского ока, неначе упывалася волею и, не шкодіючы ни грошей, ни здоровья, потрачала весь вильный часъ на безперестанну гульню. Нихто зъ ныхъ не мигъ сказаты напевне, чы надовго, чы ни протягнется цей часъ воли, нихто не знавъ, чы завтра, чы черезъ мисяць найдется мисце, а тымъ паче, яке жыття та яки умовы незабаромъ сподиваются ихъ? „Може завтра доведется иты у наймы—треба нагулятысь“, „може доведется служыть у

[1]) См. «Кіевск. Стар.» № 11.

такому пекли, що и до храму Божого не вырвусь, то пороскошую хочъ теперъ",—думалы та казалы кватыранкы Палагеи Тыхоновны, и Приська незабаромъ впевнылася, що то не дурный розумъ, а гиркый досвидъ навчывъ дивчатъ-наймычокъ, такъ миркуваты. Чы знае вона сама, чого сподивается вона на ранокъ, куды потягне ии Лейба, або Палагея Тыхоновна? Дякуючы тому, що въ неи йе на цей разъ прыпасени грошы, вона може перебираты, „вередуваты" та повагомъ шукаты такого мисця, що видповидало-бъ ии бажаннямъ. А що, колы-бъ це у неи не було ни шага за душею, а ни повнои скрыни? Чы не повынна бъ и вона була заплющыты очи та иты, куды голодъ та недостатккы поведуть на налыгачи?

Приська просыдила вже не тыждень и не два на кватыри. За цей часъ Гашка встыгла повернутысь на село, Мащка—згоиты ти сынякы, що поробывъ ій Якивъ, та зійтыся изнову зъ нымъ; Варка—нанятыся у отель; Санька изійшла кривью писля шанобы якоись знахоркы та виддала Богови душу; и тилькы Приська зустричала та выряжала то пышавыхъ, то плохенькыхъ, але однаково безталанныхъ, кватыранокъ Палагеи Тыхоновны и все неначе чого-сь сподивалася.

И справди, не дурно вызырала вона, наперекиръ и розуму, и добрій воли, такъ часто у виконце: вона сподивалася, якъ велыкого свята, Степана до себе. Попадысь винъ ій на очи у ту страшну ничъ—вона-бъ люто покарала ёго за зраду; прыйды винъ ранійше,—вона просыла-бъ зъ проклёномъ ёго, але теперъ... теперъ, черезъ добрый мисяць жыття помижъ кватыранокъ Палагеи Тыхоновны, багацько зминылася и вона сама. Вона пересвидчылася, що кохання, ця чыста, дорога перлына за для неи, мало не скризь вже загыжена, заплямована людьмы; що люде навить забулы про велыкый коштъ ии и прыдають значиння тилькы тій оправи, у яку майстеръ вправыть ии; що люде и не шукають тіеи перлыны, а завдовольняются натомисць намыстынкамы зъ рижнобарвого скла, що знаходять выпадково по дорози свого життя та нанызуютъ на одну нызку; що даремно вымагае вона видъ Степана того чыстого и едыного на весь

викъ кохання, яке зазнало ін властне серце, бо винъ навить не може й уявыты ёго соби... Скилькы перетерпилы на ін очахъ инши дивчата та молодыци, скилькы горя прыняла Машка! Чы не повынна и вона стерпиты та выбачыты своёму коханцеви, колы не хоче залышытысь останнёи краплыны счастя та загубыты навикы надію на спивпочуття? А до того, що знае вона певного про зраду Степана? Може винъ пишовъ тоди зъ Дунькою у садъ на гуляння, може запрохалы ихъ у гости, може навить воны наризно й выйшлы зъ кухни? Ничого вона не знае, ничого не чула, причъ де-кылькохъ сливъ видъ крамаркы, и колы-бъ оце винъ прыйшовъ тилькы та побожывся ій, що невыненъ, вона радо повирыла-бъ, або прымусыла себе повирыты ёму. Абы винъ прыйшовъ, абы покаявся, абы зарикся дурыты ін та проказавъ ій словечко ласкаве—и вона простыть ёму зраду, загоить якъ небудь ти уразкы, що поробывъ винъ, необачный, на серци ін... Але винъ не прыходывъ. Приська вызырала, ходыла не разъ на ту вулыцю, де служывъ винъ, розпытувала про ёго,—нихто не мигъ ничого сказаты про видносыны ёго до Дунькы, ни разочку не довелося и ій зустрити ёго. Молодыци стало все частише здаватыся, що вона даремно покынула Степана та надала соби стилькы мукы,—що винъ кохае ін, якъ и ранійше, и тымъ и очей не каже никуды, що сумуе разъ-у-разъ самотный.

И ось нарешти, вертаючысь якось зъ городу, Приська спиткала ихъ обохъ. Степанъ ишовъ похмурый та сумный, а Дунька щось весело ёму цокотила. Приська одвернулася и хотила обмынуты ихъ, але Дунька немовъ оступылася и штовхнула ін у бикъ. Приська повернулася и плюнула Дуньци у вичи. Дунька спалахнула и замирылася, щобъ вдарыть Приську, але Степанъ спостеригъ завчасу ін замиръ и спынывъ за руку

Дунька ще дужче скыпила:

— Чого ты мене держышъ? Пусты мене... або наклады ій самъ... Иды... бижы... дожены ін зразу, провчы ін, якъ плюватыся!—напалася вона на Степана.

— Добре, добре,—заспокоювавъ Степанъ, не выпускаючы одначе ій рукы зъ своихъ рукъ...

— Сёгодни-жъ наклады! Зразу иды; а не схочешъ, то я намовлю парубкивъ, щобъ и тоби ребра поличылы!

— Сёгодни-жъ и пиду,—мовывъ Степанъ.

— Щобъ небезпреминно сёгодни!—прыказала Дунька.

— И пиду,—мовывъ Степанъ,—стежучы очыма, у якый край подалася молодыця.

И справди, годыны черезъ дви Степанъ майнувъ до Прискы, але, звычайно, не зъ тымъ замиромъ, щобъ выконаты бажання Дуньчыне.

Винъ нагодывся саме у той часъ, колы Приська найменьше сподивалася ёго. У кимнати кватыранокъ було чы-мало гостей. Вси сыдилы по парахъ та весело гомонилы, и тилькы Приська прымостылася въ сторонци одъ столу на своій скрыни та сумувала сама соби.

— Присько!—до тебе гисть прыйшовъ та не насмилыться увійты сюды; прохае, щобъ ты у сины выйшла,—погукала на молодыцю Палагея Тыхоновна.

Приська выйшла...

Не будемо оповидаты, якъ склалася помижъ Прискою та Степаномъ згода, не станемо и пересказуваты, якъ выправдывся зрадныкъ,—загублене та знову знайдене счастя мылійше за те, що не зныкало николы, и закохани колысь серця та розризнени на якый часъ зможуть порозумитыся. Степанъ не брехавъ, колы прысягався у цей вечиръ, що ненавыдыть Дуньку: безъ краю роспутня та уйидлыва дивка вже остогыдла ёму; винъ казавъ щыру правду Присьци, колы обнимаючы станъ ій та покрываючы ій выдъ поцилункамы, божывся, що вона ёму наймылиша за всихъ у той часъ. Що до Прискы, то вона тилькы й бажала ціеи прысягы, тилькы и сподивалася цихъ ричей, щобъ изнову повирыты парубкови та виддаты ёму серце свое.

Степанъ ставъ ходыты що-вечора. Спочатку винъ трымавъ себе далеко краще за всихъ кавалеривъ, не вымагавъ видъ Прискы грошей и не встрявавъ у гущу пьяныхъ гостей; але

пройшовъ якый часъ, и Присьци стало здаватыся, що коханець ій почынае нудытыся та все ранійше поспишается до-дому. Трохы перегодомъ вона стала добавляты до спильной складчыны и свою пайку горилкы на долю Степанову. Черезъ це, трошкы згодомъ поличывшы невелычку остачу своихъ грошей, вона мусыла прызнатыся самій соби, що бильшисть ій восталася у шынку; а ще черезъ якый часъ вже попрохала Степана, щобъ шукавъ ій пидхоже мисце.

— Я тоби зразу поражу мисце: наймайся до Берчыхы,— поравъ ій Степанъ.

— До жыдивкы?—здывувалася Приська.

— То що, якъ до жыдивкы? Ниде, колы хочешъ знать правду, наймытови не буде такъ добре, якъ у жыдивъ.

— Сміешся, чы що?

— А ни-же, не сміюся; я самъ служывъ колысь у жыдивъ,— мовывъ Степанъ.

— Тай оскому набывъ?—засміялася Приська.

— Чого ты сміешся? Далеби, не жартую: такы насправжкы кажу тоби, наймыся до Берчыхы,—стоявъ на своему Степанъ.

— Та що це тоби спалося на думку у жыдивськы наймычкы мене посылаты? Саме прызвыще: „жыдивська наймычка“ мене зъ свиту зжене.

— Цилуй, колы такъ, Штейнмихельшени замкы, а у мене не пытай порады!—розсердывся Степанъ.

— Чого ты розсердывся? Невже жъ такы справди мени до Берчыхы йты?— все дужче та дужче дывувалася Приська.

— А чому тоби до Берчыхы й не йты?—перепытавъ ій Степанъ.—Хыба може роботы боишся? Не звыкла?

— Роботы я николы не боялася, за роботу мене нихто не лаявъ; робыты я здатня, якъ вилъ, абы мени за те було добре,— видмовыла Приська.

— Краще тоби ниде не буде, якъ у Берчыхы: харчъ добра...

— Зъ перцемъ,—додала Приська, жартуючы.

— До перцю можно звыкнуты. Плата гарна: чотыры карбованци...

— Прямо, що гарна! На чотыры карбованци и не одягнешся.

— Наймайся до Куракынои,—изнову розсердывся Степанъ.

— Не пиду я до Куракынои, не пиду и до Берчыхы! Годи мени голову клопотаты та нисенитныцю плескаты; пошукай мени краще мисця, щобъ намъ буты поблызу, та щобъ намъ було вильно бачытысь,—мовыла Приська.

— Ото-жъ саме таке й мисце у Берчыхы: я недалечко, а ничка уся за-для наймычокъ—у неи вильно; куды схоче-туды иде, що хоче-те й робыть...

— Одчепыся зъ своею Берчыхою: хай мени пообища и золоту труну справыты, то не пиду я до неи!—розсердылася Приська.

— Тётю! чы чуете, що мени Степанъ рае? Щобъ я наняслася до Берчыхы. Чы то-жъ можно отаке прырозумиты? Та невже я остання тутъ, у городи?—звернулася вона до Палагеи Тыхоновны, що забигла за чимъ-сь у хатыну кватыранокъ.

— Степанъ тоби на лыхо не порае, а я тоби скажу такъ: нема тутъ, у городи, помижъ вамы, наймычкамы, ни першыхъ, ни останнихъ; вси накуштуетесь рижныхъ борщивъ. За свій викъ спробуете и паньскои и жыдивськои ласкы,—видповила ій Палагея Тыхоновна трохы суворо, бо молодыця не згодылася ій продаты сёгодни платка.

— Не куштувала я жыдивського борщу тай не куштуватыму николы!—одризала молодыця.

— Вже-жъ и я не шматуватыму бильшъ николы одежыны по чужыхъ перелазахъ! Наймайся, куды знаешъ, робы, якъ хочешъ, та тилькы не враждуй на мене, якъ що може я трохы й забуду тебе... Не ручуся за себе, не поручуся и за тебе: хто ёго зна, чы довго сумуватымемъ мы одынъ за однымъ, та чы не звыкнемо жыты наризно? Хыба-бъ я забувъ, що до тебе треба йты, хыба-бъ я пишовъ зъ тіею Дунькою гуляты тоди, якъ-бы ты не була у тіеи скаженои пани, та якъ-бы мени було вильно ходыты до тебе? Раю тоби видъ щырого серця на корысть намъ обомъ, а проте твоя воля!—мовывъ Степанъ. Приська тяжко замыслылася.

— А прызвыща, а поговиръ!—ажъ скрыкнула Приська и спалахнула, немовъ хто вже кынувъ ій образливе це прызвыще у вичи.

— А прызвыща? а поговиръ?—передражнывъ ій Степанъ.— Сказано, того людського поговору страшно! Прыстане винъ до тебе? Злыняешъ видъ ёго? Робы, якъ знаешъ, а моя воля, щобъ ты нанялася до Берчыхы!—додавъ винъ и подавсь, не попрощавшысь зъ Приською, до дверей.

Усю ничку не спала Приська та все миркувала сама соби, чы послухатысь Степановои порады, чы ни? Цилисенькый день уявляла вона себе у становыщи жыдивськои наймычкы и не знаходыла у соби снагы попустыты себе до того.

— А що? найшла мисце?—запытався ій другого вечора Степанъ.—А я вже знайшовъ соби: пойду до одного пана ажъ на хутиръ,—додавъ винъ, не диждавшысь видповиди видъ Приськы.

— Ажъ на хутиръ?—жахнулася молодыця.

— А що мени таке? Однаково, до кого-бъ ты не нанялася,—мени ходу туды не буде, бо у яку собаку не пошпурь, то хочъ у Рыбалкыну, хочъ у Куракыну влучышъ, а до Берчыхы ты не хочешъ.—

— Може и наймуся,—обизвалася и сама злякалася свого голосу Приська.

— Тоди буде инша ричъ: тоди я не пойиду,—мовывъ Степанъ.

— Я наймуся... тилькы мабуть, Степане, не выбуду я тамъ довго,—мовыла Приська.

— Ось хрестъ кладу тоби, що выбудешъ!—перехрестывся и видразу повеселишавъ Степанъ.

XX.

„Роботы“, якъ казала Берчыха, „у мене небагацько: встань раненько вытопы, насвитанку—сомоваръ наставъ, у снидання—коривку здій, передъ обидомъ—горныци прыберы, у обидъ—ди-

тей нагодуй, писля обидъ—тенетки поперы, надъ вечиръ—воды наносы, у вечери—вечерю выдай, постиль перестелы, у кухни прыберы, коривци синця заложы, а тамъ вже хочъ и рукы склады". Симья, на мову Берчыхы, тежъ невелычка: хазяинъ та хазяйка, хазяинивъ батько та хазяйчына сестра, шестеро хазяйськыхъ дитей, та двое хазяйчыныхъ племиннykивъ. Про те, невважаючы на таки чудови умовы, Приська хотила покынуты Берчыху у той-же самый день.

— Хай Богъ мылуе!—такого мени зроду-вику не траплялося чуты, щобъ моій наймычци та надъ сылу була робота! То тоби, молодычко, зразу такъ здалося, то тоби уявылося, що у мене скрутно: оговтаешся, звыкнешъ, то спатымешъ цилый день на печи, бо все переробышъ въ одынъ разъ, и тоби зовсимъ ничого буде робыты.—Такъ стала умовляты Приську Берчыха.

— Ни, не буду я у васъ!—видмагалася Приська.

— Якъ-то не будешъ? Степанъ мени ручывся за тебе, а ты покынешъ? Колы-бъ я знала, що ты така недобра, то я бъ и не наймала тебе... Господь зъ тобою! А теперъ черезъ тебе я всихъ гарныхъ наймычокъ утеряла и не можу одпустыты тебе... Ну, прохаю тебе: побудь хочъ зъ мисяць, роздывысь краще, спробуй, а тоди вже и кыдай,—попрохала Берчыха.

— Далеби не можу!—надъ сылу мени робота, тай не звыкну я,—видмагалася все Приська.

— Колы не можешъ мисяця выбуты, то хочъ черезъ ярмарокъ перебудь,—попросыла іи Берчыха. Приська здалася бильше на волю Степана, нижъ на прохання Берчыхы, и зосталася на якый-сь тамъ часъ. Але перебигло непрымитно де-кильке день, и Приська зрозумила, чого Степанъ такъ домагався видъ неи, щобъ вона нанялася сюды: ниде, справди, не було имъ такъ вильно, якъ тутъ.

Берчыха наймала сами рукы, платыла за ныхъ и вымагала багацько роботы, але ій зовсимъ не було дила до того, кому ти рукы належать и що то за людына въ іи хати жыве. Рукы най-

мычкы повынни булы буты дужымы, проворнымы та зученымы до праци,—а про решту вона николы й не пыталася.

Берко та Берчыха зпозаранку ишлы до крамнычкы, сестра Берчыхы сидала до машыны плесты панчохы, хазяинивъ батько выходывъ тежъ куды-сь. Диты та племинныки зоставалыся на доглядъ старшои дочкы, Рухли, та Приськы, и молодыця дывувалася, якъ добре трымалы себе диты у видносынахъ до наймычокъ. Воны вмилы такъ само, якъ и Берчыха, вымагаты роботы, знаны, скилькы родына платыть и за яку працю, зате-жъ розумилы межи своихъ правъ и николы не допускалы себе до незвычайности, николы не мовылы якого неввичлывого слова.

Приська ходыла сама до торгу, и нихто зъ товарокъ та перекупокъ якый часъ не знаны, де вона служыть. Це ій захыстыло на першый часъ видъ тыхъ прызвыщъ, що Дунька напевне не забарылася-бъ прытулыты до неи, колы-бъ дозналася правды. До стравы Приська тежъ звыкла, тымъ паче, що Берчыха не забороняла ій варыты соби наризно, колы Рухля прыправыть свій обидъ не до смаку молодыци. Одно, до чого не постачало снагы у Приськы звыкнуты—це каторжна, безперестанна праця.

Молодыця пьялася скилькы мога, прынаровлялася, хытрувала такъ, щобъ заразомъ два дила робыты, вставала зарани, не прысидала цилый день, а проте ранишъ десяты годынъ вечора не могла скорыстуватыся тіею волею, якою Берчыха надиляла своихъ наймычокъ. Зате зъ цёго часу наймычка вильна була робыты, що ій спадется на думку—йты куды хоче, гуляты хочъ и до свиту. Лягаючы спать, Берчыха замыкалася добрымъ замкомъ видъ кухни, а кухню кыдала на волю „самостійнои хазяйкы“,—якъ казала Берчыха,—прохаючы ій тилькы погасыты свитло та замкнуты зъ околыци двери, якъ що прыйде охота погуляты.

Ридко якый вечиръ не прыходывъ Степанъ. Иноди винъ зоставався у Приськы, а иноди заходывъ тилькы за нею та вивъ до знаёмыхъ, або и у садъ—на музыку. Спочатку знаёми, музыка та театръ немовъ наче пидбадёрювалы молодыцю, и вона

охотнише бралася на другый день до роботы, адже не перейшло и мисяця, якъ мицный та спокійный сонъ ставъ ій здаватысь мылишымъ за гостей, за музыку та инши веселощи,—вона утомылася.

Степанъ не хотивъ того знаты, не вирывъ Присьци и вымагавъ, щобъ вона ходыла зъ нымъ; Берчыха тымъ паче не хотила того знаты та вымагала видъ наймычкы роботы—и молодыця незабаромъ зблидла, змарнила знесылылася. Мынавъ день, прыходывъ другый—Приська зустричала схидъ сонця, проводыла захидъ ёго неначе у сни. Якъ перебигло дванадцять мисяцивъ цієи каторжнои праци, якъ протягла вона трыста шистьдесятъ пьять вильныхъ ничокъ мало не зовсимъ безъ сну,—Приська не хотила про це згадуваты...

Зибрався якось велыкый торгъ, и навезлы незвычайно багацько цыбули. Рухля купыла ажъ пьять винкивъ и звелила Присци однесты до-дому. Приська скынула ихъ соби на плечы, ступыла де-кильки крокивъ и трохы не крыкнула: щось неначе увирвалося у середыни, и гострый биль пронявъ наскризь ливый бикъ. Приська перестояла трохы и рушыла була знову иты, але друга, ще гостриша, колика переняла ій духъ. Вона скынула цыбулю додолу и прысила на пишоходи, вызыраючы, чы не надійде яка знаёма людына, щобъ пособыла донесты цыбулю до дому. Якъ на те молодыцю мыналы все незнаёми люде. Приська озырнулася ще разъ и стала скыдаты цыбулю изнову на плечы.

— Присько! сестрычко! голубочко!—крыкнувъ хтось несподивано надъ самымъ ій вухомъ, и тужъ мыть чыи-сь рукы оточылы ій шыю, чыи-сь губы прыпалы до ій выду.—Охъ Господы, яка я рада! Видъ самисинького свитанку шукаемо мы тебе по городу... Гаразды, що хочъ теперъ здыбала тебе, а то малы вже и до дому йихаты... Де ты теперъ служышъ? Та якъ-же ты змарнила, сестрычко!—перепыныла свою ричъ Мелашка, и гарячи слёзы полылыся зъ ій тилькы-що веселыхъ та свитлыхъ очей.—Голубонько моя, сестрычко, скажы мени, яке тоби горе, що тоби сталося, що ты зблидла та постарилася такъ?—допытувала Ме-

лашка, пильно та жалистливо прыглядаючысь до знесыленои красуни-сестри.

— Пропасныця змучыла; четвертый мисяць трусыть,—видбрехалася Приська.

— Дай-же мени цыбулю—я тоби донесу,—мовыла Мелашка и перекынула вси пьять винкивъ, наче ту пирьину, на свои дебели плечы. Ходимъ! Або ни: я збигаю до воза—тамъ и Трохымъ и Даныло. Отъ зрадіють! Може и ты пидешъ до ныхъ.

— Мене саме це трусыть—не можу йты,—збрехала вдруге Приська.

— Посыдь-же, сестрычко, колы такъ, тутъ, а мы зразу прыйдемо вси до тебе,—мовыла Мелашка, кладучы цыбулю на пишоходы, и ту-жъ мыть зныкла помижъ людей, возивъ та товару.

Приська не гаяла часу: тилькы зныкла сестра, вона кынулася навтикача видъ торгу, сестры та чоловика. Манивцямы, чужымы перелазамы та по-за крамныцямы добигла вона до знаёмои крамаркы и, покынувшы тамъ цыбулю, побигла до-дому.

— Що тоби трапылася? Що тоби таке? Де цыбуля?—запытала перелякана Рухля.—На тоби лыця немае! Може вкравъ хто цыбулю?

Приська замисть видповиди заголосыла. Нагодывся Степанъ, ставъ допытуваты. Рухля, диты тежъ обступылы наймычку та допытувалы—никому ничого не видповидала вона. Добру годыну простоялы вси надъ нею—тай не прочулы а ни словечка. Тай що мала вона имъ сказаты? Чы варто, чы гоже було роскрываты свою душу, прызнаватыся, на яки думкы та спогады навела іи сёгодняшня зустричъ зъ сестрою? Чы зрозуміють воны ти пекельни мукы, що вытрымала вона видъ самои думкы, що сестра та чоловикъ можуть довидатысь, де вона служыть, прыйты у жыдивськiй двиръ та здыбаты іи зъ полюбовныкомъ? Ни, не варто виддаваты ци перлыны—слёзы гиркого каяття на глумъ жыдивци та Степанови.—

Вона немовъ прокынулася теперъ писля довгого-довгого сну; вона немовъ зипьялася на высокый шпыль, немовъ глянула

прозорыми очыма навкругы и вперше побачыла те болото, де завьязла вона. А Мелашка, свижа, якъ квитки умыти росою, здорова, певна у соби и у людяхъ, стояла наче жыва передъ очыма и прохала сестру повернутысь на село. Повернутысь на село? Для чого, для кого? Навикы заросла вже стежка до ридноі осели; едына тоненька павутынка—спочуття до родыны—давно вже увирвалася, а тутъ, у городи, зисталася хочъ крихотна надія на краще жыття.

Довго плакала та ламала рукы зъ одчаю Приська.—Степанови обрыдло дывытысь на неи, и винъ пишовъ до шынку, де „зъ досады“ добре напывсь.

О-пивночи прокынулася Приська. Свитло горило, на столи лежавъ замокъ зъ ключемъ, а на лави мицно спавъ Степанъ.

— Степане, Степане! вставай та мерщій замкны конюшню, бо ось и ключъ и замокъ на столи!—сипнула ёго за рукавъ молодыця.

— Геть, чортова квысля!—гримнувъ на неи Степанъ и повернувся на другый бикъ.

— Степане, Степаночку, встань-бо! прокынься!—прохала ёго Приська.

— Иды къ бису!—лаявся Степанъ.

— Степане, коней покрадуть...

— Геть!—видпыхнувъ ін Степанъ.

— Степане, прокынься! Степане, коней повыводять. Иды замкны конюшню! Степане, голубчыку, розбуркайся-бо!—прохала та будыла Приська.

Але Степанъ лаявся, штовхався, крычавъ, перевертався на другый бикъ и не хотивъ знать ни коней, ни конюшни.

Приська взяла ключъ та замокъ и хотила вже йты у сусудський двиръ замыкаты конюшню, колы щось застугонило пидъ викномъ, и незабаромъ убигла куховарка тыхъ панивъ, де служывъ Степанъ.

— Степанъ тутъ?—запытала вона.

— Онъ спыть!—показала Приська на лаву.

— Збуды ёго!—звелила куховарка.

— Я вже будыла та ничого не вдію, не прокыдается,—мовыла Приська.

— Я ёго, ледачого пьянюгу, зразу збужу! Я ёму покажу, якъ по ночахъ таскатыся! Черезъ ёго, проклятого, и мени немае спокою. Вставай!—крыкнула куховарка надъ самымъ вухомъ Степана и штовхнула ёго зъ усіеи сылы у бикъ.

Степанъ повернувся и, не росплющуючы очей, улучывъ куховарци замашнымъ кулакомъ у груды.

— А! щобъ ты, пьянюго непутящый, отутъ на мисти одубъ! щобъ тебе правцемъ поставыло!—Буды ёго!—накынулася розлютована куховарка на Приську.

— Та я-жъ будыла.

— Буды, жыдивьска потаскухо! Колы заклыкала до себе та напоила, то сама и видповидай!—крыкнула изнову куховарка.

— Я ёго не напувала,—видмовыла, ледве стримуючы слёзы, Приська.

— А мени яке дило, чы то ты, чы яка инша потаскуха напоила ёго? Не хочешъ будыты, то самъ панъ розбудыть ёго!—гримнула ще разъ куховарка и зныкла у синяхъ.

Не встыгла молодыця проковтнуты одніеи образы, якъ вже самъ панъ кынувся до неи зъ кулакамы.

— Де той пьянюга? Куды ты ёго заховала?—налетивъ винъ, немовъ та шулика, на Приську.

— Онъ спыть на лави,—перелякалася, ажъ затремтила вона.

Панъ пидбигъ до Степана и вразъ выбывъ хмиль зъ головы. Степанъ схопывся и кынувся, якъ несамовытый, зъ хаты.

— А тебе я провчу колысь! Тоби я тежъ накладу колысь, жыдивськый попыхачъ!—налаявъ ще разъ панъ Приську.

Все стерпила, все знесла нышкомъ Приська, але на цёму не скинчылося: черезъ часъ повернувся Степанъ и сповистывъ Приську, що панъ вже прынявъ видъ ёго збрую и прогнавъ геть зъ двору.

У молодыци пидкосылыся ногы видъ такои звистки.

— Що-жъ ты теперъ робытымешъ?—запытала вона Степана.

— Пересыжу на кватыри, поки мисце трапытся,—мовывъ винъ байдуже.

Приська тяжко зитхнула. Легко сказаты: „пересыжу на кватыри"; хыба вона не знае тыхъ кватыръ, хыба не вида вона, яку кватырю винъ уподоба? Чы за-для того вона стильки перетерпила, стильки перемучылася, щобъ диждаты побачыты Степана пидъ тынню? „Розиньется, роспустыться, розледачіе вкрай—и що я робытыму тоди зъ дытыною на рукахъ?"—журылася нышкомъ Приська.

— Погашу свитло, бо такъ не засну,—мовывъ трохы перегодомъ Степанъ, занудывшысь дывлячысь на Приську, якъ вона чуманіе.

— Гасы,—видповила Приська.

Степанъ буркнувъ щось соби пидъ нисъ, дмухнувъ на свитло и полизъ на пичъ спаты, а Приська немовъ прыкыпила до лавы й не рушыла зъ неи ажъ до свитанку.

Якъ тильки Берчыха выйшла до кухни уранци, Приська попрохала у неи порады.

Берчыха мыттю прырозумила, якъ пособыты горю.

— Хай Степанъ жыве у насъ до которого часу: винъ мене не объисть и кутка не завалыть, а щобъ ёму не прыкро було жыты безъ усякого дила, мы купымо погыненьку конячку,— хай винъ заробыть и хазяинови яку копійку, и самъ матыме прыстановыще та харчъ, и тоби буде спокійнише,— мовыла Берчыха.

Одначе ця щыра, розумна та корыстна за-для всихъ, на мову Берчыхы, порада не дуже-то прыйшлася по серцю молодыци: ій прыкро було навить и уявыть соби, що Степанъ іи стане жыдивськымъ попыхачемъ „за харчъ".

— Ни,—мовыла вона—хай я краще платытыму вамъ за кутокъ по карбованцю на мисяць, а харчуватымется винъ у кумы,—попрохала Приська.

— Боже упасы! Щобъ я брала зъ тебе грошы? Щобъ я вывертала зъ тебе за Степана? Та ты мени платы удесятеро бильше, то я не схочу твоихъ грошей. Якъ-то можно? хыба я

не знаю, яки твои грошы? Хыба въ мене жалю не маe? Ни, колы ты жалiешъ Степана, а я шкодiю твоихъ грошей, то хай же буде ни по твоему, ни по моему; мы умовымося зъ тобою такъ: незабаромъ будуть нашы Святкы, до мене прыйидуть здалека родычы—треба прыбраты, прычепуриты скризь, и звычайно я беру поденныхъ. Теперъ я поденныхъ не визьму: ты, молодычко, ниякому тоби, проворна, роботяща, управышся сама—и мы будемо квитъ.—Приська подумала трохы и згодылася.

XXI.

Степанъ не знавъ тай не дуже цикавывся знаты, на якыхъ умовахъ зистався винъ у Берчыхы. Роботы зъ ёго нихто нiякои не вымагавъ, кума Настя харчувала не зле, у кышени поводылося трохы грошей, и жылося-бъ ёму не погано, якъ-бы Приська меньше до роботы прыпадала та бильше часу ёму удиляла.

— Крутышся, якъ муха у окропи, николы не прысядешъ, не побалакаешъ! зануда бере, дывлячысь на тебе,—скаржывся Степанъ, потягаючысь та позихаючы на всю хату.

— А ты мени пособы трохы, той мени буде бильше вильного часу,—видмовляла Приська.

— У чимъ-же я тоби пособлятыму? Нема мени пидхожого дила. Якъ-бы це кони... або якъ-бы це у панивъ, та я за лакея,—позихавъ Степанъ.

— Корова йе,—нагадувала Приська.

— Хыба що корова!—позихавъ изновy Степанъ, и хочъ и погожувався, що доглядъ за коровою дило пидхоже за-для ёго, не йшовъ пораты ii, бо памьятавъ, що це задурно, що жыдивка не выкыне ёму и шага за ёго працю. Такъ само невелыка охота розбирала ёго и носыты воду, або дрова, вычыщаты биля порогу та ходыты зъ дорученнямы. Приська мовчала якый часъ, терпила та тилькы дывылася, якъ винъ, мовъ непрыкаянный, вештается зъ угла у вуголъ, але колы побачыла, що таке жыття ёму до вподобы и що винъ не дуже-то турбуется про мисце,

стала докоряты та вымовляты ёму. Степанъ немовъ и схаменувся, почавъ доглядаты коровы; але-жъ той доглядъ дався у знаки молодыци: зъ самого ранку почынавъ Степанъ проклынаты и долю свою, и Берчыху, и ій корову, та скаржытысь, що ёго зробылы „жыдивськымъ попыхачемъ“, що потуряютъ имъ, якъ якымъ крепакомъ. Молодыця доводыла ёму, що то винъ ій пособляе и робыть не Берчыси, а ій, що ій, хворій теперъ, надъ сылу праця, и що винъ повыненъ самъ попыльнуваты про те, щобъ вона не пидвередылася або не знесылылася вкрай.

— Тоби-жъ гирше буде, якъ я занедужаю та доведется тоби харчуваты и меня и дытыну. На твоій-же голови окошытся моя хвороба,—доводыла ёму Приська.

Степанъ гараздъ не розумивъ, зъ якои речи хвороба полюбовныци або и ій дытына надасть ёму клопотивъ, бо не почувавъ за собою ніякыхъ обовьязкивъ и николы не бачывъ, щобъ навить дукари-паны бралы на себе таки незвычайни турботы, проте не зважувався до котрого часу высловлюваты свои неясни думкы, и хочъ зъ проклёномъ та пересердямъ, а йшовъ такы до коровы. Повагомъ вытягавъ винъ два цебра воды, повагомъ, мало не по одній стеблыни, набиравъ у сараи сина, повагомъ напувавъ, злегенька вычыщавъ стійло и, скинчывшы цю працю, обовьязково проклынавъ свою долю—долю „жыдивського попыхача“.

— Чомъ-же ты соби мисця не шукаешъ? Чого свитомъ нудышъ, чого мени голову отымы проклёнамы забываешъ. За тры тыжни можно було-бъ мисця знайты и заробыты хочъ на крестыны дытыни. Незабаромъ у тебе буде дытына; чы розумієшъ ты, що ты будешъ батькомъ, що у насъ буде зайвый йидець, зайва душа на рукахъ?—нагадувала ёму Приська.

— А це-жъ черезъ кого я мисця не шукаю, якъ не черезъ тебе та того зайвого йидця? Пиду звидциль, то ты и одного дня не выдержышъ! Кыдай Берчыху, наймайся до кого иншого, де не стилькы роботы, то я заспокоюсь и зразу наймуся,—видповидавъ Степанъ, и Приська вирыла ёму та тилькы зитхала: „до

кого пиде вона теперъ, хто схоче держаты ii теперъ, причъ Берчыхы?"

Перейшлы жыдивськы святкы.—Якось видбула Приська гостей та родычивъ хазяйськихъ и, хочъ доводылося и до пизнёи ночи разъ-у-разъ робыты, хочъ выпадалы частенько и таки деньки, що вона не мала часу гараздъ и попойисты, але вона мовчала, бо бачыла, що недавня воля прызвела ii до гиркои неволи слугуваты тому, хто схоче ii держаты, годыты тому, хто хочъ не жене ii вагитнои проты Свята зъ двору.

Диждалы Великодныхъ Святокъ. Берчыха не перечыла наймычкамъ видбуваты ихъ по закону, и Приська не шкодила ни праци, ни грошей своихъ, абы наготовыть всёго, що слидъ, та задовольныты Степана. Степанъ захопывся тежъ святочнымы турботамы и, сподиваючысь гостей, вычыстывъ навить частыну дворыща. Приська ледве волочыла ногы, почувала себе дуже погано, але ни однымъ словечкомъ не натякнула про те Степанови, щобъ не турбоваты ёго и щобъ не обрыднуты ёму жаліючысь на хвористь.

У великодну субботу вона уготовыла стилъ, прычепурыла все, а у вечери дала Степанови билу сорочку, повьязала ёму шыю своимъ шовковымъ платкомъ и вырядыла до церквы святыть Паску.

Народу стовпылося у церкви сыла. Степанъ не мигъ молытыся; винъ облюбовавъ соби мистечко и почавъ роздывлятыся навколо. Недалечко видъ ёго стояло двое дивчатъ. Воны зразу спостереглы ёго, и одна напевне и прызнала ёго, бо коженъ разъ, колы винъ хочъ ненарокомъ повертався до неи, вона схылялася до своеи сусидкы, шопотила ій щось на вухо, штовхала ii, щобъ та обернулася та гляпула на парубка, и почынала реготатыся, затуляючысь биленькымъ платочкомъ. Довго прыдывлявся Степанъ до ii облыччя, довго ламавъ голову, що то за статурна та очевыдячкы безъ краю весела дивка, и нарешти таки прызнавъ,—то була Дунька. Степанъ усмихнувся и, колы Дунька повернулася до ёго, уклонывся ій. Дунька засміялася и кывнула й ёму головою.

— Ось зъ кымъ насамперед похрыстосуюся!—подумавъ самъ соби Степанъ и посунувся на крокъ блыжче до дивокъ.— Покращала вона за цей часъ! Ачъ якъ очыма поводыть! Бидова дивка! Гараздъ, що незлопамьятна: инша-бъ и очи выдрапала за те, що я такъ, зъ доброго дыва, покынувъ ій, а вона щей усмихается!—думавъ дали Степанъ, все дывлячысь на неи.

— Идить швыдче до-дому!—сипнувъ ёго несподивано якый-сь хлопчыкъ.

— Чого?

— Не знаю: маты та Берчыха мене послалы по васъ,— видповивъ малый.

— Ось дослухаю службы, посвячу паску, тоди и прыйду,— мовывъ Степанъ, не зводячы очей зъ Дунькы, що вже покынула свою подругу та наблыжалася потроху до ёго.

— Я зостануся биля паскы, а вы йдить,—не подавався хлопець.

— Та я не знаю, хто ты й такый? Може це ты помылывся, може то не мене клычуть?—запытався Степанъ, поступаючысь блыжче до Дунькы.

— Та ни-бо, васъ клычуть маты. Я васъ знаю, вы дядько Степанъ, а моя маты Горошыха-бублійныця,—трохы не заплакавъ хлопець. Маты та Берчыха велилы, щобъ вы зразу йшлы,—додавъ винъ и сипнувъ Степана изнову за рукавъ.

Ничого було дияты: видъ уйидливого хлопця ніякымъ чыномъ не можно було одвьязатыся; люде тежъ прымитылы, що Степана клычуть до-дому,—треба було йты. Степанъ зитхнувъ тяжко, штовхнувъ зъ пересердя малого и повернувъ до дверей.

— До своеи милои поспишаешся?—кынула ёму Дунька, наблызывшысь.

— Млосно стало!—збрехавъ Степанъ.

— Мени тежъ душно; ходимъ погуляемо вдвохъ по цвынтарю,—мовыла вона, йихыдно усмихаючысь.

— У мене тутъ, поблызу, маленьке дило йе;—ты гуляй, а я заразъ справлюся и черезъ хвылынку повернуся назадъ.—

— На мое й складается!—зареготалася дивка.—Я-жъ бо кажу «за Приською скучывъ», а винъ ще одбрихуется... Дежъ такъ? Добру годыну не бачывъ! ха-ха-ха!

— Зовсимъ я и въ думци не мавъ йты до Приськы; я й забувсь про неи,—видмагався Степанъ.

— Колы такъ, то я тебе и не видпущу видъ себе. Яки теперъ дила, у такый день? Годи, не выгадуй. Сядемо отутъ та побалакаемо, якъ колысь балакалы,—мовыла Дунька и потягла Степана за собою до лавочкы.

Степанъ сивъ биля неи.

— А що вже навчыла тебе Приська по-жыдивськи балакаты? А кучери вже повылыся видъ часныку?—почала зразу глузуваты Дунька.—Та яка вона прутка стала, твоя Приська: бигла я колысь зъ нею навыпередкы, тай не нагнала... А хороша яка! Пидъ очыма сыпякы у гадюку завтовшкы, очи позавалювалыся,—хочъ выважуй, на выду зморшкивъ за симъ пьятныць не переличышъ—одно слово красуня на увесь повитъ!—сміялася Дунька.

Степанъ тежъ усмихався, тежъ жартувавъ та пидтрымувавъ Дуньчыны выгадкы, але не подавъ и выду, що ти выгадкы та жарты глыбоко бороздять ёго серце, що слова іи сіють у тыхъ борознахъ якесь недобре насиння, що зъ того насиння вже почынае выростаты досада и що та досада окошытся, звычайно, не на Дуньци, на цій веселій цокотуси, що риже ёму правду у вичи, а на тій, що прывела ёго до такого сорому, до Дуньчыного посмиху та глуму.—

А тымъ часомъ дочыталы до Хреста, и радистный спивъ „Хрыстосъ Воскресе“ пролунавъ побиля церквы.

Степанъ знявъ шапку и похрыстосувався зъ Дунькою.

Рушыла процессія, высыпавъ народъ зъ храму; Степанъ та Дунька прытаилыся за деревомъ.

Посвятылы паскы, народъ посунувъ шырокою хвылею зъ цвынтаря; завьязавъ вже и Степанову паску хлопець та понисъ до-дому, а Степанъ та Дунька все стоялы на мисти, бо гараздъ и не зналы, куды имъ иты.

— Пидемо до Палагеи Тыхоновны розговлятыся,—прыдумала Дунька.

— Добре!—радо згодывся Степанъ и пишовъ услидъ за Дунькою.

Дуньку прывитала Палагея Тыхоновна добре, бо це була одна зъ тыхъ любьязныхъ ій дивчатъ, що николы не журылася и збувала ій поцинно одягу. Степанови вона тежъ не пошкодила даты зайвои чарки, бо то буевъ Дуньчынъ кавалеръ, до того на кватыри саме прожывала найщыриша подруга Дуньчына, Одарка, а вона була запаслыва дивчына и на гостре словечко, и на мицну горилочку... Часъ-другый не забарывся перебигты у такому веселому гурти, та ще за чаркою. Степанъ не спостеригъ, якъ пидбылося сонечко, и поплентавъ до-дому вже такъ якъ у пизне спидання.

А тамъ ёго давно сподиваlыся, давно вызыралы й у викна, и за воритымы: Господь послався ёму дочечку.

XXII.

„Непроханый гисть—кажуть—гиршъ за татарына". Колы-бъ тилькы крихотна Галя вмила зазыраты у вичи та дослухатыся до речей тыхъ людей, що вештаlыся биля ій ночовъ, вона-бъ спостерегла гирку правду ціеи прыказкы у першу-жъ хвылыну свого жыття и не дывылася-бъ такъ байдуже своимы яснымы оченятамы на похмурого батька, заплакану неньку та бабу, що, купаючы ій, зитхнула и мовыла до Прыськы зъ жалемъ: „одже не навмыруще—жытыме на грихъ". Нихто не прохавъ ій, нихто не клыкавъ, не уготовывъ ій мистечка на „шырокому" билому свити, и коженъ може запытаты ій зъ докоромъ: навищо ты прыйшла? Прыйшла непрохана, небажанна—не враждуй-же на людей за лыхе слово, не проклынай кревныхъ, що породылы тебе та не далы права жыты; склепы свои устопька, не роздывляйся навколо: свитъ шырокый и велыкый, але тоби одынъ шляхъ—шляхъ, що зборознылы глыбокымы

коліямы та засадылы колючымъ терномъ таки сами безбилетни, безталанни непрохани гости, якъ и ты! Берчыха перша показала той шляхъ: Галына колыска мулыла ій очи. Вона перетерпила чотыры дни Святъ, а на пьятый розсчытала Приську.

— Не враждуй на мене, молодычко,—казала вона, доручаючы Присьци остачу зароблены хъ грошей—тры карбованци:—самій шкода тебе, такъ не можу я тебе держаты, бо хазяинъ мій страсть не любытъ дытячого лементу.

— И що вамъ та дытына заважыть?—запыталася сумно Приська.

— Багацько не заважыть, а видъ роботы хазяйськои рукы видниме. А колы вже справди тоби никуды подитыся, та колы, хай Богъ мылуе, тоби крайнисть у мене служыты, то я вже такъ, щобъ люде не казалы: „сяка така Берчыха наймычку прогнала"—найму тебе и на дали, тилькы, звычайно, чотырёхъ карбованцивъ не дамъ.

— А скилькы-жъ дасте?—запытала Приська.

— Скилькы я тоби дамъ? Два карбованця на мисяць—то красна цина за-для наймычкы зъ маленькою дытыною.

— Тобъ-то наполовыну? А роботы-жъ якъ, тежъ меньше удвое буде?—

— Робота за тобою буде та, щой була, нема чого зминяты, нема чого зменьшуваты: йисты варыть що Божого дни треба, праты треба, корову доглядаты треба...

— Такъ вы хотилы, щобъ я ту саму роботу та робыла вамъ у пивъ-цины?—запытала Приська зъ докоромъ.

— Хыба я тебе сылую, хыба я домагаюся, щобъ ты у мене служыла? Якъ не хочешъ, то й Богъ зъ тобою! Я хотила якъ краще, бачу, що ты така нещасна, що у тебе маленька дытынка на рукахъ, що тоби никуды подитыся, ну я й...

— Хотила зъ тебе останню шкуру здерты?—перехопыла стурбована молодыця ричъ Берчыхы.—Тоби мало, що я у тобе здоровья перевела, що я тоби бильше року, якъ вилъ, робыла, мало, що я тоби, якъ кому й путнёму, корылася, мало, що за той кутокъ, що занявъ Степанъ, кривавымъ потомъ видробляла?

Тобѣ цёго мало? Ты хотила ще моимъ горемъ, моимъ грихомъ скорыстуватыся?—хотила по два карбованци на мисяць спокуты наложыты? А! будь ты проклята! Будьте вы вси прокляти, пьявкы ненажерлыви!—закрычала Приська, не памьятаючы себе зъ досады та горя.

— Цыть, цыть! Чого ты крычышъ? Цуръ тоби, пекъ тоби! Якъ-бы я знала, що ты така сердыта, то я-бъ до тебе и не балакала! Иды собѣ зъ Богомъ, иды!—

— Не бійсь,—не зистануся! Швыдче сама кынуся зъ кручы и дытыну задавлю, а вже не попущу вдруге жыдивци выварюваты зъ себе воду!—видмовыла Приська, пеленаючы Галю.

— Не зарикайся, молодыце, якъ-то люде кажуть: не ручыся, бо куры и на весилли та не хотять, та сылою тягнуть! Нихто тебе не клыкавъ до жыдивъ, сама прыйшла своею волею, прослужыла бильше року, получыла вси грошы до копійкы... Робота—не важка, симья невелычка.

— Годи!—одризала Приська.—Прощайте!

— Прощай! Иды собѣ зъ Богомъ! Я не знала, що ты така сердыта,—мовыла Берчыха и защипнула за наймычкою двери.

Приська перейихала на кватырю—велику та сумну хатыну у пидвали. Степанъ пособывъ ій перевезтыся, розикласты та розвишаты збижжя и зразу подався шукаты собѣ мисця. На ничъ винъ не вернувся, и Приська, не дождавшысь ёго до обидъ и на другый день, заперла хату и пишла зъ Галею до Насти поспытатысь порады, за вищо зачепыты рукы та якои праци шукаты теперъ? У Насти було ще дви мищанкы у гостяхъ, и вси жинкы пораялы въ одынъ голосъ зробытыся прачкою. Приська послухалася тіеи порады, и колы прыйшовъ у вечери Степанъ похвалытыся, що вже найшовъ собѣ мисце, молодыця похвалылася й собѣ, що Настя та дви мищанкы пообищалыся постачаты ій сорочкы. Степанъ значно повеселишавъ, прочувшы таку прыемну звистку, и побигъ зразу за горилкою та оселедцямы, щобъ спрыснуты щастлыве за-для обохъ ихъ новосилля.

— Жытымешъ теперъ: я матыму шисть карбованцивъ на мисяць, ты—зароблятымешъ удвое бильше, бо перешъ ты швыдко и гарно; матымешъ грошы на хлибъ и на силь,—радивъ Степанъ.

— Ты-то матымешъ, а я ще зразу не зароблю ничого: поки-то городяне довидаются про мене, та поки-то впевнятся, що я не покраду сорочокъ, або не перенивечу ихъ!—журылася Приська.

— Выгадкы! Я ось якъ пиду та оповищу знаёмыхъ панивъ, то тебе у одынъ день закыдають сорочкамы. Про те не журыся, що роботы не буде; абы охота,—мовывъ Степанъ.

— Э, ни, не кажы такъ: Настя казала, щобъ я и не надіялася и не думала у цёму мисяци роботы знайты. Доведется мабуть цей мисяць на готови грошы жыты.

— То що?—жывы на готови!—згодывся Степанъ.

— У мене-жъ тилькы тры карбованця,—нагадала Приська.

Степанъ промовчавъ.

— Хыба може ты выпросышъ у хазяина впередъ та дасы мени трохы?—запытала несмилыво Приська.

Степанъ изновy промовчавъ.

— Скажы хазяинови, що тоби дуже потрибни грошы.

— Якый чортъ дасть мени грошей впередъ? Де я тоби у лыхои годыны знайду такого дурня, щобъ такъ и пойнявъ мени виры? Перебувай якъ хочъ цей мисяць: продай що-небудь, або, про мене, на поденщыну ходы!—пораявъ Степанъ.

— Зъ маленькою дытыною?—нагадала Приська.

— Чы зъ дытыною, чы безъ дытыны—якъ знаешъ!—розсердывся Степанъ:—а тилькы зъ мене не потягнешъ ничого, бо мени панъ до кинця мисяця не копійкы не дасть.

— Якъ-же я жытыму?—запытала Приська.

— Якось та жытымешъ! Постачыть того дрантя на мисяць!—видповивъ Степанъ, показуючы на Присьчыну скрыню.

— Тобъ-то мени одежыну вже продаваты?—здывувалася и наче ажъ злякалася Приська.

— Тобъ-то мени вишатысь, абы ты тіеи одежы не продавала?—передражнывъ ій Степанъ и ухопывся за шапку.

— Куды-жъ ты?—спынына ёго Приська.

— Не знаешъ хыба куды? До хазяина,—видповивъ Степанъ и пишовъ зъ хаты, навить не допывшы пляшкы.

Боляче стыскалося Присьчыне серце; сумно та гирко стало ій на души. Щось непевне свитылося у очахъ коханця; чудный винъ бувъ самъ у цей вечиръ и чудни та не щыри булы ёго речи. Чы не надумавъ-то винъ ще зрадыты та покынуты ій?

На другый вечиръ Степанъ не прыйшовъ, третій—тежъ не прыходывъ; четвертого дня забигъ на хвылыну, взявъ дви билыхъ сорочкы та чумарку и зъ того часу не казавъ очей биль ше тыждня. А Приська тымъ часомъ потратыла грошы на дрова та мыло, продала одынъ платокъ, щобъ забезпечыты хочъ карбованцемъ свою хазяйку—дуже побожну, але ще бильшъ, неймовирну крамарку, продала и два вышываныхъ рушныка на свои потребы и налагодыла ще де-яку одягу, щобъ несты до торгу,—колы прыйшла Настя и прынесла першый бунтъ чорныхъ сорочокъ. Приська заходылася того-жъ дни биля ныхъ, не пошкодила ни мыла, ни рукъ, и сорочкы выйшлы, якъ снигъ, били. Вона однесла ти сорочкы и повернулася щастлыва та завдовольнена зъ карбованцемъ у кышени. У синяхъ сподивався ій Степанъ. Винъ прыйшовъ одвидаты ій та Галю, а заразомъ попрохаты „у позыку“ двадцять пьять коніёкъ, до того дня, поки скинчыться ёму мисяць та хазяинъ виддасть грошы. Молодыця хотила спочатку видмогтыся, бо видъ Степана душыло горилкою, але якось не зважылася збрехаты и подала ёму четвертака. Степанъ поцилувавъ ій, подякувавъ и зновъ немовъ кризь землю провалывся ажъ на висимъ день. Даремно роспытувалася Приська всихъ, де шукаты Степана, даремно шукала ёго и Настя,—нихто не знавъ, де винъ нанявся, хочъ не разъ и бачылы ёго люде то у крамныцяхъ, то на вулыци.

Роботы у Приськы побильшало, одначе заробитка постачало тилькы на дрова та на харчъ. Нарешти прыйихалы якось паны, зупынылыся у отели недалечко видъ Приськы и якось послалы до неи чы-малый бунтъ сорочокъ. Молодыця не забарылася упораты ёго, и черезъ кильки день одержала бильшъ трёхъ карбованцивъ. Такый значный заробитокъ забезпечывъ-бы молодыцю на довгый часъ и заспокоивъ-бы напевне и хазяйку, що все скоса поглядала на кватыранку та мало не що-дня

вымагала въ неи грошы,—але ін знову сподивався вже у синяхъ Степанъ зъ такымъ самымъ проханнемъ „позычыты“ грошей, якъ и першый разъ. Приська видмовыла ёму и збрехала, що не мае й шага за душею. Степанъ не повирывъ и вымагавъ спочатку обережно та звычайно полтынныка, а колы Приська побожылася, що въ неи нема про ёго грошей, то почавъ гриматы, лаятысь и слово за словомъ прызнався, що знае весь Присьчынъ заробитокъ и що не прыйшовъ-бы и теперъ прохаты „на свою необходымисть“, якъ-бы напевне не знавъ, що у нея йе три карбованци.

— Навищо-жъ тоби грошы?—нарешти запыталася Приська безъ краю здывована, а почасти и завдовольнена тымъ, що Степанъ такы стежыть за нею и знае жыття ін, хочъ и не мае часу одвидать свою симью.

— Треба, дуже треба! Дай, прохаю тебе! Це-жъ у позычку!—попрохавъ Степанъ.

— Скажы: на вищо?—допытувала Приська.

— Ій-Богу треба! Ось бачъ—побожывся! Велыке слово—ій-Богу!—перехрестывся парубокъ.

— Не дамъ.—Далеби, не дамъ, доки не скажешъ!—забожылася и соби Приська.

— Уздечку украдено,—збрехавъ Степанъ.

Приська выйняла грошы.

— Дай мени карбованця, бо може за полтынныка щей не куплю,—попрохавъ Степанъ.

— А виддасы?—запытала Приська.

— Якъ достану у хазяина—зразу виддамъ.

— Гляды-жъ, Степане, не збрешы!—мени дуже скрутно, я тилькы и заспокоилася трохы цымы трёма карбованцямы. До кинця твого мисяця зостается ще шисть день, а у мене, якъ розплачуся зъ хазяйкою, залышится всёго шистьдесять копіёкъ. Памьятай-же, Степаныку, це, не надійся на мій заробитокъ та верны мени мои грошы тай своихъ дай трохы Гали на сорочечкы.

— Того-жъ дни, якъ достану и прынесу,—заспокоивъ Степанъ Приську и, заховавшы выдуренного карбованця у кышеню, побигъ до дому.

Не забарылыся перебигты ти шисть день. Наступывъ и той вечиръ, колы Степанъ повыненъ бувъ прынесты грошы. Якъ на те, у Приськы за цей часъ не було слыве ніякого заробитку, и ци грошы Степанови тильки й давалы надію молодыци. Смеркомъ забигла була Настя и похвалылася, що вже довидалася, де саме служыть Степанъ, и що колы треба, то вона може и забигты до ёго. Приська попрохала іи переказаты Степанови, щобъ винъ неодминно зайшовъ до неи цей вечиръ та прынисъ грошей, и думаючы, що парубокъ прыйде, потратыла останнёго злотого ёму на вечерю. И ось нарешти диждала вона вечера, диждала ночи, а писля першыхъ пивнивъ постукався и винъ. Винъ прыйшовъ, але... краще бувъ-бы й не прыходывъ! Червоный, роспатланый, пьяный, винъ ускочывъ въ хату, пройшовъ непевною ходою до ночовокъ, вывернувъ зъ ихъ постырани сорочкы, перекынувъ по дорози ослинець, сивъ мовчкы на лаву и, назбиравшы по усихъ кышеняхъ де скилькы-сь тамъ мидякивъ, пошпурывъ нымы у Приську.

— На, собако, давыся!.. Зайила мое жыття! На... будь ты проклята... лопай! Бильше не дамъ... не дамъ! Пропадай ты зъ своею дытыною... Це не моя дочка... Чуешъ? Не моя! Хай Настя не бреше, хай не прыходыть вдруге до мене!.. Це не моя дочка!.. Я знать іи не хочу!—гримнувъ Степанъ.

— Степане, Степаныку! Господь зъ тобою! Що-бо ты кажешъ?—злякалася Приська.

— Мовчы, а то бытыму! Убью, проклята, и тебе, и іи, и Настю—щобъ не було!—крыкнувъ ще дужче Степанъ.

— Степаныку! Лягай, серденько, та спочынь!—стала благаты ёго молодыця.

— Убью! прожену! Чоловикъ прогнавъ, и я прожену жыдивську наймычку! Вонъ!—закрычавъ винъ якъ несамовытый.

Спочынь, Степаныку! Ось я тоби вже и лижко уготовыла!—благала Прйська, сылкуючысь звесты Степана зъ лавы та провесты до застланои постели.

— Ты думаешъ, я пьяный? Брешешъ, собако: я не пьяный... Теперъ я все чысто зрозумивъ... Ты була мени паморокы

забыла... я не розумивъ ничого, а теперъ я все, все бачу... Я людына ще молода... саме у пори, у сыли... Дунька за мене зразу замижъ пиде... пиде, бо сама казала: сватай—пиду. А ты—жыдивська наймычка... тебе чоловикъ прогнавъ, и я прожену. Вонъ!—закрычавъ винъ знову.

Пьяне облыччя ёго прыйняло страшный выразъ, налыти кривью банькы выкотылыся наверхъ; мицно стысненный кулакъ падавъ разъ-повзъ-разъ зъ усіеи сылы на стилъ и ось пиднявся вже надъ Прыською.

Прыська выхопыла зъ колыскы Галю и выбигла зъ хаты.

Степанъ кынувся за нею навздогинъ и вже бильше не вертався.

Навикы перервався звьязокъ зъ цёго часу мижъ Прыською та Степаномъ: ніякымъ вузломъ не звьязаты погнывшои пытки, ніякымъ карукомъ не зклеиты трухлявои деревыны; ни любыстькомъ, ни хытрощами, ни розумомъ не зйиднаты и перетлывши сердёнька.

Степанъ видчахнувся видъ Прыськы, а вона зненавыдила ёго, якъ зрадныка, якъ непутящого батька своеи дытыны, якъ пьяныцю, якъ безсовистну людыну.

Галя, сама Галя зисталась молодыци, и зате якъ покохала вона, самотня, опорочена, бидна, маты, свою крихотку. Скилькы счастя, веселощивъ, скилькы жыття додавала іи колыска цёму сумному кутку у пидвали, и скилькы думокъ, надій, жаху та клопотивъ додавала вона своій неньци!..

— Гу-гу... гу!.. — загуде манесенька Галя, сылкуючысь ухопыты выпростанныма зъ повывача ручепятамы краечокъ червоного платка, що высыть на колысци.

— Гу-гу-гу! Крихотко, комашечко!—видповидае зразу маты, кыда сорочкы, бижыть до колыскы, прыпадае до своеи одыначкы. —Дочечко моя, рыбонько моя, счастя мое! Що-то буде зъ тобою? Яка-то доля чекае тебе? Чы дожыву я, щобъ побачыты тебе велыкою, чы захыщу тебе видъ недобрыхъ людей? Покынувъ насъ батько—залышылыся мы самитни на билому свити! Не покыдай-же хочъ ты, моя крапелько, своеи несчастлывои матери!

Жывы моя дытыночко, моя донечко! жывы, та будь счастлывиша за свою матиръ!

XXIII.

Промынувъ рикъ. Рикъ тяжкои праци, незабезпеченого життя не може промайнуты блескучымъ метеоромъ,—винъ тягнется, [illegible] жаль, дуже довго. Коженъ день, иноди навить хвылына, такого року видбывается глыбокымы зморшкамы на выду, куда насму сывого волосся у чорни кучеры, витается тяжкымъ стогиномъ, провожается якъ небажанный гисть.

Тяжко дався цей рикъ и молодыци нашій: непевный заробитокъ прачки, звязано, и дотого маленькою дытыною, далеко не забезпечавъ життя. Сотни бунтивъ чорныхъ сорочокъ проходылы черезъ ій руки, але не давалы спроможности одикласты и шага про случай якои прыгоды. Лито та осинь пройшлы ще не дуже сутужно, бо дощи постачалы воду, а сонечко сушыло сорочкы. Зате зъ першымъ-же морозомъ праця *поважчала* удвое. Доводылося спускатыся по слызькій гори до ричкы по воду, носыты ту воду мало не до обидъ, полоскаты сорочкы у крыжаній води и потимъ пьястыся на гору зъ важкымъ бунтомъ мерзлыхъ сорочокъ. До того, довга зимня сушка на морози вымагала великого горища, або сарая, а до Присьчынои хаты давалася тилькы маленька повитка. Молодыця розвишувала холодни, мерзли сорочкы по всій своій хати и тымъ додавала своій господи ще бильше вохкосты та цвили.

Намерзла та наморена, вона лягала на вохке лижко биля цвилыхъ стинокъ и вставала, наче писля якои хворобы, отуманила, слаба та блида. При такыхъ умовахъ не забарылася одвидаты Приську и нахабна гостя бидности—пропасныця. Мицно ухопыла вона молодыцю у свои пазири, и якъ не змагалася Приська зъ нею, якъ не выкурювала ій зъ своеи господы,—вона такы добылася свого и знесылыла Приську. Праця прачки стала

здаватыся ій надъ-силу, сорочкы сталы выходыты не такымы билымы, якъ спочатку, и роботы видразу поменьшало.

— Паны не задовольнени на цей разъ вашымъ праттямъ,— казала одна покоянка.

— Панычъ не схотилы надиты тіеи сорочкы, що вы прынеслы,—казала друга.

— Не прыходьте за сорочкамы,—мы соби иншу прачку знайшлы,—казала третя.

Приська видмагалася то тымъ, то сымъ, звертала все то на мыло, то на воду, але незабаромъ повынна була соби прызнатыся, що вона вже не здатня працюваты такъ, якъ спочатку працювала, и що не даремно нарикають на неи люде. Погиршалы харчи, похолоднишало въ хати, але Приська не звертала ни на вищо увагы и може не зводылася-бъ по килько день и зъ лижка, колы-бъ не люта хазяйка, що разъ-у-разъ нагадувала ій про завынувачени грошы та пидганяла до праци.

— Не линуйся, не нивечы сорочокъ, докладай рукъ!— товкла мало не що дня гладка крамарка:—не лягай, бо пропасныця того не любыть: ходы, вештайся, працюй, не звертай на неи увагы, то вона покыне швыдче,—радыла вона.

И якъ тяжко було Присьци слухаты ту пораду, якъ боляче зводытысь хворій зъ лижка та вештатысь зъ пухлымы ногамы зарады крамарчыного спокою! Вона прыступала до ночовъ, почынала праты, але якъ тилькы хазяйка выходыла зъ хаты, изнову падала на лижко, брала Галю пидъ бокы и, укрывшысь теплымъ кылымомъ, пролежувала мало не до вечора. У вечери ій становылось легше; вона трохы бадёрнишала и хапалася скинчыты за ничъ роспочати сорочкы.

Зрідка одвидувалы іи знаёми товаркы, але то булы таки-жъ сами безпрыютни, таки сами безпомични жинкы, якъ и вона. Одна людына, що хочъ трохы пособляла ій, засылаючы иноди середущу доньку доглядаты Галю, це була Настя, але-жъ и та не могла даты ій доброи порады та прырозумиты, якъ запобигты тому лыхови, що насувало темною хмарою и вже заволокло небо надъ головою немичнои молодыци.

— Я-бъ нанялася на твоему мисти,—казала Настя иноди Присьци.

— Хто-жъ мене найме зъ малою дытыною, причъ якои небудь Берчыхы, або Рыбалкынои, що тилькы и шукають такыхъ безталанныхъ наймычокъ, якъ я? Тай якый буде доглядъ Гали у чужыхъ людей? Мало хыба згорбатило, покрывило та послипло тыхъ дитей по панськыхъ кухняхъ? Мало ихъ гыне що року?—видповидала Приська.

— Виддай кому небудь Галю,—радыла изнову Настя.

— А вы виддалы-бъ хочъ одного зъ вашыхъ дитей на чужи рукы, чужый доглядъ та чужу ласку?—пыталася Приська.

— Йидь до дому, Присько, вернися на село! —зважылася нарешти якось Настя, пидъ вплывомъ розмовы своеи зъ Спырыдономъ, пораяты молодыци.

— Повернутысь на село?—перепытала Приська, схоплюючысь зъ лижка.—Краще кынутысь зъ кручы, краще утопытыся, краще загынуты де небудь пидъ-тынью, нижъ вернутыся на село, щиты на зустричъ глуму, докорамъ та знущеннямъ селянъ. Мало я горя прыняла видъ ныхъ, мало досаждалы, мало смиялыся зъ мене? А тоди я ще невынна була, я не заподияла ще тоди никому ничого худого, на моій души не було ніякого гриха, я не осоромыла никого,—я тилькы не хотила корытыся имъ, я шукала иншого жытя, я лынула до иншои праци. Що-жъ то воны скажуть теперъ мени? Якъ глузуватымуть зъ мене, якъ радитымуть, що я спиткнулася, що не дійшла до бажанои меты! Тай куды я теперъ пиду? До кого? До матери, щобъ выплакала надъ колыскою внукы свои стари очи? До Мелашкы, щобъ осоромыты ii? До дядька Максыма, щобъ давъ килкомъ по голови? чы може иты до чоловика та выховуваты на его хлибови „жырову дытыну", слухаты докоры, зносыты може й бійку? О! ни, найлютиша, найгирша смерть краща за таке жытя!.. Ось дасть Бигъ, пройде хвороба, покыне пропасныця— и все буде добре та гаразд,—додала вона, трохы заспокоившысь.

— Не покыне тебе сплоха пропасныця,—зитхнула Настя: тоби треба килько день и зъ хаты не выходыты, до ричкы не

наблыжатыся, а ты мало не що дня полощется у весняній води. Ось вже и кашель напавъ тебе...

— Я и сама знаю, що колы-бъ я перепочыла хочъ тыждень, колы-бъ оти сумни думкы, що разъ-у-разъ обгортають мою голову на самоти, покынулы мене хочъ на короткый часъ, то я-бъ видразу поздоровишала.

— Переходь на кылько день до мене,—запрохала ii Настя.

— Тисно у васъ... видмоглася була Приська.

— Ничого—якось помистымося. Ходимъ!..

Приська не знала, якъ и дякуваты Насти за таку ласку. Симья Насти та Спырыдона, ихъ крихотна хатына, ихъ дитвы, тыхе, спокійне та запезпечене, якъ здавалося ій, жыття—це саме й була та мета, до якои такъ лынула душею и серцемъ Приська, яку завжды уявляла вона собi. Чоловикъ служыть, заробляе грошы, прыносыть ихъ до дому, виддае жинци, а жинка доглядае дитокъ, годуе, обпырае, обшывае ихъ и ще прыберигае копійку и про гостей и про яку прыгоду. Вона не разъ була у Насти въ гостяхъ, бачыла, якъ гарно жывуть Спырыдонъ та Настя, якъ кохають та жаліють одно одного; бачыла, що дитвы завжды обути, одягнени, що поводывся инколы и ласый шматокъ про гостя, що жыття забезпечене и лыне безъ усякыхъ турботъ, дарма що напевне, колы и воны тикалы зъ села въ городъ, колы кыдалы батькивську оселю, то селяне знущалыся зъ ныхъ такъ само, якъ и зъ неи, и казалы, що воны „пропадуть". „Ни",—думала Приська, идучы до Насти:—„не городъ выненъ у моій прыгоди, а безталання мое. Не пропадала-бъ я отакъ, не роскыдала-бъ здоровья, не занапастыла-бъ свого вику, якъ-бы не Степанъ. Перевела бильшъ трёхъ рокивъ у городи, а що я бачыла, чымъ скорыстувалася, чымъ можу похвалытыся, причъ горя, досады, то праци. Оце може одляже трохы видъ серця. Подывлюся хочъ на чуже счастя, прожыву хочъ кылько день зъ людьмы, що не знають горя".

Назустричъ Насти та Присьци высыпалы вси дитвы; старшенькый хлопчыкъ рокивъ шесты выбигъ ажъ на вулыцю. Винъ махавъ рученятамы, скакавъ босонижъ по калюжци и, ще

здалека показуючы жинкамъ медяного пряныка, крычавъ на всю вулыцю.

— Тато прыйшлы, тато прыйшлы!

— Настя набавыла ходу.

— Хыба тато давно не бувъ, що ты такъ зрадивъ?—запытался Приська хлопчыка.

— Давно: бильше тыждня, — видповила Настя замисть хлопця.

— Не пускають, чы ни́колы?—здывувалася Приська.

— Ни́колы: робота не важка, а одлучытысь не можно, бо не вгадаешъ, колы панъ або пани велять запрягать,—мовыла Настя.

— Ажъ на тры дни прыйшовъ!—сповистывъ Спырыдонъ, здоровкаючысь зъ жинкою та Прыською.

— Невже? обманюешъ!—зрадила Настя.

— Кажу тоби на тры дни. Бачъ, яка цицька? це черезъ неи мени святкы,—мовывъ Спырыдонъ, показуючы перевьязану руку.

— Що-жъ то таке?—злякалася Настя.

— Пусте,—кинь трохы поносывъ. Сёгодни, диты, будемо увесь день гуляты!—звернувся винъ до дитокъ, що оточылы ёго коломъ.

— Вси тры дни гулятымемъ: намъ зъ вамы не було цей рикъ святокъ, то хай хочъ ци дни одсвяткуемо!

— Невже не булы на святкахъ дома?

— Ни одного денька; саме панськи визиты—пиколы було й на хвылыну забигты до-дому. Та мы до цёго вже звыклы; мы знаемо, що симья—не про насъ. Ось симнадцять рокивъ, якъ ожепывся, а не запамьятаю и одного дня такого, щобъ вильно було нагулятыся дома, роздывытыся гараздъ, побалакаты зъ дитьмы, жинкою... Прыбижу на якый часъ, перекынуся словечкомъ, ухоплю чысту сорочку—тай знову мерщій „до дому“. Вы спытайте мене, яки у мене диты—чы путящи, чы розумни, чы дурни, то я вамъ и не скажу: знаю, скилькы якому рокивъ, якъ звуть, а бильше й не пытайте. Огакъ само

знають и воны мене. Знають, що йе батько, бо прыносыть грошы та гостынци, бачуть, що иноди прыходыть до ихъ якыйсь чоловикъ, що воны повынни называты ёго „таткомъ", а що-то воно за людына, якои виры та якои вдачы,—то й не знатымуть... Иноди прямо и забудешъ, що въ тебе симья йе, що ты не самитній на свити... Хай Настя радіе, що въ неи такый дурный чоловикъ, а то иншый бы на моёму мисти черезъ саму зануду розледащивъ та завивъ соби яку кралю,—пожартувавъ Спырыдонъ.

— А може инша жинка ще-бъ швыдче за тебе занудылася, вызыраючы свого чоловика по цилыхъ мисяцяхъ?—засміялася Настя.

— И то правда,—згодывся Спырыдонъ.—Счастя наше, що мы обое дурни та доси кохаемося, а до того й натрапылы на пана плохого: держыть мене, ледачого, ажъ чотырнадцять рокивъ, не боится моеи смерти та дае грошы впередъ. Оце-жъ на тоби зразу 10 карбованцивъ: взявъ впередъ, бо знаю, що диты обирвалыся,—мовывъ Спырыдонъ, доручаючы жинци грошы.

— Впередъ тай впередъ, а що буде дали? — зитхнула Настя.

— Що робыты? Не пропылы, не прогулялы—наслидныка хрестылы, теплу одягу справылы. Пошле Господь ще одного йидця, то мы ще визьмемъ впередъ, а одробымо може на тому свити!—пожартувавъ Спырыдонъ, але Присьци здалося, що середъ того жарту винъ тяжко зитхнувъ.—Ну, дитвора, колы готови, то ходимъ!—звернувся винъ до старшенькыхъ дитей, прыймаючы видъ Насти найменьшого девятымисячного хлопчыка.

— Готови, готови!—обизвалося въ одынъ голосъ трое дитокъ, спишно кинчаючы свое убрання.

— Може-бъ ты, Присько, и не йшла зъ намы, бо Спырыдонъ ходытыме довго: ажъ поки не покаже дитямъ всёго города та не прыморыть всихъ,—мовыла Настя.

— Ни, я пиду зъ вамы,—видповила Приська.

— Куды-жъ мы пидемо?—запыталася Настя Спырыдона, замыкаючы хату.

— Скризь, скризь пидемо?—видповила меньшенька дивчынка зазыраючы любому татови у вичи.

— Скризь, скризь пидемо!—пидтримавъ доньку батько и подався прямо до найголовнишои вулыци города.

—

Довгенько попоходылы воны по городу; надывылысь диты на усяки дыва, що выглядалы зъ викопъ у крамныцяхъ; де-якыхъ цяцёкъ купывъ Спырыдонъ имъ на играшкы. Вже надъ вечиръ повернулыся воны до-дому, потомлени, а особлыво Приська, бо хвористь ій давала таки себе знать.

Напылыся воны чаю. Меньшенькы диты заразъ-же поснулы, а Лызька та Мыкола пишлы у свій кутокъ гратысь новымы цяцькамы.

— Моя лялька буде „барынею", я—ій горнышна, а ты—кучеръ. Добре?—запыталася Лызька Мыколу.

— Добре!—згодывся Мыкола.

— Кучеръ, запрягай!—скомандувала дивчынка, та такъ гризно, що Приська не втерпила, щобъ не засміятыся.

— Ачъ яка строга горнышна!

— О! зъ неи буде бидова горнышна,—обизвалася Настя.

— Не пожаліе й батька: посадыть на козла пидъ дощъ, якъ звелять паны,—додавъ Спырыдонъ.—А зъ тебе, що буде?—звернувся винъ до старшенькои, Варкы.

— Незабаромъ побачымо, що буде: пислязавтрёго треба весты у наймы,—видповила Настя.

— Отъ тоби й на! Тобъ-то вже до чужыхъ людей иты, свое гниздо кыдаты?—зитхнувъ Спырыдонъ.

— А докы-жъ ій сыдиты? Вже дванадцятый годочокъ наступывъ,—хай иде заробляе.

— Може ты, Варко, не хочешъ иты у наймы, то я тебе не сылую; хай краще босонижъ стрыбатымешъ та знатымешъ, що дома?—запытавсь Спырыдонъ, пыльно заглядаючы у вичи доньци.

— Я не хочу ходыты босонижъ—я наймуся!—видмовыла Варка.

— Такъ ты хочешъ, чы не хочешъ служыты?—запытавъ ии вдруге Спырыдонъ.

— Хочу! Абы не былы,—видмовыла дивчына.

— Таке и выгада! хто-бъ же тебе бывъ?—хотила заспокоиты ии Настя.

— А ты й певна, що ии не бытымуть?—запытавсь Спырыдонъ жинкы.—Ты краще навчы дочку, що ий робыты, якъ бытымуть. Що ты, Варко, робытымешъ, якъ тебе якый катъ лясне?—звернувся винъ до Варкы.

— Покыну, скажы, та прыйду до батька,—навчыла дочку Настя.

— Я покыну, а воны мени заслуженыхъ грошей не дадуть,—нагадала Варка.

— Ха-ха-ха!—засмиявсь Спырыдонъ.—Хто мигъ-бы й подуматы, що оця маленька голивка вже стилькы передумала, що дванадцятылитня дивчынка такъ добре жыття наймычкы знае? Правда твоя, дочко, якъ покынешъ, то тилькы сама соби лыха наробышъ: и за сынякы не помстышся, и грошы пропадуть, а ты робы такъ, якъ я колысь зробывъ: давъ мени одынъ панъ у пыку, а я прычынывъ дверы, щобъ свидкы не нагодылыся, та тоди й наклавъ ёму здачы.

— Схаменыся! Верзе таке, щой купы не держытся. Иды Варко, до дитей, не сыды тутъ,—розсердылася Настя. И що тоби за охота дытыну такому навчаты?—звернулася Настя до чоловика, якъ одійшла Варка. Николы батькивскои порады не дасть: все жартуе та, немовъ той ворогъ, на лыхо настановля.

— Бо такы я и йе ворогъ своимъ дитямъ, — зитхнувъ Спырыдонъ:—бо якъ-бы я думавъ бильше про дитей, то не покынувъ-бы села, своеи хаты, своеи земли, сыдилы-бъ диты на своій батькивщыни, у своій симьи, биля своихъ кревныхъ та не сподивалыся-бъ змалечку стусанивъ видъ чужыхъ людей.

Настя стала заспокаюваты чоловика: довго щось доводыла, у чымъ-сь впевняла, але Приська вже не слухала ии.

Те, що вона бачыла, чула сёгодни, а найбильше останнячъ Спырыдонова дуже вразылы ии. Вона, покынута полюбов-

ныця, йшла видпочыты та заспокоитысь до счастлывыхъ людей у счастлыву симью, подывытыся хочъ на счастя, на чужи достаткы, колы не зумила выпрохаты у Бога соби такои доли, а натомисць наслухалася гиркыхъ речей, побачыла, якымъ коштомъ здобувае Спырыдонъ ти малесенькы достаткы, що здаются далеко бильшымы черезъ ту полуду, що вміе Настя, якъ и вси городянкы, имъ додаваты.

Вона не зисталася у Насти ночуваты, бо разъ—темно було, а вдруге—натомылася и бажала, якъ мога швыдче, добратысь до свого лижка...

XXIV.

Черезъ килько день занегодылося, пишовъ велыкый, холодный дощъ, а Присьци, якъ на те, прынеслы багацько сорочокъ. Думала молодыця, думала, лежучы пидъ кылымомъ зъ перевьязаною мокрымъ платочкомъ головою, чы однесты назадъ ци сорочкы, чы праты,—тай зважылася такы нарешти питы зъ нымы на ричку. Такъ-сякъ дотяглася вона туды, пополоскала, позвьязувала и стала пьястыся на гору, але черезъ якый десятокъ крокивъ побачыла, що не дійде до дому, скынула зъ плечей важкый бунтъ и сила на дорози.

На счастя іи йихавъ хвурманъ. Приська поклыкала ёго, сторжылася, поклала сорочкы, сила сама и пойихала; але дойизжаючы вже до-дому, згадала, що не мае чимъ заплатыты хвурманови и гирько заплакала, уявляючы соби зарани ту лайку, що доведется ій выслухаты видъ ёго. Одже хвурманъ не мавъ и думкы лаяты іи: побачывшы, що жинка такъ побывается, винъ не тилькы подарувавъ ій того грывеныка, що молодыця повынна була заплатыты ёму, а ще пишовъ до хазяйкы та порадывъ звернуты увагу на недужу кватыранку.

И хазяйка на лыхо Присьци, зъ того часу стала пыльнуваты іи: ни одного дни не пропускала, щобъ не забигты поспытаться про здоровья та заразомъ нагадаты и про грошы.

Наречи здалося ій якось, що Присьци немынуча смерть. Якъ на те у той самый день Приська понесла до торгу свій найкращый платокъ, и хазяйчына наймычка бачыла, якъ вона продала ёго и куныла на выручени грошы сахарю, чаю, булкы та килько аршынъ билого каленкору.

— Про смерть сама клопочется, напевне вже знае, що незабаромъ помре,—мовыла наймычка хазяйци, и хазяйка мыттю побигла до кватыранкы.

— Прыйшла до тебе, галочко, зъ останнимъ своимъ словомъ: щобъ ты выбиралася зъ моеи господы. Куды знаешъ—туды и йды, а мени держаты тебе вже надъ сылу. Терпила, терпила, а ты совисть загубыла: и грошей не платышъ, и сыдышъ на моій шыи, немовъ той лышай на дереви. Вашои сестры—що ряскы на ставку; всихъ у свою господу однаково не втовпышъ. Иды, серденько, Господь зъ тобою, куды знаешъ; у тебе-жъ и чоловикъ десь йе, а мени вже обрыдло правыты зъ тебе та выпрохуваты свои кревни грошы, немовъ ти бублыкы пидъ монастыремъ... Сёгодни ты платокъ продала, скилько-сь грошей уторгувала,—ось, якъ-бы ты була совистна, то давно-бъ такъ и мени оплатылася, а то все дожыдаешся заробитку, а ёго нема тай може вже й не буде.

— Буде, Меланья Семеновна, ій Богу буде! заждить тилькы тришечкы, поки хочъ потепліе,—попрохала Приська.

— Ни, серденько, не ждатыму бильше. Мени гарни кватыранты трапляются; шукай соби иншого прыстановыща. Грошы, що слидъ мени за ци два останни тыжднi, я тоби подарую за спасення душы, а за ти два хочъ заплаты, хочъ кыдай скрыню у застанову,—мовыла хазяйка.

— Меланья Семеновна, тётю моя риднесенька, не женить мене, заждить трохы! Я-бъ давно продала що-небудь та заплатыла вамъ, якъ бы зисталося що иутне у скрыни. Оце-жъ тилькы и мого богатства, що подушкы та перына; колы хочете, то берить ихъ, попрохала Приська.

— За перыну дадуть карбованцивъ пьять—кынула, немовъ байдуже ій до того, Меланья Семеновна.

— Продайте, визмить соби грошы, тилькы не женить мене, хвору, зъ вашои господы!—попрохала Приська.

Хазяйка не видповила ничого и пишла соби геть; але черезъ яку годыну прыбигла якась цокотуха перекупка, заверещала, накрычала Присьци повну голову, покынула ій карбованця, ткнула спишно тры карбованци хазяйчыній наймычци, що дожыдалася ій у синяхъ, ухопыла перыну и потаскала ій.

Лягла у вечери Приська на свое лижко—не засне ніякъ. Забрала вона всю одягу, що була у скрыни й на поверси, пидостлала соби у боки и якось заснула. Прокынулася на свитанку. Болять намулени боки, болять груды, кашель душыть, у голови шумыть...

— Не встану сёгодни,—пролежу увесь день. Гараздъ, що хазяйци оплатылася, праття не нанеслы и карбованець йе у кышени; спокійно лежатыму, покы хочъ голова перестане болиты,—поклала соби молодыця.

А тымъ часомъ крамарка-хазяйка держала пораду зъ своею наймычкою, якъ позбутыся тіеи напасты—недужои кватыранкы.

— Проженить ій, тай край!—радыла вирна служка Меланьи Семеновны, высока та ривна, якъ ломака, чорна, якъ цыганка, дуже литня вже дивка.

— Не можно: не дозволяють выгоныты недужои кватыранкы,—журылася Меланья Семеновна, одлежуючысь у пуховыхъ перынахъ.

— Хыба-жъ вы ій на вулыцю выженете? Можно ій перевезты до Хвеськы—у неи однаково теперъ пустуе хата, бо померъ кватырантъ,—порадыла наймычка. Меланья Семеновна замыслылася трохы: вона добре знала ту хату за городомъ, де вже не одна наймычка й не одынъ наймытъ скынчылы свои дни; вона уявыла теперъ соби „Хвесьчынъ лёхъ", уявыла соби недужу кватыранку и запытала себе: чы-то буде грихъ видъ Бога перевезты туды молодыцю, чы Господу Мылосердному байдуже до такыхъ дрибныцъ?

— Выгоднише Хвесьци заплатыты якого полтынныка и хвурмана за свій коштъ наняты, нижъ потимъ ховаты ій, та ще й клопотатыся зъ дытыною ій,—порахувала наймычка.

— Робы якъ знаешъ,—здалася Меланья Семеновна и „про всякъ случай“ звелила запалыты зайву лампадку биля божныци.

Наймычка перегодыла трохы, вырядыла крамарку до крамныци и постукалася до Приськы. Приська схопылася, накынула спидныцю, хотила мыттю видчыныты дверы, але поточылася и трохы не упала.

— Охъ, Господы! невже я зовсимъ знесылылася, невже я ще дужче заслабла? Слава-жъ тоби, Царыце Небесна, що хочъ хазяйци ничого не выпна,—ажъ перехрестылася вона.

— Присько, що ты тамъ робышъ? Спышъ чы що доси?— погукала вдруге наймычка.

— Млосно стало... ледве до дверей дишла,—мовыла Приська, впускаючы у свою хату наймычку. „Саме Хвесьчына кватыранка“,—подумала сама соби наймычка, угледившы блиду Приську и ии неохайне лижко.

— Оце прыйшла до тебе—мовыла вона трохы перегодомъ— сказать тоби, щобъ ты вибыралася сёгодни, бо новый кватырантъ перейиде.

— Я-жъ вже оплатылася,—видповила спокiйно Приська, певна, що наймычка ще не знае того.

— Знаю, що, спасыби Богови, перыною оплатылася, а проте ось Меланья Семеновна послалы мене до тебе,—мовыла наймычка.

— Одужаю трохы, то перейду,—зитхнула Приська,—а теперъ я и головы не зведу и ногамы не володiю—заслабла чысто.

— Неодминно, щобъ сёгодни перейшла!—хазяйка тоби на хвурмана дасть,—не спынялася наймычка.

— Та я теперъ и до хвурмана не дiйду, и зъ кганку не зiйду: ось посыдила трохы, тай то вже голова завернулася. Тай куды-бъ оце я пойихала, куды-бъ мене той хвурманъ повизъ?— мовыла, знову прыпадаючы головою до подушкы, Приська.

— У Хвеськы пустуе хата.

— У Хвеськы?—схопылася Приська:—у ии „лёхъ“ йихаты? Не пойиду я туды.

— Пойидешъ, якъ никуды буде билышъ йихаты,—мовыла наймычка.

— И до вику не повезу у той „лёхъ“ своеи дытыны. Хай Меланья Семеновна жене мене й лае, а я не пойиду теперъ никуды.

— Булы таки и ранишъ за тебе, що не хотилы выйиздыты зъ кватыры, а проте такы выйихалы,—выдмовыла наймычка.

— А я не выйиду: я оплатылась, нездужаю и жытыму, поки зможу знайты соби яке инше прыстановыще.

— Того довго сподиватыся, а полыція не забарытся вывесты тебе звидциль. Я ось йиду зразу, пошукаю городового,— прырозумила наймычка налякаты Приську и пидвелась зъ стульця.

— Рятуйте!—крыкнула не своимъ голосомъ справди перелякана Приська и збудыла Галю. Дытына заплакала.

— Галыночко! Дытыно моя!—заголосыла и соби Приська, прыпадаючы до доньки.—Куды намъ теперъ подитыся, що намъ робыты у цёму велыкому городи?—

— Не голосы!—спынила іи наймычка.—Упаковуй краще свое добро тай выйизды завчасу, поки хазяйка не повернулася зъ крамныци та не поклыкала городового.

— Хай вертается, хай иде, хай клыче, кого хоче—я не пиду у Хвесьчынъ лёхъ, не понесу туды своеи дытыны!—видповила твердо Приська, мицно прыгортаючы до своихъ грудей едыный и останній скарбъ, що додававъ ій ще звагы змагатыся зъ жыттямъ—свою манесеньку Галю.

— Знатымешъ-же ты!—посварылася на Приську наймычка, выходячы геть зъ хаты.

— „Симья-не про насъ, сады—не про насъ, грошы—не про насъ!... А що-жъ про насъ, наймытивъ у цёму велычезному городи?“—запытала себе Приська, намагаючысь звьязаты докупы шматкы якыхъ-сь думокъ, гадокъ та спогадивъ, що посилы іи роспалену хворобою голову.

„Такъ“, прыгадала вона „темни, неметени вулыци... праця... зневага... та Хвесьчынъ лёхъ!“.

XXV.

Кинець квитня. Весняне сонечко попсувало вже довгу працю зимы: билый непорочный снигъ не вытрымавъ ёго пекучого погляду—ростався и побигъ ричечкамы та струмочкамы сповищаты людей про свою прыгоду... Зазеленивъ шырокый степъ. Залунала у чыстому, прозорому повитрю писня жайворонка... Прылетилы гусы зъ далекого краю... Обизвався вже разъ десь у гаю соловейко...

По дорози йиде повозка. Конячка тюпа помаленьку, залышшуючы на вохкій земли слидъ непидкованыхъ копытивъ. Вона нызько похылыла свою голову, заплющыла очи, але не видъ втомы похнюпылася вона такъ и не зъ образы, що визныця стибнувъ ій недавнечко батижкомъ,—вона марыть про пахущу траву, ночный пастовень та свижый водопій у ставку.

Худа, блида, зморена жинка, що сыдыть на повозци тежъ у солодкій дримоти. На облыччю ій не выдно ни сумныхъ думокъ, ни турботъ. Вона зводыть зридка вій, и тоди глыбоко запали очи ій дывлятся спокійно на били, легеньки якъ подыхъ, хмарки, на далекый блакитъ прозорого неба... На рукахъ ій спыть маленька дытына. Це Приська, писля лыхои городянськои доли, верталася на село.

Визныця звертается иноди до жинкы зъ якымъ небудь пытаннямъ, але бильшъ мовчыть. Весна, властыва господыня кожного створиння, опанувала своимы чарамы й ёго серцемъ. Не хотилося ни думаты, ни згадуваты, ни балакаты... Такъ гарно, такъ невымовно гарно було сыдиты спокійно, купатыся у золотому проминню сонечка, вбираты у себе свиже повитря весны!!

Ось поривнялыся зъ якою-сь экономіею. „А вже весна, а вже весна“—несподивано оголосыла весняночка поле. Приська стрепенулася и повернула голову назустричъ писни.

Надъ самымъ шляхомъ простяглыся плантаціи тютюну, и десяткивъ зо тры дивчатъ у рижнобарвыхъ карсеткахъ, билыхъ

сорочкахъ садылы розсаду. Весело та жваво йшла робота у велыкому гурти пидъ доглядомъ старенького „табашныка“—Приська задывылася на дивчатъ.

— Помагай-би! Боже поможы!—звернувся визныця, Максымъ, до строкивцивъ.

— Спасыби!—видповилы въ одынъ голосъ дивчата.

— Здорови, тату!—прывитала Максыма якась дивчына, перестрибнувшы черезъ канаву.

— Здорова!—хыба вже нанялася?—здывувався Максымъ.

— Вчора заступыла. Маты довго не пускалы, а я такы видпрохалася,—мовыла дивка.

— Кортило нанятысь?

— А вже-жъ! тутъ такъ весело: разъ-у-разъ у гурти—не счуешся, якъ и день зійде... Це мабуть вы, титко, того лыста прыслалы?—звернулася дивчына до Приськы.

— Якого лыста?—здывувалася молодыця.

— Отъ и не дала вража дивчына збрехаты!—засміявся Максымъ. Я хотивъ, щобъ ты думала, нибы-то я выпадково нагодывся у городи та потрапывъ до тебе, ажъ воно, якъ то кажуть: „брехнею свитъ пройдешъ та назадъ не вернешся“...

— Пысавъ вамъ хто про мене, чы що?—запыталася Приська.

— Спырыдонъ сповистывъ насъ про тебе. Такого жалю намъ надавъ своимъ лыстомъ... У кинци прыпысавъ, щобъ и не хвалылыся и не прызнавалыся тоби про той лыстъ, а мы, бачъ, якъ уволылы ёго волю!—

Приська засміялася.

— Ажъ теперъ, якъ засміялыся, пизнала я васъ,—зрадила дивчына:—вы титка Приська.

— Вона сама,—мовыла молодыця.—А ты-жъ чыя будешъ?

— Це-жъ моя хрещеныця, Харытына; невже забулася? Вона надалечко видъ вашои хаты и жыве—друга хата видъ выгону,—нагадавъ Максымъ.

— Невже це та сама Харытына, що, здается, ще такъ недавнечко пасла гусей за царыною?—здывувалася молодыця.

— Вона сама,—видповивъ Максымъ. Приська прыдывлялася до дивчыны и не йняла виры своимъ очамъ. Колы встыгла вона такъ выросты? На якыхъ харчахъ набралася дивчына того дебелого тила. Яка праця додала до ій молодого лыченька стилькы колёру?

— А дытынка якъ мицно спыть!—мовыла Харытына, обережно оправляючы платочокъ на Галыній голивци.—Хлопчыкъ чы дивчынка? Приська спалахнула: „почынается!"—почынаются прыкри пытання! Незабаромъ пидуть сварка, докоры...—промайнуло у ій въ голови. Мыттю прыгадала вона, якъ колысь маты цієи Харытыны прылюдно соромыла ій за глевки пырогы, якъ навить ци сама Харытына дратувала ій вкупи зъ иншымы дитьмы та дражныла прызвыщемъ „городянкы", и серце изнову боляче защемило... Чого-жъ сподиватыся ій, осоромленій, зныщеній, хворій душею и тиломъ, теперъ на сели? Чого вона йиде туды? Навищо послухалася дядька?

— Дивчына Галя—нарешти видповила зъ пересердямъ Приська.—Рушаймо, дядьку!—звернулася вона до Максыма.

— Тривайте, тату!—тпрр!... спынына дивчына коня.—У мене десь канхветыкъ бувъ—парубокъ давъ. Ось знайшла. Нате, дайте Гальци. Прощайте!—додала вона и мыттю опынылася биля подругъ.

Повозка рушыла дали.

— Зайидьмо може до мене?—перепочынешъ трохы,—запытався Максымъ, дойихавшы до перехрестя двохъ доригъ.

— Поганяйте до матери: я ще не дуже втомылася,—видмовыла молодыця и зайшлася сухымъ короткымъ кашлемъ.

— Про мене, якъ знаешъ—абы не дуже втомылася за дорогу.

— Дойиду якось: ще на дорози не помру,—мовыла стыха Приська, прытыскуючы руку до хворыхъ, втомленыхъ кашлемъ грудей.

— Запакувала ты себе, якъ сама знала,—зитхнувъ Максымъ.

— Не згадуйте, дядечку! не нагадуйте!... Якъ тутъ гарно, весело, ясно, просторо!... Не згадуйте мени про те, що недавно було,—немовъ попрохала молодыця.

— Дывысь ты, якъ мицно Галька спыть—и не прокыдалася за всю дорогу. Мени наче вона ажъ покращала за цей часъ; засмалылася трохы на сонечку; не така блида,—обизвався трохы згодомъ Максымъ.

— Цвила вона у мене якась,—зитхнула Приська.

— Поправытся: тыжднивъ черезъ два, гляды, и не прызнаешъ своеи донькы. Тамъ баба вже ій и колыску повисыла, а Санька ніякъ не диждется, щобъ ій колыхаты.

— Дядечку!—звернулася стурбована молодыця до Максыма.—Скажить мени, дядечку, по щырій правди, чого мени сподиватыся тамъ... на сели? Чы мене витатымуть тамъ за родыну, а чы може за останню...—Молодыця не домовыла и вытерла слёзы.

— Выгада таке-сяке-ніяке тай турбуе себе даремно! Ты-жъ йидешъ до риднои матери, а якъ-же ридній матери и витать тебе, якъ не за ридну дочку?

— Скилькы горя, скилькы клопотивъ, сорому прынялы воны черезъ мене!—нагадала Приська.

— Матери було горе, тоби удвое, а про соромъ... такъ то, мовлявъ, „и за свою пазуху не ручыся“. Велыкый свитъ та слызьки дорогы: той, дывысь, тамъ пидсковзнувсь, той—тамъ спиткнувсь, одынъ—зъ горы упаде, другый—у болото улучыть, и не намъ, гришнымъ, караты свого брата!—видмовывъ Максымъ.

— Якъ прыгадаю я иноди, якъ селяне знущалыся зъ мене, якъ воны докорялы мени, якъ дорикалы, такъ ажъ холодный питъ выступыть,—мовыла сумно Приська.

— Дорикалы та допикалы, доки можно було тебе ще на шляхъ справыты. Самъ я не разъ здатенъ бувъ хочъ и попобыты тебе за оти выгадкы та норовы, що прызвелы такы тебе нарешти до горя. А теперъ, колы ты вже й сама довидалася почимъ кившъ лыха та стилькы горя прыйняла, нихто тоби и прыкрого слова не мовыть. Вже, здается, ни передъ кымъ ты такъ не вынувата, якъ передъ чоловикомъ, а проте и винъ на тебе серця не мае: уготовывъ тоби хату, топлыва, хлиба, сподивается тебе, якъ жинкы, якъ господаркы.

— Не пойиду я до Данила. Навищо здалася я ёму хвора, сумна... невирна дружына? Винъ може и выбачывъ мени, може й справди здатенъ прыйняты до себе за жинку, але не буде мени тамъ жытія черезъ самого Трохыма. Не забуде винъ мени мого гриха, не змылуется и надъ Галею...

— Що-жъ Галя? Чымъ воно выннe? Чы вона кому що заподіяла? Знайдется и про неи кутокъ та шматокъ хлиба, а выросте, дасть Бигъ, то щей допомогы тому дасть, хто іи выгодуе. Я самъ такый, що взявъ-бы іи зъ охотою. Це тоби не городъ, де на одынъ кутокъ—десять охотныкивъ, на одынъ шматокъ—десять ротивъ. Не повыненъ-бы и Трохымъ тоби дорикаты за Галю...

— Охъ ни, не кажить! Знаю я ёго—немылосердный винъ на такыхъ, якъ я; зненавыдыть винъ навикы и Галю,—мовыла Приська.

— Про Галю не клопочыся—не загыне вона на сели. Абы Господь допомигъ тоби одужаты, а те все гаразд буде... Чы пытала ты ликаривъ, яке тоби лыхо та чымъ пособыты, що ты ось кривью кашляешъ.

— Була въ мене пропасныця. Чотыры мисяци мучыла, и ногы попухлы; ходыла до ликаря,—давъ чого-сь, звеливъ застуды остерегатыся; такъ хыба-жъ убережешся, якъ и воды никому податы.

— Сказано, въ городи людей обмаль,—вкынувъ немовъ про себе Максымъ.

— Всякому свое дило, своя робота, свое горе.

— Що до горя та роботы, такъ того добра и на сели досыть, а проте не залышать у насъ одынокy та щей хвору жинку безъ допомогы. Хай прыйидемо до-дому, я до тебе зразу бабу Катрю прыведу,—вона тебе выпользуе.

— Наврядъ. Люде кажуть, що въ мене вже печинкы тліють...

Максымъ стёбнувъ конячку и не видповивъ ничого.

Сталы вйиздыты въ село.

Галя прокынулася, выпростала рученята зъ-пидъ ненычнои литнячкы и потяглася до гилочкы черешни. Максымъ спы-

нывъ коня, скочывъ зъ повозкы, зломывъ гилочку и подавъ ій дытыни.

— На, бався, скилькы хочешъ! це тоби не городська забавка, грошей не коштуе. Незабаромъ наспіють и ягидкы про тебе—найисыся уволю.

Приська усмихнулася.

— Чого ты сміешся?—запытавъ Максымъ.

— Дывно мени, якъ оце вы до Гали промовлялы. Нибы-то и справди ягидкы наспіють про Галю. У городи та дитвора безталанна на вищо не гляне—все не про ныхъ, все про кого-сь иншого, а тутъ ось на дорози забавку знайшлы.

— Прыривняла! У городи и сонце не про всихъ однакове: багатшому больше и свиту й тепла, а биднишому вже й меньшенько надиляе. Ось напрыкладъ, чы часто воно у твою хатыну зазырало?

— Не дуже... А йе й таки куткы, де воно и зовсимъ не бувае,—мовыла Приська, прыгадуючы зъ жахомъ холодну, вохку, темну хату—Хвесьчынъ лёхъ.

— То-жъ то, бачъ, и йе! Якого вже тамъ и добра сподиватыся, якъ, мовлявъ, сонечко тай то не всихъ однаково гріе? И схотилося-жъ тоби йихаты туды! А все черезъ дурный розумъ, черезъ ту волю,—мовывъ Максымъ.

— Ни, не кажить, дядечку, такъ, не нарикайте на мене: выбирае и скотына помижъ травою найсмачнишу пашу, шукае й людына, де краще; не зъ дурного ума пишла и я у городъ шукаты кращого жыття.

— Тай багацько-жъ побачыла тамъ добра!—гирко усмихнувся Максымъ.

— А багацько... багацько, бильшъ навить нижъ сподивалася,—мовыла стыха молодыця.

— Чы не у жыдивъ часомъ?—не втерпивъ Максымъ, щобъ не нагадаты.

— Одгадалы—мовыла спокійно Приська. У Берчыхы мени найвильнише було; у неи служачы, я найбильше прыдывылася до городу, и скилькы тамъ добра, колы-бъ вы зналы!

Максымъ глянувъ на небогу.

Ни, вона не сміялася. Облыччя іи було сумне, суворе, у очахъ видбывалыся якись тяжки, невесели думкы.

— Багацько... багацько тамъ добра!—мовыла вдруге молодыця:—кныгарни, театры, музыка, вволю свита, тепла... счастя, життя, достаткивъ... все, чого душа забажае, все йе у городи. Ни, не зъ дурного то розуму, дядечку, тикають люде зъ села.

Максымъ скыпывъ.

— Ты таки своеи спиваешъ! Не покынула и доси норовывъ! Сама душа у тили, а ще не каешся...

— Чого-жъ мени каятыся? Чы людыни невильно шукаты собы кращого життя? Хыба-жъ я выння, що робоча людына тамъ, у тому городи, де навколо така роскишъ, де люде роскыдають стилькы грошей на прымхы, не може здобуты зайвои копійкы про хворобу, не може забезпечыты себе найсутяжнишою працею видъ голоднои смерти пидъ тыномъ? Хыба то моя вына, що все, чымъ красуется городъ, що найдужче вабыть людей, вымагае або тыхъ проклятыхъ грошей, котрыхъ у нашого брата—наймыта завжды обмаль, або здоровья, котре намъ ще дорожче за грошы, або хочъ вильного часу, котрого у насъ и зовсимъ нема? Хыба мени спадалося на думку, колы я було хожу по городу зъ покійною генеральшею, що лыхтари свитять тилькы по тыхъ вулыцяхъ, де паны гуляють, що каминемъ мостятъ тилькы тамъ, де заможни люде йиздятъ, а що по тыхъ закуткахъ та вулычкахъ, де тысячы робочыхъ людей у глупу ничъ зъ вагою на плечахъ ходять,—грязюка по колина, темрява и у день, и у ночи...

— Ачъ, чого схотила! Щобъ лыхтарь и передъ іи викномъ стрымывъ! Ха-ха-ха! Не пагано й прырозумила!—засміявся Максымъ.—Ни, галочко, то тилькы на сели мы—„люде“, а у городи мы—„попыхачы“, „робитныкы“, „чужи наймыты“,—додавъ винъ зъ певнистью.

— „Люде!“—несподивано зареготалася и соби Приська.—Галько, чуешъ? Якъ прыйидемо на село, то зъ насъ будуть люде!!—звернулася вона до донькы...

Максымъ образывся.

— Чого ты сміешся? Що тоби дывного въ моихъ речахъ?— запытавъ винъ небогы.

— Люде! Якы мы и на сели люде? Темни, полатани... голодни... Ни, дядьку, мы и на сели тилькы робоча терпляча скотына... Але на сели маемо хочъ едыне счастя—громаду такыхъ же безталанныхъ, темныхъ, якъ и мы, сусидивъ; маемо добро—батькивськый кутокъ про смерть... и спасыби вамъ, мій батько ридный, що взялы мене до-дому... помираты!—мовыла стурбовано Приська и тыхо заплакала.

Максымъ стёбнувъ коня и одвернувся видъ небогы.

Перебиглы двое гонивъ, и возокъ вйихавъ въ добре знаёме Присьци село. Ось вже зъявылася и нызенька похыла, але била, ажъ блескуча хата іи ненькы.

— Дядечку! то-жъ здается Трохымивъ кинь стоить биля яселъ?—запыталася перелякана молодыця.

— Ни, ни—заспокоивъ іи Максымъ—то Данылова; винъ видкупывъ іи у брата. Ачъ, вражый сынъ якъ поспишывся до тебе—и насъ попередывъ! А онъ-де и Мелашчыны коривкы—и вона нагодылася.

— Хыба вона замижжю?—запытала Приська.

— Вже другый рикъ. Вона навмысне въ городъ йиздыла запрохуваты тебе на весилля и десь такы зустрила тебе, та, на жаль, загубыла помижъ возивъ та людей.

Приська прыгадала, якъ ховалася вона зъ цыбулею видъ сестры, и почервонила.

— Ось мы и прыйихалы,—мовывъ весело Максымъ, видчыняючы ворота.—Не бійсь, небого, никого... не клопочыся—нихто тебе тутъ не осудыть, не додасть зайвого горя... Трохымъ, правда, немылосердный на тебе за Даныла, такъ винъ далеко и не навернется напевне сюды, а про другыхъ людей не турбуйсь—буде тоби тутъ добре!

Назустричъ молодыци высыпала вся родына, вси блыжни сусиды. Вси обступылы воза, радо прывиталы Приську, и на

очахъ молодыць заблестила дорогоцинна перлына-слёза жалю та щырого спочуття до горя недужои, безталаннои сестры.

—

Приська не дожыла и до осены. Вона вмерла пры повній памьяти у своій хати, заспокоена родыною та селянамы, и едыне іи було прохання до матери, сестры та Максыма передъ смертью—це не пускаты Галю николы зъ села.

Л. Яновская.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Окончаніе*) [1]).

53. Колдовство и чародѣйство.

Вопросъ о колдовствѣ въ правобережной Малороссіи весьма обстоятельно изслѣдованъ въ извѣстномъ трудѣ проф. В. Б. Антоновича, составленномъ на основаніи обширнаго актоваго матеріала, извлеченнаго изъ книгъ кіевскаго Центральнаго Архива. Тамъ же указано существенное различіе во взглядахъ на колдовство въ Западной Европѣ, до конца XVIII ст., и въ Малороссіи. Тотъ жестокій характеръ, какой имѣли на Западѣ процессы о колдовствѣ, предавшіе пламени тысячи невинныхъ жертвъ, выработался вслѣдствіе распространившейся повсюду и пустившей глубокіе корни въ общественномъ сознаніи вѣры въ непосредственное участіе злого духа во всѣхъ отправленіяхъ человѣческой жизни. На колдуновъ и чародѣевъ смотрѣли, какъ на слугъ діавола, вступившихъ съ нимъ въ близкія сношенія и проявлявшихъ его силу ко вреду людей. Чтобы обезопасить себя отъ этого вреда, общество, руководимое членами священной инквизиціи, усердно стремится къ тому, чтобы открыть точные признаки, по которымъ можно было бы распознать слугъ злого духа, обличить ихъ дѣйствія и истребить ихъ самихъ. И вотъ во всей Европѣ, начиная съ XIII вѣка, запылали костры, усердно раздуваемые фанатизмомъ инквизиторовъ и суевѣрной публикой, и пламя ихъ, нѣсколько лишь ослабѣвшее подъ вліяніемъ реформаціи, потухло только въ исходѣ XVIII ст., подъ

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 11.

вліяніемъ широко развившагося на новыхъ началахъ европейскаго просвѣщенія. Послѣднее аутодафе совершилось—въ Австріи въ 1766 г., въ Испаніи 1781 г., въ Швейцаріи въ 1782 г., а въ Польшѣ лишь въ 1793 году.

Казалось бы, что тотъ же взглядъ на колдовство и то же безпощадное отношеніе къ чародѣямъ должны были бы существовать и въ Южной Руси, такъ долго находившейся подъ культурнымъ вліяніемъ Польши и заимствовавшей отъ нея порядокъ судопроизводства, основныя юридическія понятія и множество отдѣльныхъ законоположеній, вошедшихъ въ законодательство края какъ при передѣлкахъ Литовскаго Статута и дополненіяхъ его сеймовыми постановленіями, такъ и при устройствѣ городского управленія на основаніи перешедшаго черезъ польскую редакцію Магдебургскаго права. Между тѣмъ оказывается, что фанатическій взглядъ на чародѣйство и примѣненіе къ нему пріемовъ выработаннаго инквизиціонными судами процесса не переходили этнографической границы, до которой простиралось католическое населеніе Рѣчи-Посполитой, и хотя въ Магдебургскомъ правѣ прямо предписывалось подвергать чародѣевъ казни чрезъ сожженіе, но даже магистратскіе суды правобережной Малороссіи почти никогда не примѣняли этой безчеловѣчной кары, обыкновенно замѣняя ее уплатою штрафа въ пользу церкви, духовною епитиміею или же предоставляя обвиняемымъ оправдаться очистительною присягою. Причина этой мягкости судебныхъ приговоровъ, по мнѣнію проф. Антоновича, лежала „не столько въ гуманномъ настроеніи судей, сколько въ отсутствіи въ Малороссіи тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызывали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ. Допуская возможность чародѣйнаго, таинственнаго вліянія на бытовыя, повседневныя обстоятельства жизни, народный взглядъ не искалъ начала этихъ вліяній въ сношеніяхъ съ злымъ духомъ; демонологія не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но, до самаго конца XVIII ст., насколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народ-

ный взглядъ на чародѣйство былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть или узнать ихъ. Само по себѣ обладаніе тайною природы не представлялось, такимъ образомъ, дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи. Если вчинялся искъ, то судьи не преслѣдовали обвиняемаго за самый фактъ обладанія или употребленія таинственнаго средства, а старались опредѣлить, употреблено ли оно было въ пользу, или во вредъ другому лицу, и только во второмъ случаѣ, разсматривая дѣло съ точки зрѣнія гражданскаго иска, соразмѣряли наказаніе со степенью причиненнаго вреда. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда мѣстность была поражена эпидемическою болѣзнью, настроеніе населенія становилось тревожнымъ, и паническій страхъ побуждалъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ по отношенію къ мнимымъ чародѣямъ“ [1]).

Всѣ эти положенія могутъ быть цѣликомъ примѣнены и къ лѣвобережной Малороссіи, чего и слѣдовало, конечно, ожидать въ виду однородности населенія обѣихъ сторонъ Днѣпра. Имѣя подъ руками лишь нѣсколько актовыхъ книгъ малороссійскихъ судовъ XVII вѣка, мы не могли собрать такого же обширнаго матеріала, какимъ располагалъ проф. Антоновичъ для исторіи колдовства въ правобережной Малороссіи въ XVIII ст.; но и тѣ немногочисленные процессы о чародѣйствѣ, какіе намъ удалось разыскать, представляютъ совершенно однородную картину и народныхъ вѣрованій въ таинственныя силы природы, и отношенія суда къ предполагаемымъ обладателямъ этихъ тайнъ— „чаровникамъ и чаровницамъ“. Болѣе полные изъ этихъ процессовъ мы перескажемъ ниже, въ формѣ отдѣльныхъ очерковъ, а здѣсь передадимъ лишь тѣ, о которыхъ не сохранилось подробностей.

—

1) Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ, томъ I, стр. 327 и 336.

Въ 1684 г. въ Кишинькѣ нѣкая Мотря Лисовчиха обвинялась въ томъ, что „посродку ночи чаровала домъ Иванышынъ Язловеджышынъ, нагая зъ замкомъ у волоси вплетеннымъ ходячы, и поймалъ еи Корній Язловедженко подъ своею хатою". По приговору полковаго суда, „взято за тое проступство у Лисовчихи едного коня, а пару воловъ сынамъ еи вернено".

Въ 1690 г. нѣкто Тишко Матвіевъ, изъ с. Озаровки, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ явился въ Стародубскій магистратъ и заявилъ такую жалобу на своего односельца Ярмолу Чорнобая: „Оный Чорнобай, въ часъ моего весилья, обовязовалъ мене по сорочци портнинкою невѣдать для чого, и отъ того часу, черезъ два южъ роки, не маю жадного зъ моею жоною сполкованя и мѣти не могу. А тое мнѣ сталося въ клѣтѣ, подъ часъ вѣнчаня. А на завтрее самъ онъ тую ниточку отвязалъ, потомъ изгубилъ (потерялъ) оную, а говоритъ Чорнобай теперъ: „колы бъ, правѣ, тая ниточка була, я бы-мъ помоглъ тобѣ". Приговоръ суда по этой жалобѣ неизвѣстенъ.

Въ томъ же 1690 г. козакъ Маячской сотни Иванъ Червоный жаловался, что его односелицы Антоныха и Малярка безчестятъ жену его, „задаючи ей неслушный доводъ о мечтахъ бѣсовскихъ", т. е. распускаютъ слухъ, будто она чаровница. Полтавскій полковой судъ послалъ въ Маячку бурмистра Петра Юревича и двухъ козаковъ, чтобы они совмѣстно съ сотникомъ Иваномъ Керебердою произвели слѣдствіе, кому и какой вредъ причинила Червоныха своимъ чарованьемъ. Въ присутствіи всей мѣстной старшины, „товариства и мѣщанъ маяцкихъ", слѣдователи опрашивали „мирянъ всихъ: кому якая шкода и укрывженя було отъ Ивановои жоны Червоного, або колы-бъ на неи якый настоятель [1]) бувъ?"—„Тогди жаденъ духъ прызнавъ, що не міемъ жадного ущербку отъ жоны Червоного". На основаціи этого отчета полковый судъ, согласно 105 арт. 14 разд. Статута,

---

[1]) Неточный переводъ юридическаго термина instigator=обвинитель, обыкновенно въ то время употреблявшагося въ латинской формѣ.

призналъ Антоныху и Малярку „хвалшывымы свидѣками“ и велѣлъ имъ, „упросивши Ивана Червоного и жону его, нагородити имъ всѣ правные выклады“.

Если въ извѣстной мѣстности появлялся моръ, благодушное отношеніе суда и населенія къ чародѣямъ рѣзко измѣнялось.

Осенью 1652 года въ г. Борисполѣ, въ переяславскомъ полку, была какая-то эпидемія. Кто-то распустилъ слухъ, что болѣзнь насылаютъ бабы-чаровницы. Съ особенною настойчивостью молва указывала на пѣкую Овдіиху Трасчиху, и сотникъ Антонъ Гарасименко, посовѣтовавшись съ войтомъ и другими урядниками, рѣшился арестовать ее. Когда посланные отъ уряда Василь Волочай, Павло Галяспенко и Матвѣй Шульга пришли въ хату къ Тращихѣ и объявили, по какому дѣлу имъ приказано арестовать ее, она сказала:

— Возьмитъ же, панове, и Путятыху, бо вона старшая наша есть: вона дивкою рядится и въ косахъ ходитъ, молодою чынится, по дворахъ ходитъ и дворы надыхае: якъ якый двиръ натхне, то вси вымрутъ.

Взяли, конечно, и Путятыху и обѣихъ въ ожиданіи суда посадили въ заключеніе.

Спустя нѣсколько дней въ ратушу, во время судебнаго присутствія, пришли многіе изъ мѣстныхъ козаковъ и мѣщанъ и заявили:

— Пане уряде! Велыкая крывда намъ дієтся одъ тыхъ незбожныхъ и запамяталыхъ боязни Божои билогловъ (женщинъ) Тращихи и Путятыхи, що воны намъ згубыли отцивъ, матокъ, бративъ, сестеръ, дитокъ, та и намъ самымъ одъ ихъ досталося. Просымо, абы вашмости рачили (изволили), ведлугъ святои справедлывости и ихъ учинкивъ, билшъ ихъ у вязеню не триматы, але по заслузи карность имъ даты.

Урядъ изъявилъ готовность немедленно учинить судъ надъ обвиняемыми, если есть желающіе выступить въ роли обвинителей и представить улики. Желающіе оказались. Первымъ выступилъ Харько Якубенко и далъ такое показаніе относительно Овдіихи Тращихи:

— Едного часу, передъ святою Покровою, йшовъ я на торгъ, на мисто, а за мною ишла Тращиха; такъ я спытавъ еи: чи уймется моръ до Покровы? Вона мовыла: „ни“, и далій мовыла до мене: „выходь съ того кутка, де мешкаешъ, бо колы не выйдешъ, то вымрешъ“.

Другой свидѣтель Овсій Онанка показалъ такъ:

— Молотывъ я въ гумни жыто, ажъ прыйшла до мене Тращиха. Я тоди жыто у михъ сыпавъ, а вона мовыла до мене: „Йовсію, выкинь зъ миха тры зерна жытныхъ, тоди въ дому твоимъ ничого не станется лыхого, вси будутъ жыви“. И меду, и воску, и мукы просыла; медъ и вискъ взяла, а мукы не взяла: „не треба, мовытъ, намъ такои мукы—на тую ричъ не згожа“.

Третьимъ свидѣтелемъ оказался мѣстный „орендарь“ Кирило Давидовичъ, давшій такое показаніе:

— Овдіиха мовыла мени: „Шане орендарю, выходь зъ миста на Иваньковскую улыцю, то будешъ жывъ зо всею челядью“.

Вѣроятно, Тращиха на судѣ отрицала приписываемыя ей слова, поэтому ее подвергли пыткѣ, и „на квестіи“ она призпала все, что показывали свидѣтели. Другая обвиняемая, Путятыха, очевидно совсѣмъ слабоумная,—не даромъ она рядилась молодою,—безъ пытки, „добровольно“ винилась во всемъ, чего отъ нея спрашивали, но ея показаніе не занесено въ протоколъ. Она же „добровольно“ показала:

— И Васылыха попадья така, якъ и я.

То же показала и Тращиха о «выннычкѣ» (женѣ винокура):

— Такая есть выннычка, якъ и я.

Какъ ни были ничтожны улики, по судьи, очевидно поддаваясь настроенію встревоженной толпы, приговорили Тращиху къ сожженію. И когда она „стояла на остатнимъ стопню“ [1]),

---

[1]) Техническое выраженіе, заимствованное изъ обряда смертной казни чрезъ повѣшеніе. Осужденнаго взводили на висѣлицу по лѣстницѣ, и когда онъ стоялъ уже на послѣдней ступени („на остатнимъ стопню“), его еще разъ спрашивали, подтверждаетъ ли онъ прежнія

т. е. въ данномъ случаѣ была взведена на костеръ, она въ изступленіи твердила одно:

— Попадью, и Путятыху, и [redacted]ницку згубитъ, а не згубыте, то гирше буде зъ вамы.

И когда уже пламя охватило ее, она „по десять разъ мовыла“:

— Не пуститъ ихъ ни еднои!

Послушались ли судьи этого безумнаго совѣта изступленной старухи, или же ограничились сожженіемъ ея одной,—неизвѣстно, такъ какъ въ подлинномъ протоколѣ заключительныя строки оторваны.

---

54. Санжаровскія чаровницы.

Въ сентябрѣ 1693 года въ ново-санжаровскомъ сотенномъ судѣ разбиралось необыкновенно интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло. Мѣстный житель Яковъ Михайленко, „прозвискомъ“ Бридуненко, молодой, болѣзненнаго вида человѣкъ, чинилъ „оповѣдь“ такими словами:

— Панове! Мешкавъ я спочатку изъ жоною своею полюдски, а теперъ и самъ не знаю, що намъ стало: чы то зъ навиженя Божого, чы черезъ злыхъ людей, взявъ мене якыйсь страхъ—и самъ не знаю, чого пужаюся, и жоны своеи чогось ненавыжу черезъ немалый уже часъ. А теперъ я почавъ узнаваты, що тое стало, мабуть, черезъ чары. Зостаючая у мене швачка Ганна Крывая дня вчорайшого прызнавала на Приську, [1]) бувшую мою наймычку, а теперъ жіючую у Якова Перехрыста,

---

показанія и не оговорилъ ли кого понапрасну. И тому, что говорилъ осужденный „стоячи на остатнимъ стопню“, давали большую вѣру, чѣмъ пыточнымъ его рѣчамъ.

[1]) Въ подлинникѣ: *Пруска* и *Прюска*, какъ далѣе: *кушка* (кошка). Ясное указаніе, что нынѣшнее малорусское острое *и* (изъ основного *о*) въ концѣ XVII ст. еще звучало какъ *у* или *ю*.

що вона, исъ чіеись науки, ирвала собачую и кошачую шерсть и палыла, не знаю задля чого".

Тутъ выступила жена Бридуненка и дополнила жалобу его:

— Мылостывыи панове! То еще не все оповидавъ мужъ мій. Власне черезъ тыи чары немалый часъ винъ въ велыкыхъ пóстрахахъ бувъ: нибы одъ челяды своеи у полю утикавъ до болота и все зъ себе скыдавъ, и чувъ голосъ одъ того прывыдинія, неначе говорылы: „быймо, быймо овакого сына; нехай каже, де гроши поховавъ!" И просывся Якивъ отъ оного прывыдинія, сыдячы въ багни, мовячы: „Не залазьтеся души моеи: вывезу вамъ гроши золотыхъ сто зъ дому и розсыплю передъ вамы, и подилытеся соби". А воны повидають: „Ни вже, овакый сыну, не увійдешъ одъ нашыхъ рукъ жывъ!"

Услышавъ этóтъ разсказъ, присутствовавшіе выразили изумленіе, иные же замѣтили, что Яковъ, когда „на ёго находыло", продѣлывалъ и не такія „чудасіи".

Тѣмъ временемъ сотникъ распорядился, чтобы бывшая наймычка Бридуненка Приська была приведена, и когда она предстала предъ судомъ, ей задали вопросъ:

— Чы було тое такъ, якъ Ганна Крывая на тебе прызнаетъ?

Приська „безъ усякого замолчаня стала признаватыся":

— Що жъ, панове, було тое: ирвала-мъ собачую шерсть и кошечую и палыла; а на тое злое дило учила мене Ющыха Гузіенкова, що служыла на той часъ мамкою у Якова Бридуненка, и казала мени той попилъ и у страву (въ кушанье) сыпаты, тилько жъ я не сыпала, и не знаю, задля чого. А вона мени такъ говорыла: „Я, мовытъ, тое чыныла, якъ зъ Ромашкомъ позывалася, и якъ той попилъ розсыпала, а Ромашко уступывъ, то заразъ и люде Ромашкови сталы лаяты, и право, мовытъ, позыскала". Тилько, панове, моеи речи".

Позвали Ющыху и спросили:

— Чи було тое, якъ дивка на тебе вызнаетъ?

— Ото, панове,—показывала Ющыха,—якъ була на мене оказія, що я була байстря прывела, то Семеныха Лытвыныха

навчыла мене на тое дило, абы-мъ кыдала кишку на собаку и ирвала зъ ныхъ шерсть и палыла, то, мовытъ, не будутъ на тебе люде ничого говорыты.

Спросили затѣмъ Ющыху:

— А чи не вчыла тебе Лытвыныха, щобъ ты мила и Якову Бридуненку що чыныты?

— Ни, отвѣчала Ющыха:—на тое Лытовка ничого не учыла.

— Задля чого жъ ты дивку на тое злое дило учыла?

— Задля того-мъ учыла, що Бридунка дивци выслугы не заплатыла, а дивка на нюю плакала; съ тыхъ миръ я дивку на тое учыла.

Тутъ Ющыху прервала Приська и, обращаясь къ ней, сказала:

— Спалывшы того попилу, я отъ Якова Бридуненка одыйшла до Перехрыста, а ты у Якова осталася и попилъ въ мене той узяла. Я жъ не знаю, де ты ёго задила.

На это Ющыха ничего не отвѣтила, можетъ быть потому, что въ это время ввели Семеныху Литвиныху, или Литовку. Это была извѣстная всему Санжарову „баба-пупоризка", далеко еще не старая женщина, своимъ привѣтливымъ видомъ и ласковымъ выраженіемъ глазъ менѣе всего напоминавшая злую колдунью. Она проворно подошла къ урядникамъ, чинно поклонилась и застыла съ выраженіемъ почтительной готовности. Ее спросили, учила ли она чарамъ Ющыху Гузійку.

— А такъ, мылостывыи панове,—начала Литовка,—якъ Ющыха прыйшла, выбачайте, байстря, а я у неи бабою була, то й учыла де-чему, жалуючы еи, щобъ не було на неи поговору. Та вы, ласкавыи панове—заговорила Литовка другимъ тономъ, приблизившись къ судьямъ—не турбуйтесь: колы дозволыте, я хочъ заразъ пиднимаюсь Бридуненкови мешканя поправыты: буду стараться, щобъ Якивъ знову зъ жоною своею полюдски мешкавъ, якъ и спочатку.

Но въ отвѣтъ на это услужливое предложеніе послѣдовалъ приказъ сотника взять Литовку, вмѣстѣ съ Ющихой и Приськой, „до туремного вязеня." Дѣло было слишкомъ важно и подле-

жало компетенціи высшаго суда; а въ такихъ случаяхъ на обязанности сотеннаго суда лежало лишь производство предварительнаго слѣдствія, или „инквизиціи," и снятіе показаній сторонъ и свидѣтелей, затѣмъ подлинный протоколъ подписывался членами суда, скрѣплялся „звыклою мѣскою" печатью и вручался истцу для представленія„ въ зверхнѣйшій судъ," т. е. въ полковый. Туда же подъ конвоемъ были отправлены и подсудимыя.

Недѣлю спустя былъ назначенъ разборъ того же дѣла въ полтавскомъ полковомъ судѣ. Сюда прибылъ истецъ Яковъ Бридуненко съ своими свидѣтелями и, вмѣсто устной жалобы, „презентовалъ выведенную атестацію," т. е. слѣдственный протоколъ ново-санжаровскаго сотеннаго суда. Какъ бы ни была подробна и обстоятельна такая „атестація", полковый судъ обыкновенно допрашивалъ вторично подсудимыхъ и свидѣтелей и вообще, въ чемъ требовалось, дополнялъ слѣдствіе. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, „хотячи познати явніе знаки и слушные доводы" преступленія, судъ велѣлъ сначала „передъ собою ку конечной отповѣди статы" Семенихѣ Литвинихѣ и задалъ ей вопросы:

— Для чого ты, препомнившы боязнь Божую, велила такіи чары діяты и мешканя Бридуненкови и жони его псоваты, и зъ чіеи направы и якымъ способомъ, якого часу? Що за слова до тыхъ чаривъ своихъ прымовляты, оныи справуючы, казала? Одъ кого ты сама навчылася?

— А що жъ, панове,—отвѣчала Литовка: то правда, що я жалуючы Ганны, мамкы, щобъ на еи не було одъ людей пого, вору, що байстря прывела, учыла мамку, тилько не на тое, щобъ шерсть собачую и кошечую ирвала и палыла, а на тое, абы вона замокъ, замкнувшы, у воду укынула въ якое судно и тіею водою умывалася рано, якъ маетъ сонце сходыты, и такъ прымовляла: „Якъ сей замокъ замкненъ есть, такъ людей, котры на мене злость якую будуть говорыты, языкъ и ричъ и мову абы замкнуло", и тіею водою трычи умыватыся велила. А тіеи ричи, про зопсованя мешканя Бридуненкови, не видаю; однакъ можу

панове, о тое постараться, щобъ ёму и жони ёго мешканя поправыты.

При послѣднихъ словахъ судьи значительно переглянулись. Бѣдной старухѣ и на мысль не приходило, какъ много вредила она себѣ этой ненужной услужливостью. Больше не стали ее и допрашивать. Мѣсто ея заступила Приська.

— Панове! начала она: якъ первей говорыла-мъ, такъ и теперъ говору, що за заведеную заслугу мою Бридуненкомъ учыла мене Ганна Гузійка, мамка бувшая Бридуненкова, на тое, абы-мъ, кишку взявшы, на собаку кыдала и, шерсть зъ обохъ бестій рвучы, говорыла тыи слова: „ Въ якій згоди песъ съ кишкою жывутъ, такъ нехай и Якивъ Бридуненко зъ жоною своею мешкаетъ,“—поневажъ мени не заплатылы. Тую жъ шерсть палыла и мала у страву сыпаты Бридуненкови, бо мене и на тое учыла тая жъ мамка, тилько жъ, панове, не сыпала, а той попилъ взяла въ мене тая жъ мамка. А колы вона зъ Ромашкомъ, Гарячого зятемъ, управовала (судилась) за посваръ, а власне за такый, що ёго господыня (жена) мамку назвала нецнотою, бо вона байстря прывела, а мамка й соби на Ромащыху такъ же одказала, що «и ты, прави, такыхъ же байстрятъ навела, якъ и я», то сыпала передъ урядомъ тыхъ бестій попилъ, а скоро Ромашко зъ невидомосты уступывъ ногою въ той попилъ, и вси люде тамошніи сталы якъ-бы за мамкою блажыты, а Ромашка ганыты; и такъ мамка позыскавшы право на Ромашкови, похвалылася мени, що тое чынила. А того я не видаю, де вона остатокъ того попелу подила. А тое чынылося такъ рикъ назадъ, объ симъ же часи.

Судъ пожелалъ допросить затѣмъ свидѣтельницу, швачку Ганну Кривую, благодаря которой раскрыто было данное дѣло. Ее спросили: какъ она узнала о томъ, что наймичка Приська чаровала своихъ хозяевъ? Ганна объяснила:

— Тогды, панове, сыдила-мъ я на колоди, у двори Якововимъ, ажъ Приська, взявшы у хати кишку, несетъ до коморы и кынула еи на пса, и такъ говорытъ: „дидчая собака не беретъ кишкы!“. Затымъ, піймавшы пса, рвала шерсть и понесла

у хату, а кишка тежъ за нею у хату побигла. Тамъ Приська шерсть спалывшы, попилъ у вузлыкъ завязала и заховала.

Снова спросили Приську:

— Чи такъ тое було? И де ты заховала попилъ?

Она отвѣтила:

— Було тое, панове, все, якъ Ганна мовытъ, а заховала-мъ я той попилъ у синяхъ, за комынъ; а навчыла мене мамка на тое.

Допрашивали и бывшую мамку Ющыху. Ее считали болѣе другихъ виновной, такъ какъ она собственно учила глупую Приську чаровать во вредъ хозяевамъ, да и въ показаніяхъ она замѣтно путала, поэтому ее не просто допрашивали, а съ пристрастіемъ: по словамъ протокола, ее «давано подъ килька-кротную карность»; но она осталась при прежнемъ показаніи.

Слѣдствіе было окончено. Судьи признали вполнѣ доказаннымъ, что Яковъ Бридуненко былъ жертвою злостнаго чарованія: и то, что онъ «до забутя ума» приходилъ, и что «зъ жоною своею не бытковавъ» (не имѣлъ общенія)—все это «ёму ся поводыло черезъ чары». Непосредственной виновницей этого чародѣянія была наймичка Приська, но она дѣйствовала по наученію и подговору со стороны бывшей мамки Ющыхи, которую слѣдуетъ считать болѣе виновной въ данномъ преступленіи. Но главной виновницей должна быть признана Литвиныха. Она научила чародѣйству Ющыху, а отъ той уже научилась и Приська; она и на судѣ хвалилась, что можетъ «поправыты мешканя» Бридуненку, а слѣдовательно, можетъ его всякому и «зопсовати»; наконецъ она же, Литвиныха, «будучи власною чародѣйницею», учила другихъ «богомерзкимъ дѣламъ чаровницкимъ», какъ нужно «примовляти» надъ брошеннымъ въ воду замкомъ, чѣмъ «якъ бы радыла, абы кождому чоловику ричъ и мову замкнуло». Справившись съ «правами Майдебурскими», судьи нашли въ книгѣ «Порядокъ», въ артыкулахъ 14 и 22, указаніе, что «чаровники и всѣ, котории ся отъ чорнокнижства а зъ гусла обходятъ, кгды ся покаже, же (что) таковыхъ речий иного училъ, албо кому грозилъ, а тому, которому грожоно,

зъ того що злого пригодило, таковый кождый маетъ сроктою смертельною карностью быти каранъ, то есть огнемъ спаленъ». «Запобѣгаючи тому, абы ся промежъ народомъ християнскимъ такая злость, якая есть противко Пану Богу, не множила и овшемъ была заповѣдана», судъ постановилъ декретъ, по которому Семеныха Литвиныха, какъ «власная чародѣйница», и съ нею Ющиха и Приська, «яко послушаючии тыхъ еи богомерзкихъ учений», тою же «огненою карностю маютъ згинути».

Но этимъ суровымъ приговоромъ оказался недовольнымъ самъ же истецъ Яковъ Бридуненко. Онъ заявилъ, что «даруетъ горломъ» преступницъ и только желаетъ, чтобы онѣ «въ городѣ Новомъ-Санджаровѣ не мешкали вѣчне». Судъ охотно удовлетворилъ его желанію и постановилъ новый приговоръ: «абы тыи чаровници зъ мѣста били шворками выгнани и стали чуждыми отъ всѣхъ ихъ набытковъ», т. е. подверглись позорному изгнанію изъ родного города и были лишены имущественныхъ правъ, а «наклады правныи и вина панская и врядовая» были взысканы съ ихъ «худобы».

Опозореннымъ изгнанницамъ, конечно, предстояла очень печальная будущность; но если принять во вниманіе условія времени, то нужно признать, что полковый полтавскій судъ осудилъ ихъ довольно еще милостиво: судись онѣ въ другомъ мѣстѣ, хотя-бы въ самой культурной странѣ тогдашней Европы, имъ навѣрное не сносить бы головъ.

---

55. Порча вещей посредствомъ колдовства.

Впрочемъ, и изъ козацкихъ судовъ чаровницы не всегда благополучно уносили головы. Дѣйствовавшее въ малороссійскихъ судахъ Магдебургское право обычно требовало казни чаровникамъ, но примѣненіе этого суроваго закона зависѣло отъ обстоятельствъ. Санджаровскія чаровницы обвинялись въ причиненіи чарами вреда здоровью и даже жизни человѣческой, и тѣмъ не менѣе судьи нашли возможнымъ замѣнить для нихъ смертную

казнь другимъ, менѣе жестокимъ наказаніемъ; а въ это же время решетиловская чаровница Гапка Пасьчиха, обвинявшаяся лишь въ порчѣ малоцѣнныхъ вещей, поплатилась за это головой.

Существуетъ и теперь въ малорусскомъ простонародьи суевѣрное мнѣніе, будто знахари, посредствомъ чаръ, могутъ причинять непоправимую порчу вещамъ людей, почему-либо имъ непріятныхъ. Стоитъ, напримѣръ, чѣмъ-нибудь разсердить знахаря, и онъ „поробытъ“ такъ, что ваше платье окажется все въ дырахъ, холстъ, питки, пряжа разлѣзутся въ куски, словно гнилые, корова перестанетъ давать молоко, куры пести яйца и т. под. Въ настоящее время иной хитрой крестьянкѣ не безвыгодно самой распустить о себѣ слухи, что она можетъ это дѣлать, и тогда сосѣдки станутъ ее бояться и будутъ уступать ей въ мелочахъ, чтобы не возбудить ея гнѣва. Но въ старину подобная репутація была въ высшей степени опасной, ибо легко могла привести къ костру или къ плахѣ. И тѣмъ не менѣе никогда не было недостатка въ легкомысленныхъ людяхъ, которые сами большею частію поддерживали или даже распускали о себѣ столь опасную славу.

Такой легкомысленной женщиной была обывательница сотеннаго города Решетиловки, козачка Гапка Пасьчиха, можетъ быть отдаленная прабабка знаменитаго впослѣдствіи князя Паскевича, тоже, какъ извѣстно, уроженца Полтавщины. Въ апрѣлѣ 1690 года по ея дѣлу спеціально былъ созванъ мѣстный сотенный судъ подъ предсѣдательствомъ сотника Есифа Завадовскаго, несомнѣннаго предка извѣстнаго впослѣдствіи вельможи. Жалобщикомъ выступилъ мѣстный городовой писарь Григорій Марковичъ. Онъ жаловался, что Гапка Пасьчиха, бывши у него въ домѣ на «беседи» и за что-то на него разсердившись, „перехвалялася“, что его дорогіе жупаны не долго ему послужатъ,—и точно „вскорѣ затымъ злая похвалка ея справдылася“: его платье изъ дорогихъ суконъ и аксамытовъ „зовсимъ зопсовалося“—вѣроятно, моль испортила. Удивительнѣе всего, что позванная къ допросу Пасьчиха и не думала отрекаться отъ приписываемаго ей „злого учинку“, котораго, конечно, не со-

вершала; напротивъ, она признала себя „прычынною до зопсованя платя“ и „заразъ передъ врядомъ и передъ всимъ мыромъ (т. е. присутствовавшей на судѣ публикой), постократне даючы руку писареви“, просила у него прощенія, говоря:

— Отъ тоби рука моя, що уже бильше не будешъ въ той втрати шкодоваты; я тоби поражу, що твое платя не буде бильше терятыся, и сама на себе покладаю декретъ: колы-бъ мило еще терятыся (портиться), то вольно тоби въ той часъ и мистру (палачу) до рукъ мене даты и смертелною карностю караты“.

Конечно, наивная женщина этимъ самымъ давала суду достаточный поводъ подвергнуть ее такой „карности“ немедленно, не ожидая повторенія проступка; но панъ Марковичъ былъ человѣкъ милосердный: онъ заявилъ суду, что готовъ простить подсудимую, и лишь просилъ, чтобы ея торжественное обѣщаніе болѣе не вредить ему было занесено въ протоколъ и выдана ему формальная съ него копія. Судьи согласились съ этимъ, говоря: „и мы тожъ сей разъ не настоемо на ей душу“, и ограничились строгимъ „наказомъ оной злой жинци“, что если и впредь она станетъ вредить своими чарами „не токмо писареви, але и всякому человѣку, зъ нею знаючомуся“, то ее ни въ какомъ случаѣ „не минетъ“ тотъ смертный декретъ, который она сама на себя наложила. Пасьчиха клялась, что навсегда „поперестанетъ того злого дила“, и ее съ миромъ отпустили, а писарю выдали копію судебнаго протокола.

Но не прошло съ тѣхъ поръ и двухъ недѣль, какъ Пасьчиха поссорилась съ сосѣдкою Палажкою Гришковною и по своему обычаю пригрозила ей бѣдой, а у той, какъ на зло, бѣлье, полотно и пряжа истлѣли,—вѣроятно отъ сырости. Въ это время прибыли въ Решетиловку полтавскій полковой судья Петръ Буцкій и значный товарищъ полтавскій Василій Бунчученко, присланные полковникомъ „для слушныхъ инквѣзицій правныхъ“, т. е. для какихъ-то судебныхъ разслѣдованій. Подъ своимъ предсѣдательствомъ, вмѣстѣ съ участіемъ мѣстнаго сотника, атамана городового и войта съ бурмистрами, они открыли нѣчто въ родѣ отдѣленія полкового суда и стали разбирать дѣла. Сюда прибѣ-

жала Палажка Гришковна съ мужемъ и занесла „плачливую скаргу“ на Гапку Пасьчиху, при чемъ „и слушное лице передъ судьями покладала“: испорченное сукно, полотно и „сорочки зъ дѣрами“, „а плачучи мовила“:

— Мои ласковыи панове! Тое злое дило учынила мени оная не боячаяся Бога Гапка за тое, що намитки еи у мене покрадено, а вона того жъ часу перехвалялася на мене, мовячы: „Ото жъ я тоби вчыню, що до смерты плакать будешъ!“ И заразъ же, на другый день по перехвальци, одчыныла-мъ я скрыню—ажъ десять моткивъ пряжи такъ потерани (испорчены), що ажъ въ пичъ мусила-мъ повкыдаты, а сама пры великимъ плачу зостала-мъ.

— А есть же въ тебе свидкы, кымъ ты оныи потеряныи миткы освидчала?“—спросили судьи.

Такимъ „свидкомъ“ оказался заранѣе приглашенный Палажкою въ судъ „зацный и вѣры годный“ человѣкъ Микита Василенко. Онъ показалъ:

— Окомъ своимъ видилемъ, що моткы вельмы попсовани, на порохъ.

Когда на другой день возобновилось засѣданіе суда, явились новые обвинители Гапки. Козакъ Василь Неводничій занесъ „плачливую скаргу свою на тую жъ безецную чародѣйницу“ также „о потераную платя“ и сверхъ того о порчѣ коровъ относительно „дійва“.

— Тилко разъ—плакался онъ—въ моимъ дому побувала, и одъ того часу сталыся мени незносныи упадкы.

Наконецъ, мѣстный священникъ прислалъ „цедулку“ (записку) слѣдующаго содержанія: „Року 1690, априля 23, въ день св. мученика Георгія, прыходыла мя просити Гапка Пасьчиха, которая мни попсовала платя, и мовытъ: „просты мя въ томъ, отче, що я тоби учыныла, але отъ сего часу болше въ томъ шкоды тоби не будетъ, на що и слово и руку подаю пры людехъ зацныхъ, съ которыми теперъ тебе и прошу: съ Хведоромъ Гулаченкомъ, Хведоромъ Сидынкою, Иляшемъ Стрильныкомъ и зъ мужемъ моимъ Паскомъ, а вже болше тоби шкоды

не будетъ". Що для памяти собѣ и записалемъ, року и дня вышъ писаного".

Въ виду столькихъ обвиненій, а главное—въ виду того обстоятельства, что незадолго предъ тѣмъ Пасьчиха условно была помилована по однородному дѣлу, судъ имѣлъ основаніе признать ее крайне вредною и неисправимою чаровницей и, не производя дальнѣйшаго слѣдствія, приговорилъ ее, на основаніи извѣстныхъ уже намъ артыкуловъ Магдебургскаго права, къ смертной казни. Никто не пожалѣлъ несчастной, никто и слова не замолвилъ о смягченіи суроваго приговора. Не видно даже, чтобы и мужъ пытался ходатайствовать о ея помилованіи: можетъ быть, и ему надоѣла легкомысленная жена, пустыми „похвалками" безразсудно вооружившая противъ себя значительную часть односельцевъ.

---

56. Полтавскіе школяры.

Въ старой Малороссіи, какъ извѣстно, существовали многочисленныя приходскія школы. Ревизскія полковыя книги первой половины XVIII ст. даютъ довольно точныя свѣдѣнія объ ихъ числѣ; въ 1740—48 гг. такихъ школъ было: въ нѣжинскомъ полку 217, въ лубенскомъ—172, въ черниговскомъ—154, въ переяславскомъ—119, въ полтавскомъ 98, и проч. [1]) Вообще можно сказать, что при каждой городской и сельской церкви существовала и школа; а такъ какъ въ старину приходы въ Малороссіи были малолюднѣе нынѣшнихъ, то приходится заключить, что пропорціональное отношеніе тогдашнихъ школъ къ числу населенія едва ли не было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ такое же отношеніе нынѣшнихъ земскихъ и даже церковно-приходскихъ училищъ.

---

[1]) См. «Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ» А. Лазаревскаго, Основа, 1862 г., май.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ столь же точными данными относительно того, что собственно представляли собою старинныя малороссійскія школы. Извѣстно, что въ каждомъ приходѣ существовалъ церковно-общественный домъ, именовавшійся „школою", но, по указанію ревизскихъ книгъ, въ немъ жили дьяки мѣстные и «прихожіе»; а въ вѣдомости о приходскихъ школахъ г. Прилуки (1765 г.) мы находимъ именные списки «молодиковъ и школьниковъ, при школѣ живущихъ», при чемъ оказывается, что въ четырехъ прилуцкихъ школахъ ихъ жило 18 человѣкъ, а по возрасту они распредѣлялись такъ: шесть изъ нихъ имѣли отъ 12 до 20 лѣтъ, четыре—отъ 20 до 30 и восемь—отъ 30 до 39 лѣтъ [1]) Спрашивается: какіе же это были школьники, достигшіе столь почтеннаго возраста? Въ то же время имѣются несомнѣнныя свидѣтельства о томъ, что въ „школахъ" жили и обучались безпріютныя сироты и дѣти бѣдняковъ, нерѣдко занимавшія впослѣдствіи видныя общественныя положенія. Когда въ 1692 г. къ границамъ полтавскаго полка подступилъ съ ордой и запорожцами извѣстный претендентъ на гетманскую булаву Петрикъ, то Мазепа приказалъ составить и послать ему отъ имени полтавцевъ укорительное письмо, въ которомъ говорилось между прочимъ: „Всѣ мы знаемъ, же (что) батько твій жебракъ (нищій) есть, въ городѣ нашомъ въ Полтавѣ въ шпиталѣ мешкалъ, а ты, въ школѣ межи нищими валяючися и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками викормился" [2]). А извѣстно, что Петрикъ въ полтавской школѣ не только вскормился, но и „выполѣровался" (образовался) настолько, что могъ потомъ занять видную должность старшаго канцеляриста въ генеральной канцеляріи. Наконецъ, „школа" служила пріютомъ для такъ называемыхъ „мандрованыхъ (странствующихъ) дьяковъ" и „волочащихся черцовъ" въ родѣ извѣстнаго стихотворца конца XVII ст. монаха Климентія,

---

[1]) См. Архивные отрывки для исторіи Полт. епархіи, А. Лазаревскаго, вып. I, Полтава, 1887 г. стр, 57—60.

[2]) Лѣтопись Сам. Величка, т. III, стр. 114.

который въ одной изъ своихъ виршей приводитъ о ней пословицу: „Школа—всякимъ страннимъ домъ есть вольний.“ [1]) Итакъ, что же собственно представляла собою старинная украинская „школа“: жилище церковниковъ, страннопріимный домъ, или родъ бурсы для сиротъ и дѣтей бѣдняковъ? Кто же въ ней училъ и кто учился?

Чтобы хоть немного разобраться въ этомъ туманѣ разнорѣчивыхъ представленій, разскажемъ одно слѣдственное дѣло, производившееся въ 1699 году въ полтавскомъ полковомъ судѣ.

Въ половинѣ сентября, „по розъѣзду ярмарку полтавского“, какой-то Манець и его жена, „Безручкова невистка“, представили уряду найденную ими за городомъ, „на рецѣ Роговой“, близъ Ворсклы, шкатулку „одомкненую, порожнюю“, въ которой оказались какія-то тетради. Разсмотрѣвъ ихъ, урядъ сразу же опредѣлилъ, что это были „школярскіи письма“ (писанія), и по надписямъ на тетрадяхъ «позналъ», что онѣ принадлежали «выросткамъ» успенской соборной школы Хвеську и Грыцьку. За ними тотчасъ послали «до школы» и предъявили имъ шкатулку «и письма». Хвеську и Грыцько «признался до шкатулки, же (что) ихъ власная», наканунѣ у нихъ кѣмъ-то украденная, но при этомъ заявили, что въ ней были не однѣ тетради, но и значительная сумма денегъ. Такъ какъ они не могли указать похитителя, то урядъ велѣлъ имъ „межи собою въ школѣ чинити опитъ и розискъ о той шкодѣ, на комъ бы выявитися мѣло.“ Объ этомъ же было сообщено и „пану *дидаскалу*“ успенской школы, каковымъ былъ въ то время „дьякъ рынковои святопречистскои“ (она же соборная) церкви Власъ Марченко, въ томъ же году перешедшій на должность „городового писаря.“ Школьники быстро разыскали виновнаго: въ тотъ же день „подзоръ (подозрѣніе) вказался на Омелька Иванчу, кравца“, о которомъ одинъ нищій, жившій въ шпиталѣ, въ одномъ дворѣ съ школой, далъ показаніе, что„ бачывъ ёго, якъ учора

---

[1]) Основа, 1861 г. январь, стр. 173.

у вечоръ подъ полою шкатулку нисъ"; кромѣ того оказалось, что Омелько „тои ночи не ночовалъ въ школѣ, але десь инде". Его тотчасъ привели въ судъ и подвергли допросу. Въ кражѣ онъ не сознавался, а на вопросъ: почему не ночевалъ въ школѣ и гдѣ провелъ ночь?—„отказалъ, що у паламаря ночовалъ, а не каже, для якихъ мѣръ." Судъ велѣлъ его „за сторожу до приказу дати." Тамъ онъ очутился въ компаніи съ какимъ-то Савкою Ивановичемъ, „за долги посаженнымъ," пустился съ нимъ въ откровенную бесѣду и неосторожно признался, что онъ точно укралъ шкатулку вмѣстѣ съ другимъ школьникомъ. Савка немедленно передалъ его рѣчи уряду.

Поставленный вторично на допросъ, Омелько не сталъ болѣе запираться и сказалъ:

— Я зъ Андріемъ Степаненкомъ, выросткомъ школнымъ, тую шкатулку, зъ вечора зъ коморки школнои взявши, понеслы на Подолъ, и тамъ одомкнувши, чехи въ калюжу зарылы, а шкатулку зъ паперомъ и зъ мыломъ у воду вкынулы.

Послѣдовалъ приказъ привести „того Андрія, зъ которымъ Омелько гроши пидчепывъ". Его „запытали: чи такъ есть, якъ Омелько признается?" Онъ не сталъ запираться. Одно лишь возбуждало недоумѣніе: потерпѣвшіе утверждали, что въ шкатулкѣ находились не одни чехи, но и „копійки" (серебряная монета), а Омелько заявлялъ, что онъ „тилко о чеховой монетѣ вѣдалъ, а о копѣйкахъ не зналъ". Но Андрій разъяснилъ это недоумѣніе, признавшись:

— О чехахъ обыдва знаемъ, а копійкы зъ мишечкомъ я самъ, потай товарыша, въ писокъ зарывъ, и Омелько не знавъ.

Оба „шкодци признавали и на другихъ двохъ выростковъ":

— Кирило, поддячій, и Юхимъ Дяченко о томъ зналы, якъ шкатулку зъ коморы мы кралы, тилко жъ о томъ несвидоми, де мы гроши задилы.

Судъ не придалъ значенія этому оговору и не привлекъ Кирилла и Юхима къ слѣдствію. Ему предстояло еще разыскать украденныя деньги. Одному изъ бурмистровъ Олексѣ Рымарю было поручено вмѣстѣ съ понятыми и въ сопровожденіи Омелька

и Андрія отправиться на Подолъ, „на тое мѣстце, где гроши сховани булы, для зысканя шкоды.“ Обвиняемые указали это мѣсто, и тамъ найдены были чехи, „у хустѣ завязаные“, а въ другомъ мѣстѣ былъ вырытъ въ песку „мѣшечокъ съ конѣйками“. То и другое вручено было уряду. Обоихъ „злодіивъ“ приказано было отправить въ заключеніе, а урядъ занялся учетомъ денегъ, припрятанныхъ ворами. При разнообразіи тогдашней монеты и частыхъ колебаніяхъ курса, это было дѣло далеко не легкое; не всякій могъ его выполнить. Судьи „упросили людей добрыхъ и вѣры годныхъ, абы заразъ, якъ скоро подано на урядъ тую сумму, перелѣчили въ дому судовомъ, чи много всеи будетъ найдоватися послѣ рукъ злодѣйскихъ“. Пану Кондрату, „крамарю, изъ Грицкомъ, Тлустого зятемъ“, поручено было сосчитать „копійки“, а пану Захарію Важничому—чехи. Первые два „налѣчили копѣокъ сто золотыхъ и тридцять талярей“, и послѣдній „налѣчилъ чехами“ тоже сто золотыхъ и тридцять таляровъ, а всего оказалось денегъ 380 золотыхъ; [1]) между тѣмъ потерпѣвшіе заявили раньше, что въ шкатулкѣ у нихъ хранилось „полчварта ста (350) золотыхъ“. Это возбудило въ судьяхъ нѣкоторое недоумѣніе, а вслѣдъ затѣмъ возникло и другое: потерпѣвшіе „суть нищіе и убогіе—а въ рукахъ ихъ такая знатная сумма оперлася“. Ихъ спросили: „где и отколь тіи гроши вамъ въ руки пришли?“ Хвесько отвѣтилъ:

— Складаюся тутейшими мищанами, що презъ килка литъ диты людскіе учачи, чехъ до чеха збиравъ и зобравъ сто золотыхъ и десять талярей. То—моя родная праця (заработокъ).

А Грыцько представилъ такое объясненіе:

— У мене отець можный (состоятельный), до Коломыи ходытъ, и мене дома приставлювавъ силью торговаты. Одно жъ самъ зобравъ, а другое въ отца взявъ, и пойшовъ по городахъ вандруючи. А знайшовшися зъ сымъ Хвескомъ, скупылысь до

---

[1]) Талеръ заключалъ въ то время 3 золотыхъ, а копа — $3^1/_4$ золотыхъ.

гурту и милы коня зъ возомъ и куфу горилкы купывшы, на еденъ грошъ за товарыша торговаты.

Урядъ, повидимому, не вполнѣ удовлетворился этими объясненіями и рѣшилъ удержать деньги до окончанія дѣла, но затѣмъ, уступая настойчивымъ просьбамъ потерпѣвшихъ, выдалъ имъ всего 9 копъ (т. е. $29^1/_4$ золотыхъ), а остальную сумму велѣлъ опечатать въ присутствіи счетчиковъ и „взялъ урядовне до рукъ своихъ“ для храненія.

Осторожность уряда, отказавшаго въ выдачѣ всей суммы, была далеко не напрасной: на другой день Хвесько и Грыцько внезапно скрылись изъ города. „Познавши по утечцѣ, що и се люде неробочіе,“ урядъ пожалѣлъ, что поддался ихъ „фортелю“ и далъ имъ 9 копъ на дорогу, и велѣлъ „всю справу о сихъ вкраденыхъ и перекраденыхъ грошехъ выписати и на далшую память и луччое повѣреня до книгъ мѣскихъ подати.“

Лишь спустя три мѣсяца объявился подлинный владѣлецъ этихъ денегъ: изъ Кіева прибылъ печерскій іеромонахъ Сила Жураховскій и предъявилъ удостовѣреніе въ томъ, что означенныя деньги были украдены у соборнаго старца и проповѣдника, кіевопечерскаго іеромонаха Аѳанасія Мирославскаго [1]). Ему онѣ и были выданы подъ „квитанцію“ о. Жураховскаго.

—

Итакъ, что же мы узнаемъ о полтавской успенской школѣ изъ этого документа?

„Дидаскаломъ“ школы состоялъ дьякъ мѣстной церкви. Подъ его начальствомъ находились жившіе въ школѣ „выростки школніи,“ или, какъ ихъ именовали въ XVIII ст., „молодыки“; съ ними же жилъ и помощникъ дьяка—„поддячій“. Въ данномъ слѣдственномъ дѣлѣ упоминаются шесть человѣкъ этихъ „выростковъ“, но ихъ, конечно, было больше. Они не были учениками въ школѣ, но сами промышляли учительствомъ. Многіе

---

[1]) Бывшаго впослѣдствіи (1710—1714 г.) архимандритомъ Печерскаго монастыря.

изъ нихъ, если не всѣ, были люди прихожіе, странствующіе; пока проживали въ школѣ—учили „людскихъ дѣтей", а надоѣдало это занятіе—уходили дальше или принимались за другое ремесло. Одинъ изъ такихъ „выростковъ" ссылается на свидѣтельство полтавскихъ мѣщанъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обучалъ ихъ дѣтей и заработалъ этимъ значительную сумму; другой разсказываетъ о себѣ, что сначала помогалъ отцу торговать солью, потомъ отправился „вандровать по городахъ," какъ это было тогда въ обычаѣ у молодыхъ людей, еще не избравшихъ опредѣленной профессіи. Случайно забрелъ онъ въ Полтаву и пріютился въ успенской школѣ; но ему, очевидно, не нравилось учительское и дьяковское ремесло, и онъ задумалъ бросить его и заняться шинкованьемъ по ярмаркамъ. Вообще же это была „нищая, убогая" братія, способная даже на воровство, и если у кого изъ нихъ оказывались сколько-нибудь значительныя деньги, то это возбуждало недобрыя подозрѣнія. Учились ли и сами чему-нибудь эти „выростки школніи", проживая въ школѣ,—трудно сказать; если и учились, то развѣ дьячковскому искусству подъ руководствомъ „дидаскала", который, конечно, былъ опытнымъ псаломщикомъ.

Сопоставляя эти данныя съ другими свѣдѣніями, какія вообще имѣются о старинной приходской школѣ въ Малороссіи, мы представляемъ ея организацію въ такомъ видѣ: это была вольная артель особаго рода ремесленниковъ, владѣвшихъ коекакимъ школьнымъ образованіемъ и промышлявшихъ дьячковствомъ и учительствомъ. Обыкновенно ими бывали молодые люди, еще не избравшіе для себя опредѣленной профессіи и, по обычаю того вѣка, странствовавшіе „для повиданія болѣе свѣта и ученія и людского обхожденія" [1]). Одни изъ нихъ впослѣдствіи становились настоящими причетниками и даже священниками, другіе переходили на писарскія должности или занимались торговлею,

---

[1]) См. автобіографію Ильи Турчиновскаго, одного изъ такихъ странствователей первой четверти XVIII ст., помѣщенную въ Кіевской Старинѣ 1885 года, февраль.

третьи уходили на Запорожье и т. д. Прихожане предоставляли этимъ странствующимъ пѣснопѣвцамъ и педагогамъ („мандрованымъ дякамъ и бакалярамъ“) даровой пріютъ въ церковномъ домѣ (въ „школѣ“), но требовали, чтобы за это они „услуговали церкви Божіей“ на клиросѣ. Въ этомъ смыслѣ Климентій говоритъ въ одной изъ виршей:

И причетниками тежъ школяри ся именуютъ,
Поневажъ церкви святой щире услугуютъ.

Сверхъ того, школяры обязаны были заниматься обученіемъ дѣтей, за что ихъ родители давали имъ особое вознагражденіе согласно условію, а церковные ктиторы собирали въ ихъ пользу съ прихожанъ подаянія деньгами и приносами. [1])Кромѣ школяровъ-учителей, въ „школѣ“ жили и обучались и настоящіе „школники“—сироты и дѣти бѣдняковъ, призрѣваемыя церковнымъ братствомъ. Обученіе приходящихъ учениковъ происходило и въ самой школѣ, но, въ виду многолюдства постоянныхъ ея обитателей и тѣсноты помѣщенія, могло совершаться и въ домахъ родителей.

Этотъ своеобразный типъ школы со странствующими учителями и вмѣстѣ церковниками, какъ и многія другія культурныя пріобрѣтенія Малороссіи, цѣликомъ былъ заимствованъ съ Запада: нѣмецкіе vagi scholares, бакханты и польскіе rybałty—это буквально наши „мандрованые дьяки и бакаляры“, со всѣми ихъ типическими чертами, пороками и слабостями. Но этотъ типъ привился повсемѣстно въ Малороссіи и исчезъ только потому, что измѣнившіеся въ ней въ концѣ XVIII в. гражданскіе порядки сдѣлали невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе. Государственная перепись 1782 года, прикрѣпивъ всѣхъ и каждаго къ опредѣленному мѣстожительству и

[1]) Въ ктиторскихъ реестрахъ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви за 1693—1699 гг., сохранившихся въ ея архивѣ, есть записи такихъ подаяній „выросткамъ въ школу“. Проф. Н. И. Петрова «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.», стр. 122.

роду занятій, отняла разомъ и у посполитыхъ право перехода отъ одного пана къ другому, и у бакаляровъ возможность перекочевывать изъ одной школы въ другую. Но этимъ самымъ былъ нанесенъ смертный ударъ и народной малороссійской школѣ.

---

57. Кіевскіе студенты.

Когда, бывало, студенты Кіево-Могилянской коллегіи предпринимаютъ по ночамъ опустошительные набѣги на обывательскіе огороды или воруютъ дрова и съѣстные припасы, никто не ставилъ имъ этого въ большой грѣхъ и не находилъ въ ихъ мародерствѣ ничего возмутительнаго, ибо всякому было извѣстно, что большинство учащейся молодежи состояло изъ бѣдняковъ, терпѣвшихъ и голодъ, и холодъ, и всякую нужду. Тогдашній стихотворецъ Климентій составилъ даже особую виршу: „О школярахъ, дрова крадущихъ“, гдѣ говорится:

Приповисть есть въ школярив: „не вкравъ, але доставъ“,
А ты, Боже, за дрова гриха имъ не поставъ» [1])

Но случалось, что студенты не ограничивались такими сравнительно невинными шалостями и затѣвали съ кіевскими мѣщанами настоящую войну, вступали съ ними въ кровопролитныя схватки, открыто грабили ихъ добро и наводили трепетъ на членовъ магистрата. Конечно, они подражали въ этихъ случаяхъ своимъ коллегамъ—студентамъ католическихъ школъ, въ особенности питомцамъ іезуитскихъ коллегій, безчинства коихъ нерѣдко достигали размѣровъ настоящаго общественнаго бѣдствія для тѣхъ городовъ, гдѣ коллегіи существовали. Было бы ошибочно полагать, что подобныя безчинства обусловливались слабостью школьной дисциплины, безсиліемъ начальствующихъ лицъ совладать съ разнузданностью учащихся; напротивъ,

---

[1]) Основа, 1861 года, январь, стр. 173.

съ такимъ орудіемъ въ рукахъ, какъ розги и вообще жестокія тѣлесныя наказанія, тогдашняя школьная власть была въ состояніи обуздывать самыя дикія натуры и предотвращать малѣйшее своеволіе, и мы видимъ, что ученики, напримѣръ, піарскихъ школъ никогда не дозволяли себѣ такихъ безчинствъ, какія почти ежедневно творили іезуитскіе коллегіаты. Слѣдовательно, эти безчинства совершались если не прямо по наущенію воспитателей, то во всякомъ случаѣ не наперекоръ ихъ воли и тайному желанію. И дѣйствительно, іезуитскіе студенты обыкновенно громили православныя или протестантскія школы и святыни, еврейскія синагоги, или же терроризовали магистраты въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе вели съ орденомъ тяжбы за захватъ городскихъ земель, привлеченіе мѣщанъ подъ свою юрисдикцію и т. под., но не было случаевъ, чтобы студенты бунтовали противъ своего начальства.

Въ кіевской коллегіи также господствовала строгая дисциплина. Кромѣ префекта, за поведеніемъ студентовъ наблюдала цѣлая фаланга его помощниковъ изъ среды самихъ учащихся: цензоры, сеніоры, директоры, инспекторы и т. под. Для усмиренія строптивыхъ употреблялись: стояніе на колѣняхъ, „пали“ (битье линейками по ладонямъ), розги, публичное сѣченіе подъ звонъ школьнаго колокольчика и наконецъ позорное изгнаніе изъ коллегіи. При такихъ строгостяхъ, казалось, были немыслимы студенческія безчинства. И дѣйствительно, почти до конца XVII ст. ихъ и не было. Коллегія переживала очень трудное время; лишенная матеріальныхъ средствъ, она еще въ 1671 году открыто ко всѣмъ обращалась съ трогательнымъ воззваніемъ „о поратунокъ милостынею“, и надо полагать, что ближайшую помощь ей могли оказать прежде всего кіевскіе мѣщане, коихъ дѣти здѣсь же учились. Къ тому же, въ этотъ періодъ число учащихся въ коллегіи едва ли превосходило 200—250 человѣкъ. За проступки внѣ школы студенты не только отвѣчали передъ префектомъ и ректоромъ, но и могли быть привлечены къ суду магистратскому или полковому, а въ крайнемъ случаѣ противъ

нихъ могла выступить и власть воеводы, какъ коменданта кіевской крѣпости.

Но къ концу восьмидесятыхъ годовъ XVII ст. положеніе коллегіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣнилось. Съ открытіемъ богословскаго класса число студентовъ значительно возросло и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился между ними процентъ великовозрастныхъ. Существовавшая еще со временъ Петра Могилы „конгрегація“ студентовъ (духовное братство), преслѣдовавшая цѣли нравственно-религіознаго ихъ усовершенствованія, пріобрѣла теперь болѣе совершенную организацію, съ выборными префектами и вице-префектами изъ студентовъ, и немало содѣйствовала ихъ сплоченности, развитію въ нихъ чувства товарищеской солидарности, благодаря чему въ затѣянную немногими буянами исторію легко втягивалась вся корпорація. Преподаваніе философскихъ и богословскихъ наукъ фактически приравнивало кіевскую коллегію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, какими были академія Краковская, іезуитская Виленская и др., а одной изъ отличительныхъ привилегій этихъ заведеній было право собственнаго академическаго суда и независимости учащихся отъ гражданскихъ и военныхъ властей. Такое право, вмѣстѣ съ титуломъ „академіи“, было нѣкогда признано и за кіевской коллегіей извѣстными Гадяцкими пактами, но не получило осуществленія потому, что и самые эти пакты не были осуществлены. Теперь обладаніе этимъ правомъ сдѣлалось предметомъ пламенныхъ желаній и учащихся, и учащихъ. Тѣ и другіе все чаще начинаютъ титуловать свое училище „академіей“ и въ одинаковой мѣрѣ тяготятся судебною и административною зависимостью отъ мѣстныхъ властей. Въ особенности несносною и унизительною представлялась студентамъ подчиненность мѣстному магистрату, возбуждавшая въ нихъ чувство глухой вражды не къ однимъ магистратскимъ урядникамъ, но и ко всѣмъ кіевскимъ мѣщанамъ. Конечно, это странное чувство могло зародиться на почвѣ тѣхъ столкновеній, какія коллегіатская молодежь имѣла безпрестанно съ бурмистрами, исполнявшими полицейскія функціи; но въ немъ слышится и

другой мотивъ—высокомѣрное отношеніе къ мѣщанству, какъ сословію непривилегированному. Отношеніе это, свойственное тогдашней шляхетской молодежи, учившейся въ іезуитскихъ школахъ, было совершенною нелѣпостью въ кіевской коллегіи, питомцы которой въ огромномъ большинствѣ были дѣти тѣхъ же мѣщанъ, козаковъ и даже посполитыхъ. Противъ этихъ шляхетскихъ тенденцій должны были вопить самыя стѣны коллегіи, какъ учрежденія, взлелѣяннаго кіевскимъ братствомъ, первоначальное ядро котораго, безъ сомнѣнія, составляли кіевскіе мѣщане. Но, въ противоположность другимъ братскимъ училищамъ—львовскому, виленскому, луцкому,—съ кіевской коллегіей произошла странная метаморфоза: продолжая до конца XVII ст. носить имя „*братскихъ* школъ", она въ дѣйствительности давно перестала быть *братскимъ* училищемъ, ибо и самое братство кіевское едва ли не со временъ еще Петра Могилы фактически прекратило свое существованіе. Какъ и почему оно исчезло—это вопросъ, выходящій изъ рамокъ настоящаго очерка; но фактъ несомнѣнный, что во второй половинѣ XVII ст. въ Кіевѣ не было уже братства, а въ основанной имъ школѣ скоро заглохли и его лучшіе завѣты и преданія. Теперь коллегія находилась исключительно въ вѣдѣніи лицъ монашествующихъ, подчиненныхъ митрополиту; но ихъ чувства и настроеніе были уже не тѣ, какими воодушевлялись ея первые ректоры и преподаватели, „душею и рукою" вписывавшіеся въ братскій реестръ и въ союзѣ съ представителями всѣхъ сословій кіевскаго воеводства клявшіеся „единъ за всѣхъ и всѣ за единого стояти, духомъ любве горячои звязавшеся". И среди высшаго южнорусскаго духовенства многое уже было забыто изъ того, что выработано было въ эпоху борьбы съ уніей и въ качествѣ руководящихъ принциповъ церковной политики внесено въ актъ кіевскаго собора 1621 года[1]). Вмѣсто предписаннаго тамъ братолюбія, незлобія, терпѣливаго перенесенія обидъ отъ младшихъ,

---

[1]) Имѣемъ въ виду извѣстное «Совѣтованіе о благочестіи», изд. въ Памятникахъ Кіев. Коммиссіи, т. 1.

нестяжательности и проч., митрополиты и игумены кіевскихъ монастырей конца XVII ст. только и дѣлали, что враждовали съ мѣщанами за земли, шинки и перевозы. Такой, напримѣръ, митрополитъ, какъ Гедеонъ Четвертинскій, типъ гордаго, надменнаго прелата, и подъ клобукомъ не забывавшаго о своемъ княжескомъ титулѣ,—какъ мало онъ напоминалъ кроткаго, благосерднаго Іова Борецкаго! Стоитъ лишь вспомнить, путемъ какихъ жестокихъ насилій поверсталъ онъ козаковъ Моровской сотни въ крестьянъ своего каѳедральнаго монастыря. Его преемникъ Варлаамъ Ясинскій, бывшій ректоръ кіевской коллегіи, несомнѣнно обладалъ многими достоинствами; однако кіевскіе мѣщане горько жаловались на него не только за земли и перевозы, но и за то, что онъ, въ противность вѣковѣчнымъ обычаямъ, самовольно назначалъ въ городскія церкви священниковъ помимо воли и избранія прихожанъ, отлучалъ мѣщанъ отъ церкви за малыя вины, по оговорамъ, и т. под. Вѣдь это какъ разъ тѣ проявленія шляхетскаго самовластія, за которыя православные столь рѣзко и единодушно порицали Ипатія Потѣя и другихъ архіереевъ-уніатовъ. Вообще нельзя не отмѣтить странной аномаліи, что демократическіе принципы, подъ знаменемъ коихъ православіе одолѣло унію, пользовались въ безсословной Малороссіи наименьшимъ кредитомъ именно въ средѣ высшаго духовенства, а слѣдовательно и въ управляемой имъ кіевской коллегіи. Не отсюда ли происходило и то, что козацкая старшина, здѣсь воспитывавшаяся, такъ легко отрѣшалась отъ преданій эпохи Хмельницкаго и проникалась шляхетскими тенденціями?

Такова была почва, на которой къ концу XVII ст. выросло уродливое явленіе—грубыя безчинства кіевскихъ студентовъ и ихъ нерѣдко кровавыя столкновенія съ мѣщанами.

Впервые подобныя безчинства въ рѣзкой формѣ произошли въ іюнѣ 1690 года. Въ одной изъ послѣдующихъ жалобъ магистратъ вспоминаетъ, что въ то время „студенты многое воровство въ нижнемъ городѣ Кіевѣ дѣлали: мѣщанъ въ ночи и въ день имая по улицахъ и зъ дворовъ беручи, забивали смертно и

платье съ нихъ снимали, а иныхъ мѣщанъ, поймавъ и приволокъ въ бурсу или въ школы, били розгами, плетьми и кіями, и въ желѣза оковывали, о чемъ въ книгахъ нашихъ майстратовыхъ лѣта 7198 (1690), іюня 11 числа, записано". [1]) Къ сожалѣнію, книги кіевскаго магистрата всѣ погибли, и мы не знаемъ, чѣмъ окончилось дѣло объ этихъ насиліяхъ; но, безъ сомнѣнія, мѣщане не остались въ долгу и за нихъ, конечно, вступился и кіевскій полковникъ съ козаками, и воевода съ ратными людьми. Это, вѣроятно, и побудило ректора Іоасафа Кроковскаго, при содѣйствіи митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Мазепы, испросить (въ январѣ 1694 года) жалованную грамоту царскую, въ которой предписывалось: великороссійскимъ всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ разныхъ полковъ, и кіевскаго и иныхъ полковъ полковникамъ и козакамъ, и кіевскому войту и мѣщанамъ, никакихъ ректору и учителямъ и ученикамъ, въ школахъ будучимъ, обидъ и утѣсненія не чинить, подъ угрозою царской опалы и двойного взысканія за обиды, а начальству коллегіи вмѣнялось въ обязанность „неспокойныхъ и вражды творящихъ учениковъ унимать и смирять и ни до какова своевольства ихъ не допускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать". Хотя въ текстѣ грамоты нѣтъ прямого указанія на изъятіе коллегіи изъ административной и судебной подчиненности городскимъ властямъ, но вся коллегіатская корпорація почему-то толковала эту грамоту въ такомъ именно смыслѣ, что отнынѣ коллегіи предоставлялось право самоуправленія и собственнаго суда надъ учащимися, а магистратскіе и воинскіе чины не имѣли-де власти ни судить ихъ, ни даже подвергать предварительному аресту. Такая привилегія приравнивала коллегію къ заграничнымъ академіямъ и университетамъ и сулила студентамъ относительную безнаказанность: въ крайнемъ случаѣ префектъ могъ приговорить ихъ къ розгамъ и за такіе проступки, за какіе магистратъ приговаривалъ къ висѣлицѣ.

---

[1]) Сборникъ историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ Кіев. Центр. Архива И. Каманинымъ, вып. I, стр. 48.

Можетъ быть, въ разсчетѣ на эту безнаказанность, студенты въ томъ же 1694 году учинили грандіозное буйство, при чемъ одного мѣщанина, сапожнаго мастера Григорія Ополоника „смертно саблею порубили, и отъ тѣхъ ранъ тотъ человѣкъ умеръ". „Да они-жъ, студенты (жаловались мѣщане), многажды находя на сторожу, которая по вся нощи оберегаетъ на рынку торговыхъ лавокъ, убивали ихъ смертно и тѣхъ сторожей отъ лавокъ зъ рядовъ отгоняли, а въ лавкахъ невѣдомо якіе воры животы наши выкрадали, отъ чего намъ великая учинилася обида. Тѣ жъ студенты покрали зъ двора половинками сукно у мѣщанина нашего Филиппа Серебреника, а у иныхъ мѣщанъ покрали зъ дворовъ вино, медъ и съѣстныя харчи: муку, масло, пшено; такожде и животину всякую зъ дворовъ зводили и, убивъ, зъ того себѣ кормъ имѣли; да дрова и дерево хоромное зъ дворовъ мѣщанскихъ беручи и стѣны градскіе на дрова розбираючи, въ школу и въ бурсу по сту человѣкъ и болѣе носили и всякое воровство дѣлали. А тое покраденное сукно и всякіе краденные мѣщанскіе съѣстные харчи и дрова аще и были знайдены у студентовъ, но изъ нихъ немашъ намъ ниякои управы." [1])

Этотъ припѣвъ: „нѣтъ на студентовъ управы"—тянется съ этихъ поръ непрерывною нотою въ теченіе долгаго времени.

Съ умноженіемъ числа учащихся въ коллегіи, имѣвшаяся при ней бурса уже не могла вмѣстить всѣхъ бѣдняковъ, поэтому митрополитъ Варлаамъ Ясинскій велѣлъ размѣстить ихъ по приходскимъ „школамъ", существовавшимъ при кіево-подольскихъ церквяхъ. Собственно говоря, это было нарушеніемъ права прихожанъ, содержавшихъ школы совсѣмъ для другихъ надобностей, но они не протестовали противъ распоряженія митрополита, пока призрѣваемые ими студенты не обратили школьныхъ домовъ въ своего рода разбойничьи вертепы. Вотъ что писалъ по этому поводу московскій патріархъ Адріанъ митрополиту Ясинскому отъ 26 апрѣля 1699 года: „Доносиша нашей мѣрности кіевскіе

---

[1]) Тамъ же, стр. 49.

граждане, яко при храмѣхъ Господнихъ ихъ приходскихъ живутъ поющіи и малыхъ дѣтей учащіи дьяки, а храмины имъ строятъ прихожане; и съ тѣми де церковными дьяки въ тѣхъ храминахъ велиши ты жити вмѣстѣ студентомъ, пришельцомъ изъ польскихъ городовъ, которые хотятъ учитися въ школѣ (т. е. въ коллегіи) мудростныхъ наукъ языкомъ латинскимъ, и они де, студенты, живучи постойкою, многая сотворяютъ бѣдства и безчинства странная, а тѣхъ дьяковъ и малыхъ дѣтей, учащихся словенскаго нашего языка письменъ, бьютъ и бранятъ, и мѣщанъ, идущихъ къ церкви на пѣніе въ нощахъ, бьютъ и увѣчатъ и безчестятъ женъ и дѣтей, и ради ихъ, студентовъ, плутовства и досадительныхъ обидъ къ церковникомъ, иногда въ церквахъ и пѣнія не бываетъ, а управы де на нихъ сыскати негдѣ. Да они де, студенты, многочисленно собрався, въ нощахъ ходя по мѣщанскимъ дворамъ, крадутъ дрова, запасъ и всякія вещи, и отъ того де имъ великая обида и разореніе чинится, а унять ихъ отъ того некому. И ты... студентомъ, когда они творятъ пакости людемъ, въ церковныхъ жилищахъ жити не вели, зане могутъ быти при школахъ въ особныхъ домѣхъ и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придется". [1])

Въ декабрѣ того же 1699 года войтъ Дмитрій Полоцкій доносилъ воеводѣ князю Петру Ивановичу Хованскому, что студенты толпами по ночамъ растаскиваютъ бревна изъ городскихъ стѣнъ, какими тогда былъ обнесенъ Подолъ. Воевода приказалъ произвести осмотръ разоренныхъ стѣнъ и учинить допросъ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ въ нижнемъ городѣ. Въ подьяческомъ актѣ осмотра значилось: «отъ Крещатицкой башни до Глѣбоборисовскихъ воротъ съ городовой стѣны, съ тарасовъ, снято 23 бревна, да срублено 8 зубцовъ, да изъ башни мосты

---

[1]) Кіевская Старина, 1885 г., сентябрь, стр. 142. Патріаршій наказъ не былъ исполненъ митрополитомъ; кіевскіе мѣщане и въ 1741 году напрасно добивались удаленія студентовъ изъ приходскихъ школъ. См. статью Д. Вишневскаго въ янв. книгѣ Кіевской Старины 1896 года.

и у дверей два бревна и съ цѣпью выломано». А караульные стрѣльцы дали такую сказку: „стояли-де они у Крещатицкихъ воротъ и въ иныхъ мѣстехъ, и студенты-де не по одну ночь приходили къ городовой стѣнѣ человѣкъ по 20 и по 30, и съ городовой стѣны снявъ бревна, пошли къ себѣ въ школы, а по окличкѣ голосу они имъ, караульнымъ, не отдали, для чего одинъ по нихъ, студентахъ, изъ пищали выстрѣлилъ; а поймать ихъ невозможно, что приходятъ многолюдствомъ.“ [1])

А въ январѣ 1700 года студенты учинили настоящій погромъ.

Дѣло началось съ пустяковъ. Вечеромъ, 29 января, студенты встрѣтили на Подолѣ пріѣхавшаго изъ Хвастова еврея Беню Абрамова и стали его бить. Спасаясь, еврей забѣжалъ во дворъ ратуши и сталъ кричать, чтобъ его оборонили. Выбѣжавшіе на крикъ магистратскіе служители отняли еврея и задержали нѣсколько человѣкъ студентовъ. Бывшій въ ратушѣ бурмистръ Гордѣй Минцовъ приказалъ было арестовать ихъ до разслѣдованія дѣла, но затѣмъ отпустилъ, по ихъ просьбѣ. Когда студенты узнали, что ихъ товарищи подверглись хотя и временному аресту изъ-за какого-то „невѣрного жидовина“, они рѣшили прежде всего жестоко отомстить послѣднему. Развѣдавъ, что онъ остановился въ одномъ мѣщанскомъ дворѣ, они ночью нагрянули туда, перерыли весь домъ и дворъ, грозя убить еврея, но онъ успѣлъ скрыться. Тогда студенты пограбили его лошадь и изъ саней кое-какія „подорожнія“ вещи. Чтобы досадить и магистрату, вступившемуся за еврея, студенты зашли въ ратушный шинокъ, избили оказавшагося тамъ мѣщанина Стецька Карпенка, отняли у него два рубля денегъ и сняли кожухъ, поясъ и шапку. На утро прибѣжали въ ратушу Беня и Карпенко съ жалобами. Въ то время войтъ Дмитрій Полоцкій былъ въ Москвѣ.

---

[1]) Документъ Моск. Архива Мин. Юстиціи, д. Прав. Сената, кн. № 5, 1732 г., листы 129—134. Пользуемся спискомъ, сдѣланнымъ проф. С. Т. Голубевымъ и любезно предоставленнымъ редакціи «Кіев. Старины».

Правившій его должность бурмистръ Гордѣй Минцовъ, посовѣтовавшись съ товарищами, послалъ къ ректору, игумену Прокопію Колачинскому, и префекту, іеромонаху Иннокентію Поповскому, „который студентами владѣетъ", магистратскихъ урядниковъ съ почтительною просьбою наказать виновныхъ студентовъ, вернуть ими награбленное и принять мѣры, чтобы „впредь въ городѣ такого забойства и грабежу пріѣзжимъ людямъ и мѣщанамъ студенты не дѣлали, понеже всякій пріѣзжій съ польской стороны человѣкъ или жидъ, понесши въ Кіевѣ отъ студентовъ или отъ иныхъ майстрату неналежныхъ людей якую обиду, нашихъ мѣщанъ въ польскихъ городахъ грабитъ и забираетъ". Ректоръ не далъ на это никакого отвѣта, сославшись на то, что это дѣло префекта, а послѣдній отвѣтилъ такъ: «не токмо жиду не вернемо коня, але и всихъ васъ, мищанъ, будемо, розложивши, рузками (розгами) бити», въ доказательство чего онъ и крестъ поцѣловалъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, студенты снова подстерегли на улицѣ еврея Беню и хотѣли „смертно убить", но онъ убѣжалъ во дворъ кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго, „господарь" котораго Савва Можневскій «сховалъ его въ коморѣ». Студенты большою толпою ворвались въ дворъ, долго искали несчастнаго Беню и, не найдя, „похвалялися самого господаря розками бити". Въ сумерки Савва тайкомъ привелъ еврея въ ратушу, чтобъ его студенты на смерть не убили, и Беня провелъ ночь въ ратушѣ, подъ охраною.

Утромъ, 31 января, бурмистры послали своихъ урядниковъ въ верхній городъ къ воеводѣ съ докладомъ, что студенты великое «воровство» въ городѣ дѣлаютъ, а префектъ не хочетъ „дать съ нихъ никакой управы", и съ просьбой вступиться въ это дѣло. Тогда князь Хованскій послалъ къ ректору и префекту подьячаго приказной палаты Давида Фатѣева, да и бурмистрамъ велѣлъ послать съ нимъ своихъ людей; при этомъ посольствѣ ходилъ и потерпѣвшій Беня съ другимъ евреемъ Рафаломъ, толмачемъ войсковымъ. Ректоръ приказалъ отдать награбленное. Студенты отдали еврею лошадь, а мѣщанину Карпенку вернули

только кожухъ и четыре гроша денегъ. Но лишь только посланцы вышли за монастырскія ворота, какъ со двора высыпало въ погоню за ними около сорока человѣкъ студентовъ съ кіями и принялись бить еврея Беню. Подьячій и магистратскіе урядники едва успѣли укрыться въ ратушѣ. Черезъ нѣкоторое время прибрелъ туда тяжко избитый и „кровью сплынучій“ Беня; голова его пробита была до кости, и онъ жаловался, что съ него сорвали кошелекъ съ четырьмя рублями.

Когда воевода узналъ о новомъ „воровствѣ студентскомъ“, онъ послалъ въ коллегію капитана Титова со стрѣльцами съ требованіемъ, чтобы „тѣхъ воровъ студентовъ“ прислали въ приказную избу; но ректоръ и префектъ „тѣмъ посыльщикамъ не сказались“. Возвращаясь ни съ чѣмъ, посланные встрѣтили на улицѣ студента, на котораго имъ указали, какъ на участника въ нанесеніи еврею побоевъ; его немедленно арестовали. Тотчасъ на выручку товарища выбѣжали изъ коллегіи человѣкъ двѣсти студентовъ и стали отбивать его; но стрѣльцы справились съ молодежью, схватили изъ ея среды шесть человѣкъ и подъ конвоемъ повели въ верхній городъ. Вдругъ съ колокольни Братскаго монастыря раздался набатный звонъ, и со всѣхъ концовъ Подола стали сбѣгаться толпы студентовъ съ саблями, пистолями, дубинами и другимъ оружіемъ. Они бросились въ погоню за стрѣльцами, гнались за ними „до взвоза“ (нынѣшняго Андреевскаго спуска), многихъ между ними ранили, но товарищей не отбили, потому что капитанъ со стрѣльцами успѣли скрыться въ верхнюю крѣпость. Поворотивъ назадъ, толпы студентовъ разсыпались по улицамъ Подола, хватали встрѣчныхъ стрѣльцовъ, служилыхъ людей, мѣщанъ, били всѣхъ немилосердно; у извозчиковъ, стоявшихъ на рынковой площади, отняли лошадей и увели въ бурсу, а ихъ самихъ избили; потомъ повернули въ торговые ряды и стали громить лавки, бить мѣщанъ-торговцевъ и уничтожать товары. „А мы, сироты ваши (жаловались царю бурмистры и другіе магистратскіе урядники), боясь, чтобъ и намъ убійства и разоренія всему городу не было, заперлися и сидѣли въ ратушѣ, а наипаче для того, что на

рынку и по всѣхъ улицахъ студенты служивыхъ людей и мѣщанъ имая бьютъ, а въ Братскомъ въ большой колоколъ безперестанно бьютъ на сполохъ". Стоявшій на подольской заставѣ капитанъ Аристъ Фанидзинъ, заслышавъ набатъ, поспѣшилъ къ Братскому монастырю, чтобы узнать о причинѣ тревоги, но здѣсь за нимъ погнались студенты, и онъ едва успѣлъ вскочить въ ратушу. Сюда же поминутно прибѣгали избитые и раненные стрѣльцы и сказывали, что студенты царскихъ ратныхъ людей и мѣщанъ „убиваютъ смертно". Опасаясь, какъ бы студенты не раснесли и ратуши, бурмистры и лавники упросили капитана Фанидзина отправиться къ воеводѣ, донести ему „о студентскихъ бунтахъ" и просить отъ имени магистрата о вооруженной защитѣ. Храбрый капитанъ отважился пробраться въ верхній городъ, но не прямымъ, а окольнымъ путемъ, черезъ Кожемяцкія ворота. Скоро послѣ этого воевода прислалъ на ратушный дворъ большой отрядъ стрѣльцовъ, оберегая хранившуюся тамъ казну и „бороня" бурмистровъ и лавниковъ, „чтобы студенты майстрату и всего города не разорили и ихъ не позабивали". Теперь только магистратскіе урядники вышли изъ осады и въ полномъ составѣ отправились съ жалобою къ князю Хованскому, при чемъ сообщили ему, „что и въ то время, якъ ратные люди зъ верхняго города на ратушу въ большомъ числѣ на оборону нижняго города и всѣхъ мѣщанъ ишли, то безперестанне студенты на сполохъ въ болший колоколъ били и въ то время наготовилися ввесь нижній городъ разорити, а когда бъ не были присланы ратные люди, тогда бы студенты ввесь нижній городъ разорили и всѣхъ мѣщанъ позабивали".

Когда прекратился погромъ, со всѣхъ сторонъ потянулись „битые и граблепные", чтобы занести жалобы и „записать бои и грабежи",—мѣщане въ магистратъ, а „служивые" въ приказную палату. Князь Хованскій снесся съ митрополитомъ, и оба они послали въ коллегію приказъ, чтобы ректоръ и префектъ „про бои ратныхъ людей и про набатъ сыскали" и велѣли вернуть отнятыхъ у извозчиковъ лошадей. Послѣднія немедленно были возвращены, а относительно сыска ректоръ съ префектомъ

отвѣтили: „мы ратныхъ людей и въ набатъ бить не велѣли, а кто такъ чинилъ—не вѣдаемъ“. Судя по этому отвѣту, трудно было разсчитывать на то, чтобы начальство коллегіи произвело какое-либо разслѣдованіе и подвергло виновныхъ студентовъ заслуженному наказанію; о томъ же можно заключить и изъ жалобы магистрата, посланной царю тотчасъ послѣ событій 29—31 генваря. Подробно и въ живыхъ краскахъ описавъ все происшедшее, члены магистрата такъ оканчиваютъ свою челобитную: „и нынѣ такое жъ воровство не переставая студенты мѣщанамъ дѣлаютъ, да и на насъ, сиротъ вашихъ, всѣхъ бурмистровъ и урядниковъ, похваляются смертнымъ убійствомъ и всего города разореніемъ. Милосердный великій государь! Пожалуй насъ, сиротъ своихъ, по премногой своей царской милости: вели, государь, тѣмъ своевольнымъ студентомъ дати по розыску наказаніе, и впредь вели своимъ боярамъ и воеводамъ насъ, сиротъ вашихъ, отъ такого убійства и разоренія студентскаго оберегать, чтобъ намъ отъ нихъ въ конецъ не разориться“. [1]).

Такъ какъ донесенія кіевскаго воеводы во всемъ подтверждали челобитную мѣщанъ, то въ царской жалованной грамотѣ, данной въ началѣ 1700 г. кіевскому магистрату на маетности и на всѣ права и вольности, [2]) сдѣлано было слѣдующее прибавленіе: „буде имъ, мѣщанамъ, отъ студентовъ впредь какія обиды чиниться будутъ и, приходя на дворы ихъ, учнутъ что имать насильствомъ,—и ихъ имая, имъ, мѣщанамъ, кіевскихъ полковъ съ служилыми людьми приводить въ приказную избу, и будущимъ въ Кіевѣ бояромъ и воеводомъ тѣхъ студентовъ принимать и противъ ихъ (мѣщанъ) челобитья розыскивая, указъ чинить по Уложенью и по новоуказнымъ статьямъ, до

---

[1]) Жалоба мѣщанъ напечатана г. Каманинымъ въ его «Сборникѣ историч. матеріаловъ» вып. I, стр. 42—50. Донесеніе воеводы о безчинствахъ студентовъ — въ цитированномъ выше документѣ Архива Мин. Юстиціи.

[2]) Для исходатайствованія такой грамоты кіевскій войтъ Димитрій Полоцкій еще въ концѣ 1699 г. отправился въ Москву.

чего доведется". Такимъ образомъ, если начальство кіевской коллегіи почему-то было убѣждено, будто грамотой 1694 года ему даровано было исключительное право суда надъ учащимися, то теперь оно несомнѣнно лишалось этой привилегіи: настоящей грамотой магистрату предоставлялось право арестовывать буйныхъ студентовъ при помощи великороссійскихъ ратныхъ людей и передавать на судъ воеводѣ, который будетъ судить и наказывать виновныхъ не по мѣстному, а по болѣе строгому—великороссійскому праву.

Когда войтъ Полоцкій вернулся въ Кіевъ съ новопожалованной грамотой и объявилъ ее мѣщанамъ, вся коллегія, а съ нею и высшія духовныя власти впали въ уныніе и въ превеликое огорченіе. Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, незадолго предъ тѣмъ получившій, по жалобѣ войта, отъ патріарха Адріана отеческое внушеніе не отнимать у мѣщанъ земель, не нарушать ихъ исконнаго права выбора приходскаго духовенства и не подвергать ихъ за малыя вины анаѳемѣ, былъ сугубо огорченъ новымъ торжествомъ тѣхъ же мѣщанъ и униженіемъ любимаго его дѣтища—коллегіи. Не будучи въ состояніи примириться съ новымъ порядкомъ, въ силу котораго ненавистные ему мѣщане станутъ „за караулъ брать" благородную „молодь" и отдавать на судъ московскимъ приказнымъ, онъ послалъ царю Петру челобитную, въ которой желалъ представить генварьское событіе въ иномъ освѣщеніи и между прочимъ писалъ: „Братскаго училища дѣтямъ учинилося разореніе, къ чему подвели кіевскіе мѣщане ратныхъ государевыхъ людей, и тѣ училище разорили и взяли въ приказъ семь человѣкъ учениковъ", о чемъ просилъ учинить надлежащій розыскъ. „А что мѣщане получили себѣ жалованную грамоту, чтобъ тѣхъ учениковъ за караулъ брать, и то мнѣ слезно и учителемъ учинился болѣзненный случай". Ссылаясь затѣмъ на грамоту 1694 года, якобы освобождающую студентовъ коллегіи отъ подчиненія городскимъ властямъ, митрополитъ ходатайствовалъ о пожалованіи коллегіи новой грамоты, „чтобъ виннымъ школьнымъ ученикамъ наказаніе чинить въ

школахъ" и чтобы магистратскія и приказныя власти не имѣли никакого къ нимъ касательства [1]).

Эта челобитная не имѣла успѣха. Между тѣмъ столкновенія студентовъ съ мѣщанами хотя и продолжались, но уже не достигали прежнихъ безобразныхъ размѣровъ—можетъ быть именно потому, что мѣщане съ помощью стрѣльцовъ безъ стѣсненія хватали буяновъ „за караулъ" и тѣмъ предотвращали дальнѣйшія безчинства, а въ приказной избѣ, вѣроятно, мало церемонились съ учеными людьми. Съ этимъ позоромъ и униженіемъ никакъ не могла примириться коллегіатская молодежь, среди которой были вѣдь и сыновья полковниковъ, обозныхъ и другихъ старшинъ. Много разъ студенты и даже профессора умоляли митрополита избавить коллегію отъ этого „неудобоносимаго ига", но что могъ онъ предпринять въ виду неуспѣха первой попытки? Лишь послѣ того, какъ бывшій питомецъ и впослѣдствіи преподаватель и префектъ кіевской коллегіи, рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій занялъ высокій постъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, Ясинскій рѣшился прибѣгнуть къ его ходатайству и въ іюнѣ 1701 года послалъ ему письмо такого содержанія: „били-де челомъ ему, Варлааму, кіевскихъ братскихъ школъ учители, что кіевскій войтъ и мѣщане великую обиду имъ чинятъ противу крѣпостныхъ великаго государя грамотъ, данныхъ имъ, привлекая себѣ власть и волю взять студента въ ратушную тюрьму, не извѣщая власти духовной, ректору и префекту, какъ было изъ начала того училища, но еще изъ своей тюрьмы отдаютъ въ верхній городъ къ генералу [2]), который тѣмъ хвалится, что имѣетъ власть сажать въ тюрьму студентовъ, каково иго и работа есть неудобоносимо". Поэтому Ясинскій „всеусердно" просилъ Стефана Яворскаго, дабы онъ былъ „ходатаемъ къ великому государю въ подаяніи полномощной грамоты и крѣпости, чтобъ тѣмъ училищамъ не

---

[1]) Документъ Моск. Архива Мин. Юстиціи.

[2]) Кіевскій воевода въ то время былъ переименованъ въ генералъ-губернатора.

имѣли отнынѣ мѣщане и генералъ-губернаторъ надъ студентами власти и воли, а какой студентъ провинится, чтобы искать управы въ належащемъ судѣ и правѣ: школъ братскихъ кіевскихъ у ректора и префекта, какъ было и прежде изначала". Къ этому письму Варлаамъ Ясинскій приложилъ и подлинное прошеніе учителей и учениковъ коллегіи слѣдующаго содержанія [1]): „Академія ихъ Кіево-Могилянская, отъ прежняго своего основанія будучи равными привилегіями, какъ обыкновенно инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ право свободность имѣти, утверждена, нынѣ несвободна есть, но подъ игомъ тяжкой обиды пребывающая, и просятъ его, митрополита, слезно о помощи отъ мѣщанъ кіевскихъ, которые-де прошлаго году, ставъ за одного невѣрнаго жидовина, привели на ихъ школы служилыхъ людей и много сдѣлали кровопролитія, а иныхъ, какъ злодѣевъ, взявъ въ приказную избу, въ цѣпи посадили; а и окромѣ того, мѣщане дерзаютъ многажды не къ праву школьному и его, митрополита, начальству, но въ тюрьму ратушную студентовъ берутъ и оттуду безъ всякого разсмотрѣнія отдаютъ въ верхній городъ, какъ нынѣ, въ Свѣтлую недѣлю, ихъ, студентовъ, много раненыхъ и битыхъ было отъ мѣщанъ нещадно; и били-де челомъ они о управѣ въ верхнемъ городѣ генералу, надѣясь, что онъ дастъ имъ на нихъ (мѣщанъ) управу такую, какъ и надъ ними (студентами) даетъ. И онъ, генералъ, посланныхъ ихъ старцевъ обезчестя, сказалъ, что онъ не имѣетъ власти надъ мѣщанами, а надъ школами-де власть онъ и студентовъ въ тюрьму брать имѣетъ. О чемъ найпокорно его, митрополита, просятъ, чтобъ онъ своимъ челобитьемъ къ великому государю потщался объ нихъ умолити о освобожденіи ихъ отъ плѣненія и отъ безчинства и дерзости мѣщанъ кіевскихъ, а въ чемъ ихъ, студентовъ, случится вина, судъ бы былъ въ академіи". Подъ этимъ прошеніемъ подписались: „Его царского

[1]) Къ сожалѣнію, какъ это прошеніе, такъ и приведенныя выше челобитную и письмо Ясинскаго мы имѣемъ не въ подлинномъ текстѣ, а въ приказномъ экстрактѣ, по документу Архива Мин. Юстиціи.

пресвѣтлаго величества академіи кіевской префектъ и школъ учитель наукъ философскихъ и богословскихъ, іеромонахъ Иннокентій Поповскій именемъ и прочихъ всѣхъ учащихъ, отцевъ учителей и профессоровъ.—Его царскаго пресвѣтлаго величества стольникъ Николай Зотовъ, во академіи кіевской учащійся [1]).—Григорій Новицкій, префектъ конгрегаціи.—Семенъ Мировичъ, вице-префектъ, намѣстникъ префекту, полковниченко переяславскій.—Семенъ Лизогубъ, полковниченко черниговскій.—Семенъ, Василій, Павелъ, полковниченки прилуцкіе [2]).—Яковъ Лисица; Григорій Голубъ, именемъ и прочихъ всѣхъ учащихся во академіи кіевской".

Въ этомъ прошеніи, помимо подписей студентовъ, нарочито выбранныхъ изъ представителей малорусской и даже великорусской знати, весьма любопытна ссылка просителей на какія-то исконныя права коллегіи, которыми она, наравнѣ съ иностранными академіями, пользовалась якобы съ самаго основанія своего.

Царь Петръ уважилъ ходатайство Яворскаго и слезную просьбу кіевскаго митрополита; грамотою отъ 26 сентября 1701 года, онъ утвердилъ прежнюю грамоту 1694 года, предоставивъ ректору и префекту коллегіи судъ надъ студентами, но съ такимъ добавленіемъ, что если они виновнымъ студентамъ „управы чинить не учнутъ", то обиженные могутъ входить съ жалобами на ректора и префекта къ митрополиту; если же и митрополитъ не захотѣлъ бы дать надлежащаго удовлетворенія, въ такихъ случаяхъ виновные студенты подвергаются суду кіевскаго генералъ-губернатора на общемъ основаніи, но послѣднему при этомъ вмѣнялась въ обязанность особенная осмотрительность, чтобы и права коллегіи не были нарушены, и „государевымъ дѣ-

---

[1]) Изъ другого документа, помѣщеннаго въ сент. кн. «Кіевской Старины» 1893 г., мы знаемъ, что въ августѣ 1700 г., по царскому дозволенію, отпущенъ былъ въ Кіевъ, «въ академію, для наукъ свободныхъ», сынъ думнаго дьяка, стольникъ Кононъ Никитичъ Зотовъ. Не былъ ли Николай Зотовъ его братомъ?

[2]) Т. е. сыновья Дмитрія Горленка, тогдашняго прилуцкаго полковника.

ламъ неуправленія" не послѣдовало, «и студентамъ къ невоздержанію ихъ потачки не было».

Эта мѣра, конечно, не сразу умиротворила буйное студенчество. Посѣтившій въ томъ же 1701 году Кіевъ московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ вынесъ такое впечатлѣніе о студентахъ и ихъ отношеніяхъ къ мѣщанамъ: „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ много: попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучитъ, пришедши ночью, да и укокошатъ хозяина-то, а съ двора корову или овцу сволокутъ. Нѣтъ на нихъ суда; скаредно сильно; попущено воровать пуще московскихъ солдатъ. А вечеръ пришелъ, то пошли по избамъ псалмы пѣть да хлѣба просить; даютъ имъ всячиною, и хлѣбомъ и деньгами, а иные имъ даютъ убоясь".

Лукьяновъ, конечно, не самъ выдумалъ, будто студентамъ «попущено отъ митрополита», а слышалъ это отъ кіевлянъ. Дѣйствительно, никогда коллегіаты такъ не безчинствовали, какъ въ управленіе Варлаама Ясинскаго. Бывали у нихъ и впослѣдствіи столкновенія съ мѣщанами, но такого погрома, какой они учинили въ 1700 году, больше не бывало.

---

58. Цыганы и евреи.

Хотя Литовскій Статутъ 1588 года предписывалъ поголовное изгнаніе изъ предѣловъ государства всѣхъ цыганъ, какъ праздныхъ и вредныхъ людей, живущихъ обманомъ и кражей, и угрожалъ крупнымъ штрафомъ за передержательство ихъ, тѣмъ не менѣе цыганы благополучно проживали въ польско-литовскомъ государствѣ, кочуя по всѣмъ его областямъ. Въ гетманщинѣ жилось имъ привольнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Общая свобода передвиженія вполнѣ благопріятствовала ихъ привычкѣ къ кочевой жизни, а малороссійская простота и довѣрчивость открывали широкое поле цыганской ворожбѣ и хитростямъ. Любимымъ занятіемъ цыганъ и тогда было кузнечество и лошадиный промыселъ, въ связи съ чѣмъ находились и найболѣе обычные ихъ преступленія—фабрикація фальшивой монеты и конокрадство.

Въ октябрѣ 1684 г., во время ярмарки, въ Кобелякѣ были пойманы „миндзари“ [1]) цыганы, фабриковавшіе мѣдные чехи и пускавшіе ихъ въ оборотъ при помощи „переводчиковъ“, мѣстныхъ шинкаровъ. Ихъ, вмѣстѣ съ переводчиками, отправили подъ конвоемъ въ Полтаву, въ полковой судъ. Чѣмъ окончилось это дѣло—не извѣстно; по Лит. Статуту, фальшивомонетчики подлежали смертной казни чрезъ сожженіе.

А вотъ случай конокрадства.

Весною 1657 г. группа „прочанъ“ [2]) ночевала подъ с. Шаповаловкою, близъ Борзны, пустивъ спутанныхъ коней „на попасъ“. Къ утру исчезли лошади. Стали искать по „слѣду“; слѣдъ привелъ въ березнякъ, по другую сторону Борзны, гдѣ и были накрыты три цыгана съ уворованными лошадьми. Ихъ привели къ сотнику, который произвелъ разслѣдованіе, и затѣмъ дѣло поступило въ нѣжинскій полковой судъ. Несмотря на явныя улики, цыганы, оказавшіеся извѣстными „волоцюгами ярмарковыми“, „не зналися до учинку“ и утверждали, будто отъ нихъ отобраны ихъ собственныя лошади. Судъ, согласно Статуту, велѣлъ потерпѣвшимъ „поприсягнути“ своихъ „виноватцовъ“: одинъ долженъ былъ присягою подтвердить, что „не такъ ёго коня спутано, якъ онъ былъ спутанъ его путомъ“, а другой—что „не его уже путомъ коня его спутано“. Послѣ совершенія присяги, цыганы отданы были „на квестію“; два изъ нихъ признались въ кражѣ, а третьяго сколько ни мучили, ничего отъ него не добились. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ всѣхъ трехъ къ висѣлицѣ.

Любопытно, что въ тотъ же самый день нѣжинскій судъ разсмотрѣлъ однородное дѣло „о украденье коня зъ ночлѣгу“ нѣкіимъ Степаномъ Якубенкомъ, но послѣдній понесъ „вольнѣйшее каранье“: онъ былъ подвергнутъ отрѣзанью уха и позорному изгнанію изъ города. Очевидно, судъ не оказалъ по-

---

[1]) Польское mincarz, нѣм. münzer, монетчикъ.

[2]) *Прочане*—переселенцы, «идущіе на слободы».

щады цыганамъ потому, что это племя вообще пользовалось дурною славою въ Малороссіи.

—

У тогдашняго стихотворца Климентія есть вирша: „О цыганахъ и жидахъ", начинающаяся такъ:

Цыгане та жиды едни еднимъ равни,
Поневажъ вельми тие люде есть злонравни,
Бо въ ныхъ только есть правды, якъ въ шелягу сребра...
Збытечные людямъ чинятъ ошуканства...

Покойный П. А. Кулишъ, напечатавшій эту виршу, предполагалъ, что она относится къ польской Украинѣ, такъ какъ-де евреямъ не было доступу въ козацкую Украину до временъ Екатерины II. Дѣйствительно, при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣливался и показываться въ козацкомъ краѣ, а тѣ изъ евреевъ, которые не успѣли бѣжать отсюда, подверглись истребленію или же приняли крещеніе [1]). Проѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссію Павелъ Алеппскій расточаетъ похвалы свирѣпости, съ какою козаки искореняли іудеевъ, и восхищается тѣмъ, что въ краѣ не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа". Но не прошло и четверти вѣка послѣ Хмельницкаго, какъ евреи снова стали исподоволь появляться въ козацкой странѣ. Прежняя народная ненависть и злоба къ нимъ, видимо, была забыта, и евреи, разъѣзжая по ярмаркамъ, не только сознаютъ себя въ полной безопасности, но иные прямо ведутъ себя дерзко, вызывающе по отношенію къ мѣстному населенію. Вотъ, для примѣра, характерная запись въ полтавской актовой книгѣ 1684 года—если не ошибаемся, первое по времени документальное свидѣтельство пребыванія евреевъ въ гетманщинѣ: „На ярмарку тутейшомъ о Воздвиженіи честнаго креста Господня, жидъ Ицикъ менуе-

[1]) Многіе изъ такихъ «перехрыстовъ» сдѣлались родоначальниками старшинскихъ (впослѣдствіи дворянскихъ) фамилій въ Малороссіи.

мый, з Прилуки мешканець, од суботи до понеделка (13—15 сент.) з многими особами духовними и свѣцкими диспутуючись, значне хулилъ вѣру нашу християнскую; а потомъ, впросившись до Трохима, обывателя полтавского, перегонити горѣлку, посеред ночи в хату уйшол до молодицѣ, хотячи ее зкгвалтовати (изнасиловать), еднакъ тотъ Трохимъ, вже ведле (подлѣ) своеи жоны жида того зловивши, оповѣстилъ врядови". Какъ же поступилъ урядъ съ дерзкимъ евреемъ? „За тое проступство (отмѣчено въ протоколѣ) взято в того жида коня з возомъ и з горѣлкою до двора полковничого". Можетъ быть, съ Ицыкомъ такъ милостиво было поступлено потому, что тогдашній полтавскій полковникъ Павелъ Герцикъ самъ былъ сыномъ крещеннаго еврея, торговавшаго въ Полтавѣ иголками и шпильками.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ 1680-хъ годахъ евреи свободно проживали (хотя и въ маломъ количествѣ) въ Малороссіи, разъѣзжали по ярмаркамъ и торговали водкою. Въ роли осѣдлыхъ корчмарей и шинкаровъ они пока еще не выступаютъ.

Но вотъ предъ нами процессъ о евреяхъ, занимавшихся болѣе предосудительнымъ промысломъ. Дѣло происходило въ Стародубѣ, въ ноябрѣ 1690 года. Незадолго предъ тѣмъ поселился здѣсь еврей Ирша Якубовичъ, „захожій" изъ м. Народичъ, Овручскаго повѣта. Кромѣ двухъ сыновей, при немъ проживали „два жидки молодыхъ" Израиль и Гаврило, которые, „постерегши, знатъ, по немъ шкодливые христіянскому жытыю поступки, отверглися злого ихъ еврейского невѣрыя", приняли крещеніе и были переименованы въ Романа и Михайла. Желая свести какіе-то счеты съ прежними единовѣрцами, эти неофиты выступили въ полковомъ судѣ обвинителями Ирши въ томъ, что онъ, „живучы межи християнами, маетъ такихъ злочынцовъ, которые, крадучы въ людей конѣ и рѣчы иншыѣ, потаемне продаютъ ему". При этомъ они назвали нѣкоего Петра Кондратенка, какъ одного изъ такихъ „жидовскихъ переводниковъ". Онъ оказался выходцемъ изъ Стеблева, что близъ Корсуня. Его и еврея Иршу съ

двумя сыновьями тотчасъ разыскали и привели въ судъ. Всѣ они, конечно, отрицали взводимыя на нихъ преступленія, но когда Кондратенку пригрозили сѣченіемъ, онъ сталъ виниться и такъ показалъ:

— Жыдъ Ирша Якубовичъ зъ сынами своими подмовили мене на переводню—красты имъ кони, которыхъ южъ я, на розныхъ мисцехъ, въ розныхъ людей укравши зъ десятеро, безцинне (задешево) попродалемъ жыдамъ поменеными.

Слыша это сознаніе, выкресты Романъ и Михайло прибавили:

— Въ того жъ злочынця Петра жыдъ Ирша не тылко краденые куповавъ кони, але и казаны горилчаные такіе жъ краденые покупывъ.

Кондратенко, „за погрозкою постронковою“, долженъ былъ сознаться, что укралъ казаны у нѣкоей Хваихи и продалъ евреямъ.

Старый Ирша „ни до чого не признался“, говоря:

— Не знаю того и не видаю; хиба мій сынъ якый безъ видома мого вчынывъ тое.

А обвинители все не унимались. Выкрестъ Михайло разсказалъ слѣдующее:

— Въ семъ же року 1690, о празницѣ Вознесенія Господня, йидучи мы зъ Мошкомъ Иршовичомъ, жыдомъ, зъ Почеповского ярмарку, сталы на ночлигъ подъ Почепомъ, подля горы Бабынои, де при початку ночи противко цегельни ставши, покилкокротне Иршовичъ ходывъ подъ ночлижныкы для крадижкы коней, але вертався, бо брехалы собакы; потимъ, пойшедшы подъ туманъ, ранкомъ, украли двое коней, зъ которыхъ едного познналъ Заруцкій, а другого Мошко мни отдавъ, а я того коня проминявъ на діоготь. А старый Ирша на самый празныкъ Рождества Богородици, въ Яремы, такого жъ злодія, купывъ четверо коней и попродавъ рознымъ людемъ на сторону.

Романъ разсказалъ еще худшее о другомъ сынѣ Якубовича, Копелѣ Иршовичѣ:

— Едного разу оный Копель, звирывшися мни, яко жыдови такому жъ на тотъ часъ будучому, повидавъ: „Я, прави, и братъ мій слипый, та жыдокъ докторчикъ, который мешкавъ въ городи Коропови, згубилисмо за Христиновкою, за рикою Ушею,[1]) чоловика именемъ Микиту, купца кіевского, которому перше зъ отрутою въ ротъ улили килишокъ горилкы, потымъ оного вожками задавили до смерты".

Такъ какъ обвиняемые отрицали всѣ эти факты, то въ виду предстоявшаго слѣдствія полковой судъ велѣлъ арестовать Кондратенка и обоихъ Иршовичей, а съ ихъ отца взялъ подписку въ томъ, что по всѣмъ означеннымъ обвинепіямъ онъ обязанъ „усправедливитися зъ доводами певными, где належатиметъ". Къ сожалѣнію, дальнѣйшій ходъ этого дѣла не извѣстенъ.

Судя по даннымъ этого документа (и другимъ), можно полагать, что евреи раньше всего стали проникать изъ Бѣлоруссіи и Кіевскаго Полѣсья именно въ сѣверную Украину и что къ концу XVII ст. ихъ было здѣсь больше, чѣмъ въ южныхъ полкахъ. Промышляли они здѣсь перепродажей лошадей по ярмаркамъ, торговали дегтемъ, а нѣкоторые изъ нихъ слыли „докторчиками", т. е. занимались врачевствомъ. Послѣднее не удивительно, если вспомнимъ, что на Волыни еще во второй половинѣ XVI ст. было немало ученыхъ докторовъ евреевъ, практиковавшихъ среди мѣстныхъ магнатовъ и шляхты; много было евреевъ и между тамошними „балверами" (фельдшерами). Проникая въ сѣверную Украину, евреи скоро начали арендовать панскіе шинки и корчмы, а попутно съ этимъ занимались конокрадствомъ, устройствомъ воровскихъ притоновъ и сбытомъ краденнаго. Скоро послѣ того ихъ стали обвинять и въ тайныхъ убійствахъ. Неудивительно, что именно въ сѣверной Малороссіи евреи возбудили противъ себя всеобщее неудовольствіе, и не далѣе какъ въ 1704 г. въ черниговскомъ полку про-

---

[1]) Христиновка—нынѣ дер. Овручскаго у., при впаденіи рч. Норыни въ Ушу.

ивошелъ настоящій еврейскій погромъ, не распространившійся на другіе полки лишь благодаря принятымъ Мазепою предохранительнымъ мѣрамъ.[1]) А въ гетманство Скоропадскаго и Апостола издается уже рядъ универсаловъ о повсемѣстномъ изгнаніи іудеевъ изъ предѣловъ Малороссіи, и только въ царствованіе Екатерины II они снова пріобрѣли здѣсь право гражданства.

Ор. Левицкій.

---

[1]) См. очеркъ Н. И. Костомарова „Жидотрепаніе въ начал XVIII ст.“, въ Кіевской Старинѣ 1883 г., кн. 1 и 3.

О происхожденіи слова „кацапъ“.

Въ № 301 (1 ноября 1901 г.) газеты „Русское Слово“ напечатана замѣтка Д. И. Эварницкаго: «Что значитъ слово „кацапъ“?».

Указавъ на неудачныя, по его мнѣнію, объясненія Н. И. Костомарова (кацапъ=цапъ, т. е. козелъ) и А. И. Бородая (кацапъ=катъ-цапъ, т. е. палачъ-козелъ), г. Эварницкій пишетъ далѣе:

„Занимаясь въ Архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ, я нашелъ нѣсколько малороссійскихъ документовъ половины XVIII вѣка, въ которыхъ слово „кацапъ“ писалось не съ буквою *и*, а съ буквою *с*, т. е. не „кацапъ“, а „касапъ“. Обратившись затѣмъ отъ архивныхъ документовъ къ языку туземцевъ Средней Азіи, я узналъ, что у сартовъ есть слово „касабъ“ или „касапъ“, что въ буквальномъ смыслѣ значитъ „мясникъ“ и въ переносномъ—„живодеръ“. Отсюда я и вывожу заключеніе, что теперешнее словъ „кацапъ“ вовсе не русскаго, а восточнаго, правдоподобно—татарскаго происхожденія, какъ слова: деньга́ (по-татарски—„тенга́“), хомутъ („хамутъ“) сундукъ („сандукъ“) и другія, которыя, однако, считаются у насъ за давностью чисто русскими. Идя далѣе, я допускаю, что первоначально кличкою „касапъ“ обзывали русскіе татаръ въ смыслѣ „насильниковъ“, „притѣснителей“, „живодеровъ“; потомъ это слово настолько акклиматизировалось на Руси, что стало считаться чисто мѣст-

нымъ и прикладываться уже къ самимъ русскимъ въ томъ же бранномъ смыслѣ, какъ другое татарское слово „харцызъ“ (разбойникъ) акклиматизировалось у простого малороссійскаго населенія и употребляется въ смыслѣ разбойника или злодѣя вообще. Отъ великороссовъ слово „кацапъ“ могло быть занесено къ малороссамъ въ эпоху великороссійской боярщины на Украйнѣ, въ XVII вѣкѣ, послѣ гетмана Богдана Хмельницкаго. По крайней мѣрѣ, такое объясненіе не заставляетъ насъ ни отбрасывать слова, ни вставлять новаго, а лишь допускаетъ замѣну буквы *ц* буквою *с*, да и то оправдываемую архивными документами“.

По поводу этой догадки г. Эварницкаго слѣдуетъ замѣтить, что слово *casap* (=перс. hasap, т. е. lanio, раздираю; по-арабски—*kassab*), въ значеніи мясникъ, macellarius, отмѣчено уже въ куманскомъ, т. е. въ половецкомъ, словарѣ и слѣдовательно употреблялось половцами побережья Чернаго моря, а можетъ быть и венгерцами еще до 1303 г. [1]). Въ таранчинскомъ, крымскомъ, османскомъ, адербеджанскомъ нарѣчіяхъ и въ чагатайскомъ книжномъ языкѣ также существуетъ слово *кассап* (въ крым. и осм. — въ формахъ *касап* и *хасап*) въ значеніи мясникъ, а въ османскомъ—и въ переносномъ смыслѣ (*адам кассабы*—лютый человѣкъ, деспотъ; *кассап одлу*—мошенникъ, шельма; буквально—сынъ мясника). Въ переведенной троцкими и луцкими караимами книгѣ прор. Даніила встрѣчается слово *кассапчы* въ значеніи палачъ. У крымскихъ татаръ слово *кассап* (=хэссап) даже вошло въ поговорку о мясникѣ и козлѣ: мясникъ хлопочетъ лишь о салѣ, а для козла дѣло идетъ о жизни. [2]).

Что касается перехода въ живомъ говорѣ звука *с* въ *ц* (*касап, кассап,* и „кацапъ“), то примѣровъ тому можно найти

---

[1]) См. Com. Géza Kuun, Codex cumanicus (Badapestini, 1880), 101, 267, 323.

[2]) В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Т. II, Спб., 1895—99), 349, 358, 1686 и указатель арабской транскрипціи).

немало. Прямую параллель можно указать хотя бы въ словѣ „харцызъ“, на которое ссылается г. Эварницкій и которое донынѣ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи. Соотвѣтствующее нашему „харцызу“ слово въ крымскомъ и османскомъ нарѣчіяхъ звучитъ *хырсыз* (тоже въ значеніи воръ, разбойникъ), съ несомнѣннымъ *с*, что отчасти подтверждается и транскрипціей въ текстахъ араб., осман. и греч. Если же сопоставлять наше слово „харцызъ“ съ крымскимъ и османскимъ *карарсыз* и *харарсыз* (въ знач. непостоянный, безпокойный), то въ приставкѣ *сыз* (=безъ) звукъ *с* тоже не подлежитъ сомнѣнію. [1])

Такимъ образомъ, чтобы найти созвучія для малорусскаго слова „кацапъ“ въ тюркскихъ нарѣчіяхъ, нѣтъ нужды обращаться непремѣнно къ языку туркменъ-сартовъ: слово это, въ прямомъ и переносномъ значеніи своемъ, получило, повидимому, съ давней поры, распространеніе и у другихъ тюрковъ, находившихся въ культурномъ взаимодѣйствіи съ южной Русью, именно у половцевъ, османлисовъ или малоазійскихъ сельджуковъ, крымскихъ татаръ, а также у литовскихъ караимовъ, выходцевъ изъ Крыма, усвоившихъ языкъ послѣдняго.

Догадка г. Эварницкаго о странствованіяхъ слова „*кассап*“ отъ татаръ въ Великую Россію, а оттуда въ Малую, конечно, мало убѣдительна и не можетъ быть принята. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы г. Эварницкій опубликовалъ выдержки изъ архивныхъ документовъ, на которые ссылается въ своей замѣткѣ.

По поводу соображеній г. Эварницкаго г. Г. Б. въ газетѣ „Кіевлянинъ“ (№ 308—7 ноября 1901 г.) предлагаетъ свою догадку.

„Мнѣ кажется—пишетъ г. Г. Б.—болѣе вѣроятнымъ, что слово „кацапъ“ (а не касабъ)—еврейскаго корня. На талмудическомъ языкѣ глаголъ „кацебъ“ означаетъ буквально—*рѣзать* (трак. бецца, л. ii), а въ переносномъ—*опредѣлять*. Отсюда

---

[1]) В. Радловъ. Опытъ, II, 158 и 1720 сл.

употребляемое и въ настоящее время у евреевъ слово „кáцабъ“ означаетъ: рѣзникъ-мясопромышленникъ, въ отличіе отъ „шохетъ“—рѣзника, занимающагося исключительно убоемъ скота по еврейскому религіозному обряду.

Можно допустить, что сказанное слово перешло въ русскій языкъ уже въ старину отъ занимавшихся скотоводствомъ половцевъ-куманъ, среди которыхъ, какъ полагаютъ ученые, были и іудеи, чѣмъ и объясняется присутствіе въ куманскомъ словарѣ нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ, какъ, напр. *тóра* (законъ) и др.“

Эта догадка возбуждаетъ большія сомнѣнія.

Совершенно вѣрно, что глаголъ *kazaw*, и производныя причастія и прилагательныя, встрѣчается въ древне-еврейскомъ и притомъ не только въ языкѣ талмуда, но и въ библіи (1 кн. царствъ, VI, 25; II кн. царствъ, VI, 7; Пѣснь пѣсней—IV, 2) въ значеніи рѣзать, распредѣлять. Произносить это слово можно и *kazaw*, и *kazab*, такъ какъ въ текстахъ безъ пунктуаціи разница между еврейскими *b* и *w* исчезаетъ. Въ подобныхъ случаяхъ сефарды произносятъ *б*, а ашкенази (почти всѣ русскіе евреи) произносятъ *w*. Въ талмудѣ (тракт. Беца, 11, 25 et pas.) слово *kazow* употребляется въ значеніи мясника, разрѣзывающаго и распредѣляющаго части животныхъ по сортамъ. Въ этомъ значеніи слово перешло и въ еврейскій жаргонъ, на которомъ мясникъ именуется *kazow*, но произносится *kazew* (подобно древнееврейскому *ganow*, воръ, которое произносится *ganew*, и т. п.). Слово *kazew* у современныхъ русскихъ евреевъ означаетъ рѣзника низшаго ранга, въ отличіе отъ шохета, который послѣ ритуальнаго зарѣза животнаго не прикасается уже къ тушѣ. Ремесло *kazow'a* или *kazew'a* не пользуется особымъ почетомъ въ еврейскихъ народныхъ понятіяхъ; такъ, на жаргонѣ есть пословица: когда kazew отошелъ отъ колоды (для разрубливанія мяса), подбѣгаетъ собака [1]).

---

[1]) За сообщеніе этихъ подробностей о еврейскомъ kazow'ѣ приношу благодарность А. Цейтлину. Слова *kasah*, *kazaw*, *kaza* и *kazaf*—см. въ евр. словарѣ Фишера, изд. 1827 г., 441, 783 и 785.

Такимъ образомъ, созвучіе словъ и общность обозначаемыхъ ими понятій и въ данномъ случаѣ неоспоримы. Но г. Г. Б. ничѣмъ не установилъ отношеніе талмудическаго *kazow* къ соотвѣтственнымъ персидскимъ и тюркскимъ словамъ; между тѣмъ переходъ нѣкоторыхъ персидскихъ и тюркскихъ словъ въ арамейскій языкъ и затѣмъ въ талмудъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. [1]) Тѣмъ менѣе можно считать доказаннымъ позаимствованіе куманскаго *kasop* отъ талмудистовъ-евреевъ. Приводимое г. Г. Б. въ видѣ аналогіи др. евр. слово *torah* въ значеніи законъ въ куманскомъ словарѣ и глоссахъ не встрѣчается [2]). Вообще, вліяніе языка талмуда на куманское нарѣчіе донынѣ, сколько извѣстно, никѣмъ не установлено; о ближайшихъ связяхъ половцевъ съ евреями также молчатъ изданные пока источники. Исторія термина *cazow* въ древнееврейской письменности требовала-бы ближайшаго изслѣдованія, такъ какъ простая созвучность словъ, очевидно, недостаточна для догадокъ, подобныхъ высказанной г. Г. Б. [3]). Поэтому, до представленія дальнѣйшихъ доказательствъ, теорія позаимствованія малорусскаго „кацапъ“ у евреевъ при посредствѣ половцевъ должна быть признана произвольною. Если полагаться на созвучія, то едва-ли не правдоподобнѣе всего искать ближайшую для насъ родину этого браннаго слова у крымскихъ и ногайскихъ татаръ.

Въ языкѣ нерѣдко сохраняются драгоцѣнные слѣды пережитыхъ моментовъ исторіи и культурныхъ отношеній народовъ.

---

[1]) Géza Kuun, op. c., LXIX.

[2]) Есть, правда, въ томъ же значеніи формы torä, törä и toura (исправленное другой рукой въ törä. Ср. еврейскій выговоръ *тойра*). Однако, ученый издатель половецкаго словаря гр. Геза Кунъ призналъ возможнымъ сопоставить эти куманскія формы съ казанскимъ *türä*, судья, и съ чагатайскимъ törä, законъ, но не съ евр. *torah*.

[3]) Такъ, напр., въ венгерскомъ тоже встрѣчается глаголъ *kaszabol* (чит. кáсабол) въ значеніи раздѣлывать свиную тушу, рѣзать, рубить на части, но оно происходитъ отъ славянской косы (венгер. *kasza*).

Но при обсужденіи судьбы словъ и связанныхъ съ ними понятій и явленій недостаточно простыхъ созвучій: необходимо прослѣдить исторію словъ по памятникамъ письменности и въ живыхъ говорахъ, и лишь при этомъ условіи возможно разсчитывать на прочные результаты. Любителямъ созвучій слѣдуетъ вспомнить хотя-бы печальную участь работъ покойнаго дилетанта филолога Платона Лукашевича, многочисленные корнесловы котораго не принесли пользы наукѣ, ибо ничего не уяснили.

Н. М.

Николай Ильичъ Стороженко

(по поводу 30-тилѣтія его профессорской дѣятельности).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ текущаго года окончилось тридцатилѣтіе профессорской дѣятельности извѣстнаго русскаго ученаго, профессора московскаго университета, Николая Ильича Стороженка, одного изъ лучшихъ шекспирологовъ не только у насъ въ Россіи, но и въ Англіи, гдѣ онъ былъ избранъ вице-президентомъ „Новаго Шекспировскаго Общества". Занимая каѳедру всеобщей литературы, Н. И. Стороженко главныя свои работы посвятилъ изученію и разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ разнообразными литературными теченіями въ жизни западно-европейскихъ народовъ, и въ то-же время, будучи уроженцемъ Малороссіи, онъ удѣлялъ свои немногіе досуги талантливому освѣщенію нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни своей родины, по преимуществу дѣлясь плодами своихъ изслѣдованій съ нашимъ изданіемъ. Это послѣднее не только даетъ намъ право, но и обязываетъ насъ посвятить имени уважаемаго нашего сотрудника нѣсколько страницъ въ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины".

Н. И. Стороженко, принадлежа къ старинному козацкому роду, внесенному давно уже въ родословныя дворянскія книги нѣсколькихъ малорусскихъ губерній, родился 30 мая 1836 года въ полтавской губерніи, въ прилуцкомъ уѣздѣ. Воспитаніе свое получилъ онъ въ кіевской I-ой гимназіи, а затѣмъ въ москов-

скомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету. Не можемъ не отмѣтить здѣсь того факта, что занятія его въ студенческій періодъ направлены были, если не исключительно, то во всякомъ случаѣ въ значительной долѣ, на изученіе исторіи Малороссіи и малорусской этнографіи. Свидѣтельствуетъ объ этомъ не только то, что первой его печатной работой, еще на студенческой скамьѣ, считается разборъ извѣстнаго малорусскаго литературнаго сборника, изданнаго въ Саратовѣ Костомаровымъ и Мордовцевымъ, помѣщенный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1859 года, но и тѣ отрывочныя свѣдѣнія изъ его переписки въ 50-хъ г. съ двоюроднымъ братомъ В. А. Стороженкомъ, которыя имѣются у насъ въ рукахъ. Такъ, въ письмѣ отъ 3 марта 1857 года онъ пишетъ: „Въ минуты досуга и свѣтлаго настроенія я продолжаю заниматься исторіею Малороссіи и успѣлъ состряпать статейку по поводу изданія Кулиша „Записки о Южной Руси;“ хочу отдать ее въ „Русскій Вѣстникъ“, но не знаю, примутъ-ли. „Мѣсяцъ спустя, отправившись въ Петербургъ, онъ сообщаетъ своему корреспонденту слѣдующія интересныя строки въ письмѣ отъ 7-го апрѣля: „Петербургъ полонъ искушеній. Захотѣлось-бы побывать вездѣ, а это стоитъ много, а самое главное—тамъ есть хорошій польскій книжный магазинъ Вольфа, до котораго я хочу добраться. Въ послѣднее время вышло множество любопытныхъ вещей, касающихся исторіи Малороссіи, и чтобъ пріобрѣсть ихъ, нужно истратить до 100 руб. серебр., потому что польскія изданія очень дороги въ Петербургѣ.... Мнѣ обѣщали дать кое-что за мой разборъ Кулиша“. Нѣтъ у насъ свѣдѣній о томъ, была-ли напечатана эта статья гдѣ нибудь,—но въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 года мы ея не нашли. Что увлеченіе Н. И. Стороженка своей родной исторіей и всѣмъ, связывавшимъ его съ родиной, не прекращалось въ годы его студенческой жизни, видно еще и изъ послѣдующаго письма къ тому-же В. А. Стороженку, писаннаго изъ Петербурга 24 іюня 1861 года. „Въ Петербургѣ я познакомился со многими малороссами на концертѣ, данномъ въ пользу семейства

Шевченка; видѣлъ Алексѣя Петровича Стороженка,[1]) но по своему странному характеру не подошелъ къ нему. Если поѣду осенью, то непремѣнно познакомлюсь и поклонюсь отъ Васъ. Теперь легко это сдѣлать. Онъ бываетъ на вечерахъ у Черненка,[2]) устроенныхъ въ пользу семейства Шевченка съ платой за входъ по 50 к. Вечера эти имѣютъ исключительно національный характеръ; тамъ говорятъ исключительно по-малороссійски, Чумачевскій и Артемовскій поютъ малороссійскія пѣсни, словомъ—это авангардъ возрождающейся Малороссіи. Въ Москвѣ есть тоже подобныя собранія и называются *громадой*, но въ нихъ принимаетъ участіе только молодежь. Цѣль этой громады весьма похвальная: она хочетъ издавать книги для народа на малороссійскомъ языкѣ, но по сю пору не издала ничего."

Окончивъ Московскій университетъ, Николай Ильичъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, состоя преподавателемъ въ гимназіи и въ военномъ училищѣ. Въ этотъ періодъ онъ впервые заявилъ себя, какъ ученый, занявшійся изученіемъ Шекспира, результатомъ чего были публичныя лекціи, прочитанныя имъ въ Москвѣ въ 1864 году. Начиная съ этого времени, молодой ученый отдается главнымъ образомъ изученію великаго англійскаго драматурга и эпохи, современной ему, равно и предшествовавшей. Для этихъ занятій онъ проводитъ два года за границей, преимущественно въ Англіи. Плодомъ этихъ изученій былъ цѣлый рядъ его печатныхъ работъ, изъ которыхъ магистерская диссертація подъ заглавіемъ: „Предшественники Шекспира", напечатанная въ 1872 году, доставила ему всеобщую извѣстность и открыла для него каѳедру по исторіи все-

---

[1]) Извѣстный малорусскій беллетристъ—Олекса Стороженко.

[2]) Ѳедоръ Ивановичъ Черненко группировалъ вокругъ себя малороссовъ, жившихъ въ Петербургѣ. Къ нему, напримѣръ, направлены были всѣ письма художника Г. Н. Честаховскаго, описывавшія въ 1861 году проводы гроба Т. Шевченка изъ Петербурга на Украину, похороны поэта подлѣ Канева и устроеніе его могилы. (См. Кіевс. Стар. 1898 г. № 2).

общей литературы въ Московскомъ университетѣ. Съ этихъ поръ Николай Ильичъ Стороженко безпрерывно работаетъ, какъ ученый спеціалистъ, надъ вопросами всеобщей литературы, и одновременно ведетъ чтеніе лекцій въ университетѣ, позднѣе—на высшихъ женскихъ курсахъ, въ театральномъ училищѣ; затѣмъ принимаетъ онъ на себя предсѣдательство въ литературно-театральномъ комитетѣ и въ обществѣ любителей россійской словесности; наконецъ, беретъ онъ на себя обязанность библіотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ. Во всей этой дѣятельности своей Николай Ильичъ успѣваетъ заслужить всеобщее уваженіе къ себѣ, такъ какъ на каѳедрѣ, въ роли профессора и талантливаго лектора публичныхъ лекцій, онъ приковываетъ вниманіе слушателей богатымъ содержаніемъ лекцій и блистательнымъ изложеніемъ ихъ; какъ авторъ многочисленныхъ статей, интересныхъ и поучительныхъ по самымъ темамъ своимъ, онъ обнаруживаетъ въ нихъ стремленіе къ освѣщенію лучшихъ сторонъ въ человѣкѣ (Философія Донъ-Кихота; Апостолъ гуманности и свободы—Теодоръ Паркеръ; Поэзія міровой скорби,—и др.), и тѣмъ, естественно, вызываетъ въ обществѣ чувства высокой благодарности; какъ предсѣдатель въ обществѣ любителей россійской словесности, онъ заботится объ интересномъ содержаніи засѣданій его и устраиваетъ ихъ открытыми для публики; наконецъ, какъ библіотекарь въ Румянцевскомъ музеѣ, онъ тщательно пополняетъ библіотеку и по собственной иниціативѣ устраиваетъ возможность публикѣ пользоваться особымъ научно-популярнымъ отдѣломъ въ читальномъ залѣ. Однимъ словомъ, Николай Ильичъ Стороженко сдѣлался для Москвы однимъ изъ популярнѣйшихъ гражданъ ея, и казалось-бы, въ силу этого, могъ сознавать себя совершенно оторваннымъ отъ родной ему Малороссіи. Однако не заглохли въ немъ тѣ юношескія увлеченія своимъ роднымъ краемъ, которыя нами были уже указаны, а отозвались они и въ зрѣлые годы его жизни, сохранились и до настоящаго времени. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ, помимо всего прочаго, его сочувственное отношеніе къ нашему изданію, достиженію цѣлей и задачъ котораго онъ, по мѣрѣ возможности, всегда помогалъ

своимъ, очень цѣннымъ для насъ, сотрудничествомъ. Отвлекаемый своими спеціальными занятіями по всеобщей литературѣ далеко въ сторону отъ сюжетовъ, связанныхъ съ жизнью Малороссіи, онъ, однако-же, находилъ возможнымъ удѣлять немногіе досужные свои часы освѣщенію интересныхъ страницъ въ жизни того поэта, въ которомъ, какъ фокусѣ, сосредоточены до сихъ поръ всѣ основные лучи новой украинской поэзіи: Шевченко въ малорусской литературѣ, подобно Шекспиру въ англійской, сталъ для Н. И. Стороженка главнымъ предметомъ его изученія. Результатами этихъ своихъ изученій онъ и дѣлился по преимуществу съ „Кіевской Старивой".

Первой статьей, открывшей сотрудничество Н. И. Стороженка въ „Кіевской Старинѣ", была очень интересная его работа: „Первые четыре года ссылки Шевченка" (1888 г. № 10), написанная въ дополненіе свѣдѣній, сообщенныхъ въ книгѣ М. Чалаго: „Жизнь и произведенія Шевченка", и составленная по письмамъ поэта къ кн. В. Н. Репниной и по разсказамъ Ѳ. М. Лазаревскаго. Этой статьей Н. И. Стороженко нѣсколько приподнялъ ту завѣсу, за которой почти скрыты были тяжкіе для Шевченка годы его ссылки, тѣмъ болѣе, что переписка съ кн. Репниной считалась безвозвратно потерянной. Продолженіе разработки этого періода ссылки поэта пришлось Н. И. Стороженку сдѣлать на основаніи любопытнѣйшаго матеріала, ставшаго для него доступнымъ благодаря разрѣшенію Министра Внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново,—это „Дѣло о художникѣ Шевченкѣ", хранящееся въ архивѣ департамента полиціи. Первая статья Н. И. Стороженка, составленная по этимъ документамъ, помѣщена была въ „Кіевской Старинѣ" 1893 г. № 3 подъ заглавіемъ: „Новые матеріалы для біографіи Шевченка", и подъ тѣмъ-же заглавіемъ вторая статья въ 1898 г. № 3. Уже самое указаніе того источника, откуда взятъ былъ матеріалъ для этихъ двухъ статей, служитъ свидѣтельствомъ, насколько цѣнны были тѣ немногія страницы, которыя составили богатый вкладъ въ сокровищницу біографическихъ данныхъ изъ жизни поэта.

Сверхъ этихъ основныхъ матеріаловъ по изученію Шевченка, Н. И. Стороженко сообщилъ въ нашъ журналъ найденное имъ въ томъ-же дѣлѣ стихотвореніе: „Славянамъ“, которое онъ считалъ принадлежащимъ перу Шевченка (напечатано въ 1897 г. № 10), но которое возбудило у другихъ ученыхъ сомнѣніе въ авторствѣ Шевченка, вслѣдствіе чего Ник. Ильичъ прислалъ пояснительную замѣтку свою, гдѣ онъ отчасти соглашается съ тѣмъ, что въ этомъ стихотвореніи, можетъ быть, большая доля авторства принадлежитъ Костомарову, но часть его возможна и въ творчествѣ Шевченка (напеч. въ 1899 г. № 12).

Есть и еще одна маленька замѣтка, присланная Николаемъ Ильичемъ въ „Кіевскую Старину“ (1894 г. № 2),—по поводу стихотворенія „Свячена вода“ А. И. Псіолъ. Стихотвореніе это, не бывшее раньше извѣстнымъ въ печати, часто вспоминалось Шевченкомъ въ ссылкѣ, о чемъ онъ и писалъ къ друзьямъ, прося прислать ему эти стихи. Тутъ-же сдѣлана авторомъ замѣтки поправка къ изданію „Кобзаря“ Шевченка 1889 г., въ которомъ было напечатано стихотв. „До сестры“ приписанное Шевченку; на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, Николай Ильичъ указалъ, что это стихотвореніе принадлежитъ перу той-же А. И. Псіолъ, вслѣдствіе чего въ послѣдующихъ изданіяхъ „Кобзаря“ оно уже выброшено.

Вотъ тѣ, повидимому немногіе, но очень цѣнные матеріалы, которые сообщены были Н. И. Стороженкомъ нашему изданію; за сотрудничество это редакція не можетъ не выразить ему своей глубочайшей признательности, тѣмъ болѣе, что она освѣдомлена о томъ, какъ дорога Николаю Ильичу каждая минута для его спеціальныхъ занятій. Такая отзывчивость его къ цѣлямъ и задачамъ, преслѣдуемымъ нашимъ изданіемъ, объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ, многолѣтній москвичъ, не прерывалъ связей съ родной и дорогой ему Украйной. Имѣя помѣстье въ Лохвицкомъ уѣздѣ, въ с. Мормизовкѣ, Николай Ильичъ почти ежегодно лѣтніе мѣсяцы проводилъ на родинѣ, интересуясь всѣмъ тѣмъ, что составляетъ характерныя черты въ ея жизни, и слѣдя постоянно за литературнымъ движеніемъ въ малорусской пись-

менности: намъ извѣстенъ фактъ, что одному изъ кіевскихъ книгопродавцевъ имъ поручено высылать ему всѣ книжныя новости по части южнорусской письменности. Надѣясь въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Кіевской Старины“ подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями, которыя касаются времени пребыванія его минувшимъ лѣтомъ у себя на родинѣ, мы теперь закончимъ нашу замѣтку о немъ пожеланіемъ глубокоуважаемому юбиляру сохранить на много лѣтъ силы, здоровье и бодрость духа для трудовъ своихъ на пользу общественную и для блага его родины.

Н. В. ШУГУРОВЪ.

(*Некрологъ*).

6 ноября скончался въ г. Нѣжинѣ отъ паралича сердца одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ нашего журнала, Николай Васильевичъ Шугуровъ. Покойный родился въ 1843 г., въ Черниговской губерніи. Учился Н. В. въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, по окончаніи курса въ которой въ 1861 г. поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета. Въ Москву влекла покойнаго громкая слава Московскаго университета того времени, а выборъ факультета, по словамъ Н. В-ча, былъ обусловленъ чистою случайностью: въ IV классѣ гимназіи ему предстояло избрать для изученія латинскій языкъ или законовѣдѣніе; онъ избралъ послѣднее, а для поступленія въ университетъ требовался экзаменъ изъ латыни. Кое-какъ Н. В. приготовился къ экзамену. Но поступающихъ на историко-филологическій факультетъ, къ которому тяготѣли симпатіи Шугурова, экзаменовалъ Леонтьевъ, и экзаменовалъ сравнительно строго, а будущихъ юристовъ экзаменовалъ другой профессоръ, и экзаменовалъ легко. Это и рѣшило выборъ факультета Ш-вымъ.

Окончаніе Н. В. университетскаго курса совпало съ введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, которымъ Ш-въ и посвятилъ свои силы до послѣдней минуты. Послѣ непродолжительной службы въ Москвѣ и Петербургѣ, Н. В. назначенъ былъ товарищемъ

прокурора въ Симбирскъ, а скоро потомъ получилъ назначеніе товарищемъ предсѣдателя Одесскаго окружного суда. Съ этого времени Н. В. не покидалъ Юга Россіи. Но и въ Одессѣ Н. В. оставался не долго. Ладить съ власть имущими онъ не умѣлъ, постоять за свои интересы тоже, и его, вскорѣ по закрытіи отдѣленія, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, назначили на ту-же должность въ глухой Стародубъ. Тяжело жилось покойному, по его словамъ, въ первые годы на новомъ мѣстѣ. Но мало по малу онъ свыкся съ новыми условіями и сумѣлъ внести свѣтлый лучъ въ захолустную жизнь. Н. В. и въ глуши не отсталъ отъ культурной жизни: онъ съ любовью отдается чтенію по интересующимъ его вопросамъ искусства, изучаетъ прошлое своей родины, которую онъ горячо любилъ. Его поэтическая натура выразилась въ рядѣ стихотвореній, часть которыхъ была издана, безъ его вѣдома, въ видѣ сборника подъ псевдонимомъ Майскаго [1]). Но будучи эстетикомъ, Ш-въ не сторонился и отъ жизни съ ея не-эстетическими мелочами и дрязгами. Его мягкая любвеобильная натура, несмотря на кажущуюся его нелюдимость, искала сближенія съ людьми. Въ Стародубѣ ему удалось найти людей, близкихъ по настроенію; онъ сошелся съ А. С. Лашкевичемъ, кн. Н. Д. Долгоруковымъ, С. А. Сребдольскимъ, проф. Спб. консерваторіи А. Н. Рубцомъ. Въ скучную, монотонную жизнь уѣзднаго города онъ вноситъ оживленіе, являясь устроителемъ литературныхъ вечеровъ, чтеній и т. п.

На ряду съ этимъ Н. В. отдавалъ много времени и своимъ служебнымъ занятіямъ. Его трудолюбіе, строгая логичность, стремленіе доискаться истины, рѣдкая наблюдательность сдѣлали изъ него превосходнаго юриста-практика. Умѣнье въ немногихъ словахъ изложить суть дѣла и полная объективность придавали особую цѣну его заключительнымъ рѣчамъ. Въ 1887 г. Н. В. былъ назначенъ членомъ Кіевской судебной палаты; здѣсь его способности и познанія были оцѣнены по достоинству. Сверхъ

---

[1]) Думы и пѣсни Н. В. Майскаго Спб. 1882.

прямыхъ служебныхъ обязанностей, на него возлагается рядъ порученій по обревизованію судебныхъ учрежденій, и Н. В. всегда умѣлъ съ честью справиться съ этими, иногда очень нелегкими, задачами. „Большею частью, говоритъ Н. Г. Тальбергъ, эти порученія вызывались жалобами и донесеніями о тѣхъ или иныхъ безпорядкахъ въ судебной дѣятельности. При исполненіи такихъ порученій, нерѣдко очень щекотливыхъ, необходимы большая осторожность и тактъ. Строгій въ случаяхъ дѣйствительной виновности, чуткій къ нарушенію достоинства и авторитета судебной власти, Н. В. Шугуровъ умѣлъ вникать въ сущность событія и въ обстоятельства, окружавшія или обусловливавшія послѣднее, и вносилъ въ свои изслѣдованія доброе сердце".

„Его отчеты писались такъ, что читались съ большимъ удовольствіемъ, а талантливыя, живыя, полныя наблюдательности и остроумія характеристики лицъ и положеній давали такія обстоятельныя и художественныя картины жизни суда, что иногда прямо просились въ беллетристическое произведеніе... Лица, которыхъ непосредственно близко касались эти изслѣдованія, были многимъ обязаны Н. В. Шугурову". (Кіевлянинъ, 1901, № 312).

Съ переѣздомъ Ш—ва въ Кіевъ начинается новая полоса и въ его литературной дѣятельности. Въ 1888 г. близкій знакомый его еще по Стародубу, покойный А. С. Лашкевичъ, взялъ на себя изданіе „Кіевской Старины". Н. В. вошелъ въ составъ кружка, сгруппировавшагося вокругъ журнала, и до самой смерти принималъ въ „Кіевской Старинѣ" дѣятельное участіе. Рядъ статей, замѣтокъ и рецензій покойнаго, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ" въ теченіе 1889—1901 г., носитъ на себѣ отпечатокъ его характерныхъ особенностей. Малорусская этнографія, малорусское искусство, біографіи выдающихся дѣятелей въ сферѣ культурной жизни Малороссіи—вотъ области, къ которымъ относятся работы Н. В. Тщательность въ изслѣдованіи, прекрасная литературная обработка отличаютъ эти работы. Самой крупной изъ нихъ была біографія И. Ѳ. Тимковскаго (К. Ст. 1891, кн. 8, 9, 10), о которой историкъ Харьковскаго университета отзывается какъ о „чрезвычайно

важной монографіи" (проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета, ч. I стр. 3).

За нѣсколько лѣтъ передъ смертью Н. В. принялъ мѣсто предсѣдателя Нѣжинскаго окружного суда. Но и переселившись въ Нѣжинъ, онъ не порвалъ связи съ Кіевомъ, гдѣ у него оставалось много друзей. Смерть застигла его неожиданно, среди работы. Похороны его привлекли множество народа изъ всѣхъ слоевъ нѣжинскаго общества; на гробъ его было возложено нѣсколько вѣнковъ. Рѣчей на могилѣ не было, но одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго произнесъ у раскрытой могилы прочувствованное стихотвореніе.

Н. В. оставилъ цѣнную библіотеку, а также, будучи знатокомъ живописи, собралъ прекрасную коллекцію рисунковъ и картинъ изъ малорусской жизни.

Неожиданная кончина Н. В. Шугурова является тяжелой утратой для общества, такъ нуждающагося въ носителяхъ чистыхъ и свѣтлыхъ взглядовъ на жизнь, чувствительнымъ ударомъ для судебнаго міра, гдѣ такъ необходимы честные и талантливые работники, и горестнымъ событіемъ для нашей редакціи, такъ сжившейся за 14 лѣтъ совмѣстной работы съ своимъ неоцѣненнымъ сотрудникомъ.

—

Считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь перечень статей, разновременно напечатанныхъ покойнымъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть изъ нихъ была подписана только иниціалами, и, слѣдовательно, авторство ихъ можетъ въ недалекомъ будущемъ забыться послѣдующими поколѣніями.

статьи и замѣтки.

К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта (89, V—VI).

Илья Ивановичъ Квитка (90, III).

Илья Ѳеодоровичъ Тимковскій (91, VIII—X).

Отзывъ гр. А. К. Разумовскаго по поводу неурожая (91, XII).

Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома (93, II).

К. А. Трутовскій (некрологъ) (93, IV).

Къ воспоминаніямъ объ Ав. Вас. Марковичѣ (93, V).

По поводу одного стихотворенія Шевченка (93, VIII).

Предписаніе кн. Репнина по поводу холеры 1830 года (93, X).

Андріолли и Матейко, какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ малорусскаго быта (94, I).

О рисункахъ Шевченка (94, II).

Предисловіе къ воспоминаніямъ Ег. Ѳед. Тимковскаго (94, III).

Картины изъ малорусскаго быта на кіевскихъ выставкахъ (94, III).

Живописная Украина. Указатель рисунковъ изъ малорусскаго быта за 1894 г. (95, II).

Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики (95, V).

Поднесеніе черниговскимъ дворянствомъ малорос. ген.-губернатору кн. Куракину золотой вазы (95, VI).

О малорусской одѣ П. Данилевскаго (95. VII—VIII).

Воспоминаніе о Тимковскихъ (98, XI).

Свѣдѣнія по вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка и первомъ посмертномъ изданіи его сочиненій (99, II).

Туманскій и Мицкевичъ (99, III).

Еще изъ воспоминаній Ѳ. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ (99, IV).

Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ (99, VI).

Памяти В. В. Тарновскаго (99, VII).

Къ портрету Ил. Ѳ. Тимковскаго (99, XII).

Изъ воспоминаній В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченкѣ (900, II).

Рецензіи на слѣд. изданія.

Часопись правнича 1889, кн. I—IV (89, XI).

Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія (90, VII).

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. П. Тарновскаго (93, VI).

Горленко В. В. Шевченко живописецъ и граверъ (ibid).

Рѣдинъ. Харьковъ, какъ центръ художественнаго образова ія юга Россіи (94, V).

Русскіе художники. И. Е. Рѣпинъ (95, IV).

Новыя народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Гоголя (95, VI).

Провідник по виставі краевій у Львові (95, VII—VIII).

Powszechna wystawa we Lwowie w r. 1894 (ibid).

Album du Monde Illustré. La Russie et les russes (95, IX).

Пѣсни кубанскихъ козаковъ, вып. I—IV (97, VII—VIII).

Очерки Малороссіи (приходская библіотека, ред. Шемякина, т. V) (ibid).

Верещагинъ В. А Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX ст. 1720—1820 (98, VII—VIII).

Рѣпинъ И. Е. Альбомъ картинъ и рисунковъ (98, X).

Иллюстрированный путеводитель по юго-зап. жел. дорогамъ (98, XII).

Новые художественные журналы (99, I).

Черниговская памятка (99, VI).

Изъ украинской старины. Рисунки акад. Васильковскаго и Самокиша (900, VI).

Galicia w obrazach (900, VI).

Шрамченко Н. А. Воспоминанія и стихотворенія (901, IV).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Н. В. Шугурова. Поминая такъ неожиданно утраченнаго нами Николая Васильевича, сообщаемъ здѣсь двѣ-три черты изъ его общественной дѣятельности. Дѣятельность эта выражалась двояко: какъ судьи и какъ литератора. Почти вся литературная дѣятельность Н. В. исходила изъ его родинолюбія. Все, что касалось его родины и, особенно, что касалось этнографическихъ особенностей послѣдней, всегда вызывало въ Н. В. особое вниманіе, особую пытливость, и всегда онъ старался при этомъ закрѣпить печатью то или другое вновь имъ встрѣченное явленіе изъ старой или новой жизни этой родины.—Вотъ поэтому Н. В. былъ однимъ изъ неизмѣнно усердныхъ сотрудниковъ «Кіевской Старины», въ которой онъ видѣлъ *книгу для записки*—на память грядущему времени—всякаго интереснаго факта изъ исторіи дорогой ему родины.

Возвращаясь въ этомъ году съ каникулъ въ Нѣжинъ, Н. В. заѣхалъ къ намъ, въ нашъ хуторъ, и прожилъ здѣсь съ недѣлю, наполняя время то переглядываніемъ тѣхъ или другихъ книгъ и бумагъ, то—прогулками по-саду, при чемъ все это онъ дѣлалъ съ свойственной ему *тихостью*, исходившею изъ всегдашняго желанія—никого не обезпокоить, никому не помѣшать... На этотъ разъ онъ заинтересовался только что полученною книжкою—*Литература украинскаго фольклора*, появленію которой особенно радовался, видя тутъ попытку—*перечня всего, что было напечатано по южно-русской этнографіи*. Тутъ же занялся Н. В. и дополненіями книжки г. Гринченка, которыя затѣмъ и перенесъ на страницы «Кіевск. Стар.». [1])

[1]) Въ сентябрьской книжкѣ.

Затѣмъ, черезъ мѣсяцъ, мы посѣтили Николая Васильевича въ Нѣжинѣ, откуда еще раньше условились побывать на могилѣ два года назадъ умершаго нѣжинскаго земца В. Я. Макарова, котораго оба мы и любили и уважали за его нелицепріятную общественную дѣятельность. Посѣтивъ могилу В. Я. Макарова въ его родномъ селѣ Липовомъ-Рогѣ, мы тутъ-же заѣхали въ домъ его дочери Е. В. Разгоновой, гдѣ застали гостившую вдову старшаго брата В. Я. Макарова—Николая Яковлевича. Извѣстно, что подъ именемъ послѣдняго покойный Кулишъ печаталъ свои писанія во время наложеннаго на него послѣ 1847 г. запрета. (Такимъ образомъ „Николай М." явился, напр., авторомъ «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя»). Н. Я. Макаровъ близко былъ причастенъ къ кружку «Основы», зная о чемъ, Н. В. давно искалъ встрѣчи съ его вдовою, чтобы узнать—не осталось-ли послѣ Н. Я. Макарова какихъ-нибудь интересныхъ бумагъ. — При совмѣстномъ нашемъ посѣщеніи Липова-Рога, Н. В. этого не успѣлъ сдѣлать, но сдѣлалъ это позже. По этому случаю онъ и написалъ это *послѣднее* къ намъ письмо, которое мы находимъ умѣстнымъ теперь же напечатать, желая на фактѣ показать—какъ непрестанно Николай Васильевичъ заботился о сохраненіи и обнародованіи всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя заключали въ себѣ тотъ или другой матеріалъ для исторіи нѣжно любимой имъ родины.

«Мн—ув. А. М.! Бывши у меня, вы высказали готовность попытаться достать для меня статью Стасова о Штернбергѣ или тотъ номеръ журнала, въ которомъ она была помѣщена, для чего спрашивали, когда именно она была напечатана. Отыскавъ у себя отмѣтку объ этомъ, сообщаю, что статья эта была помѣщена въ *Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ* 1887 г., № 5. Если добудете, буду вамъ очень благодаренъ.

Когда я былъ съ вами въ Липовомъ Рогѣ, вы такъ заторопили меня съ возвращеніемъ (въ Нѣжинъ), что я не успѣлъ разспросить кой о чемъ Ольгу Платоновну (вдову Н. Я. Макарова). Побывавши тамъ еще разъ, я освѣдомился, что у О. П. имѣется большая масса писемъ къ Ник. Як. Макарову отъ Кулиша и Вас. (Мих.) Бѣлозерскаго, а въ меньшемъ количествѣ имѣются письма Шевченка, Тургенева и разныхъ другихъ лицъ... Я совѣтовалъ ей сообщить письма «Кіевск. Старинѣ» для напечатанія, на что она высказала опасеніе, что въ письмахъ, можетъ быть, есть вещи, неудобныя для опубликованія, а ихъ могутъ пропечатать, какъ это сдѣлали съ письмами

Тургенева. При этомъ я узналъ, что имѣющееся въ одномъ изъ писемъ Тургенева выраженіе: «когда-то я находилъ ее красивою, а теперь»... относится къ NN.... Я убѣждалъ (О. П.), что если бы подобныя вещи были въ письмахъ, то «Кіевск. Старина» исключитъ ихъ. Она долго отнѣкивалась, говоря, что самой ей нѣтъ времени перечитать письма, такъ какъ ихъ слишкомъ много, да и трудно разбирать нѣкоторыя изъ нихъ, а на другихъ трудно положиться,—а въ концѣ концовъ высказала, что, если бы я взялъ на себя трудъ перечитать всѣ письма, выбрать то, что можетъ быть интересно для печати, и исключить то, что не слѣдуетъ опубликовывать, то мнѣ она пожалуй довѣрила бы. Я выразилъ готовность это сдѣлать, и она обѣщала, по возвращеніи въ Петербургъ, прислать мнѣ письма. Будьте здоровы. Н. Ш.

P. S. Написалъ на брошюрку С. И. Пономарева рецензію, которая вышла болѣе пространною, чѣмъ сама брошюрка.[1])—8 сентября, 1901». [2]) (Нѣжинъ).

Въ поясненіе къ началу этого письма, находимъ не лишнимъ сказать, что Н. В. старался пріобрѣтать—по книжной части—по возможности все, что относилось къ Малороссіи и къ *искусству* вообще. По части Малороссіи, кромѣ книгъ, Н. В. ревностно собиралъ брошюры, журнальныя статьи, рисунки (изъ разныхъ изданій), однимъ словомъ *все* печатное, такъ или иначе касавшееся родины. Поэтому малорусская библіотека Николая Васильевича заслуживаетъ вниманія. Онъ все собирался рѣшить вопросъ—что сдѣлать съ своимъ книжнымъ достояніемъ послѣ смерти, но, кажется, вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ, и библіотека Н. В. можетъ разсѣяться, какъ разсѣялись и другія такія собранія... Осталось послѣ Н. В. и небольшое собраніе картинъ, почти исключительно посвященныхъ Малороссіи, на природу которой любилъ онъ смотрѣть и на картинѣ, у себя въ кабинетѣ, и посѣщая для того разные уголки Черниговщины, Полтавщины и далѣе. Въ послѣднія свои судейскія каникулы Н. В., въ сообществѣ двухъ пріятелей, посѣтилъ днѣпровскіе пороги, которые давно желалъ видѣть.

А. Л.

8 ноября.

---

[1]) Напечатана въ октябрьской книжкѣ К. Стар.

[2]) Сколько мы знаемъ, Н. В. не успѣлъ получить писемъ отъ О. П. Макаровой.

Еще нѣсколько словъ о „парубоцькыхъ громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. Въ прежней моей замѣткѣ объ „атаманствахъ“[1]) вкралась одна ошибка, а именно: тамъ было сказано, что „парни“ [2]) каждаго кутка составляютъ отдѣльное „атаманство“. Это не вѣрно. По точнымъ свѣдѣніямъ въ настоящее время всѣхъ „атаманствъ“ въ Маякахъ три—1) „Куркули“—сюда относятся „кавказьки парни“, они же и „пидкручныкы“; 2) „Спрнычкы“—вторые „кавказьки“ („пидкручныкы“) и „плоськіи“; 3) „Донське“—исключительно изъ „донськихъ парнивъ“. Каждое „атаманство“ имѣетъ своего „атамана“, „пидатамана“ и „писаря“. „Атаманомъ“ избирается человѣкъ, выдѣляющійся изъ общей массы: честный, справедливый, скромный, считающійся умнымъ и разсудительнымъ, вообще человѣкъ, который могъ бы примѣромъ своимъ оказывать облагораживающее вліяніе на парней. Кромѣ того, „атаманъ“ долженъ имѣть еще и имущественный цензъ для гарантіи на случай растраты имъ денегъ „атаманства“. Избравши „парня“ „атаманомъ“, увѣдомляютъ объ этомъ его отца. Раньше, когда въ Маякахъ жили пришлые парни, съ ихъ родителей брали росписки въ томъ, что они отвѣчаютъ своимъ имуществомъ за растрату сыномъ денегъ „атаманства“. Но теперь не берутъ росписокъ: и безъ нихъ „парни“ знаютъ, что избранный ими „атаманъ“ надеженъ.

„Пидатаманомъ“ избираютъ вполнѣ соотвѣтствующаго помощника, а „писаремъ“—человѣка грамотнаго. Всѣ три лица („атаманъ“, „пидатаманъ“ и „писарь“) избираются сходкой „парней“. Избираются они на годъ. По истеченіи года они должны давать отчетъ въ веденіи денежныхъ расходовъ. „Атаманъ“, выбывающій по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, замѣняется другимъ, чаще всего „пидатаманомъ“; въ этомъ случаѣ взамѣнъ послѣдняго выбираютъ другого изъ среды парней. Общимъ рѣшеніемъ голосовъ „атаманъ“ и вся остальная администрація можетъ быть увольняема до срока и замѣняема новой. „Атаманъ“ пользуется авторитетомъ между „парнями“. Его приказанія и распоряженія, если въ нихъ нѣтъ злоупотребленій, должны быть исполняемы всѣми членами „атаманства“. „Атаманъ“

---

[1]) К. С. 1901 г. за іюль и августъ, Документы, извѣстія и замѣтки.

[2]) Въ Маякахъ „парубки“ наз. „парнями“; также говорятъ не „отаманъ“, а „атаманъ“.

разбираетъ распри между „парнями“ и, если нужно, прибѣгаетъ къ наказаніямъ. Наказанія заключаются въ пощечинахъ, а иногда бываютъ и посерьезнѣй, но никогда не переходятъ въ безчеловѣчные побои. По правамъ и дѣятельности „підатаманъ“ является помощникомъ атамана. „Писарь“ не имѣетъ особенныхъ правъ, но все же занимаетъ привиллегированное положеніе.

Въ „атаманство“ должны входить всѣ „парни“; къ непоступающимъ всегда и вездѣ относятся враждебно, стараются повредить имъ; поймавъ, напр., стоящаго съ „дивчиною“ парня, не входящаго въ составъ „атаманства“, бьютъ его или же причиняютъ ему другія непріятности.

Каждый членъ „атаманства“ долженъ взносить ежегодно по 1 руб. въ кассу „атаманства“. Деньги эти большею частію идутъ на украшеніе церкви: дѣлаютъ хоругви и т. под.. Впрочемъ, въ одномъ изъ „атаманствъ“, при дурномъ личномъ составѣ, собранныя деньги пропиваются.

Кромѣ этого сбора, собираютъ еще по 10—15 коп. въ мѣсяцъ на „чогъ“—танцы подъ звуки музыки: кларнетъ, бубенъ, скрипка. Эти взносы, впрочемъ, не обязательны. Недостающую сумму денегъ для какой-либо покупки въ церковь пополняютъ въ праздникъ Рождества сборомъ съ „колядокъ“, во время которыхъ „парни“ наряжаются въ военные костюмы, придѣлываютъ погоны, ленты черезъ плечо, небольшія цилиндрическія шапки, мечи, и ходятъ со звѣздою. Во время „колядки“ запѣваетъ „береза“, имѣющій въ отличіе отъ другихъ бумажную медаль и крестъ. Деньги и калачи беретъ „михоноша“.

Отношенія между „атаманствами“ большею частію враждебныя. Въ прежнее время нерѣдко устраивались довольно серьезныя драки, даже съ косами, кольями. Теперь, впрочемъ, „Куркули“ и „Донськи“ въ мирныхъ отношеніяхъ.

Власть „атаманства“ распространяется и на „дивчатъ“: „дивчина“ одного „атаманства“ не имѣетъ права пригласить къ себѣ „парня“ изъ другого „атаманства“ безъ вѣдома и разрѣшенія своего „атамана“. Въ противномъ случаѣ ей, и прежде всего „парню“, грозятъ побои. Члены же „атаманства“ пользуются свободнымъ доступомъ къ своимъ „дивчатамъ“. Иногда устраиваются „складки“: „парни“ заботятся о выпивкѣ, а „дивчата“—о закускѣ. Въ настоящее время[1])

[1]) Запись относится къ августу—сентябрю тек. года. Можетъ быть теперь уже есть «атаманы».

„атаманства“ остались безъ „атамановъ“. (Изъ одного—„атаманъ“ выбылъ вслѣдствіе женитьбы).

Нѣкоторые изъ „парнивъ“ думаютъ, что со временемъ „атаманства“ выведутся совершенно.

По словамъ одного мѣстнаго мѣщанина И. И. Миловидова, лѣтъ 50-ти, который лѣтъ 20 тому назадъ, „а може и бильшъ“, самъ принадлежалъ къ атаманству и даже былъ въ составѣ его администраціи, въ прежнее время „атамана“ избирали на годъ. Когда избирали кого либо „атаманомъ“, онъ ставилъ могарычъ на свои деньги. Если избранный соглашался быть „атаманомъ“, давали знать отцу, чтобы тотъ зналъ о деньгахъ „атаманства“, на случай ухода сына. Избирали подачей голосовъ—одни отходили налѣво, другіе направо; избирался атаманомъ кандидатъ стороны, оказавшейся болѣе многочисленной. Обязанности „атамана“ заключались въ томъ, чтобы держать „парнивъ“ *въ порядкѣ*: когда крестный ходъ—„атаманъ“ долженъ созвать „парнивъ“ для несенія хоругвей и т. п.; онъ же организуетъ на Рождество хожденіе съ „колядою“, при чемъ собранныя деньги тратятся на церковь. „Атаманъ“ охраняетъ границы „атаманства“. Было прежде на весь городъ 2 „атаманства“. Вступать въ „атаманство“ обязательно для всѣхъ, иначе теряешь право гулять съ „дивчатами“. Если поймаютъ съ „дивчиною“ парня, не вступившаго въ „атаманство“, то побьютъ или выкупаютъ въ колодцѣ. Власть „атамана“ была неограничена: его должны во всемъ слушать, ослушниковъ онъ могъ даже бить. Если „атаманъ“ оказывался не годнымъ для дѣла: не имѣлъ вліянія на парней, не держалъ ихъ въ строгости, не могъ управлять,—то его смѣняли новымъ. Раньше „атаманы“ имѣли большое вліяніе на парней: ихъ слушались, уважали, и парни были не такъ балованы. „Атаманства“ пользовались довѣріемъ: разъ священникъ повѣрилъ атаманству 15 руб. на цѣлый годъ (у нихъ не хватило денегъ на покупку церковной утвари).

По словамъ Миловидова подобныя „атаманства“ существуютъ также въ г. Одессѣ по настоящее время на сл. Романовкѣ, Кривой Балкѣ и Молдаванкѣ.

П. П. П.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Попытка учредить въ Балтѣ коммерческое собраніе и городскую общественную библіотеку.* Въ 1841 году балтскіе купцы Кондратовъ, Никинъ и елисаветградскій купеческій сынъ Савельевъ подали балтскому полиціймейстеру слѣдующее прошеніе.

„Движимые любовью къ просвѣщенію и чувствомъ искренняго желанія доставить здѣшнему купеческому обществу, посредствомъ чтенія журналовъ и газетъ, полезныя свѣдѣнія, относящіяся до ихъ промысловъ, и ознакомить съ учеными пособіями торговли, чрезъ совѣты опытныхъ, умныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ развить въ немъ охоту къ образованію и любознательности и, наконецъ, соединивъ всѣхъ, донынѣ разрозненныхъ, въ одинъ пріятельскій кругъ, доставить скромное, пріятное и полезное препровожденіе времени.

Съ этою благонамѣренною цѣлью, одобренные почетнѣйшими изъ гражданъ и изъявленіемъ участія всего общества, безъ всякихъ корыстолюбивыхъ видовъ, но, напротивъ, съ собственнымъ пожертвованіемъ, мы рѣшились открыть въ городѣ Балтѣ «коммерческое собраніе», постановивъ для него слѣдующія основныя правила:

1) Коммерческое собраніе имѣетъ пожертвованными и получаетъ издаваемые въ 1841 году:—Воскресное чтеніе, С.-Петербургское и Кіевское; журналы—Библіотеку для чтенія, Русскій Вѣстникъ, Сынъ Отечества, Экономъ и Репертуаръ русскаго театра; газеты—Коммерческую газету, Сѣверную Пчелу, С.-Петербургскія Вѣдомости и Одесскій Вѣстникъ.

Эта обильная пища для ума, души и сердца съ 8 ч. утра до 10 пополудни ежедневно предлагается желающимъ для чтенія въ собраніи и, по истеченіи по полученіи журнала мѣсяца, а газеты—недѣли,—на домъ, но не болѣе, какъ на 4 и на 2 дня.

2) Коммерческое собраніе, какъ заведеніе, учреждаемое съ благороднѣйшею цѣлію распространенія общеполезныхъ свѣдѣній и доставленія пріятнаго развлеченія почетнѣйшимъ изъ гражданъ, не принимаетъ никого безъ билета, не въ приличномъ, а кольми паче не въ трезвомъ видѣ, во избѣжаніе чего не содержитъ никакихъ совершенно напитковъ.

3) К. собр. не ограничивается токмо купеческимъ сословіемъ, напротивъ, съ радостію принимаетъ и господъ дворянъ, кои удостоятъ своимъ участіемъ и посѣщеніями, соблюдая, впрочемъ, общія правила и не стѣсняя собою свободы другихъ.

4) За то, чтобы какъ собственностію пользоваться такимъ огромнымъ (по Балтѣ) запасомъ пріятнаго, полезнаго и необходимаго чтенія, назначается самая умѣренная, почти ничтожная, плата, а именно: за годъ 5 р., полгода 3 р. и мѣсяцъ 1 рубль серебромъ. Второй и послѣдній абонементъ принимается только отъ иногородныхъ, временно проживающихъ въ Балтѣ.

5) Сумма, собираемая коммерческимъ собраніемъ, употребляется на наемъ дома, необходимой прислуги и на отапливаніе и освѣщеніе, а затѣмъ на остающіяся деньги, по выбору членовъ, будутъ выписываться еще журналы или полезнѣйшія книги, что все вмѣстѣ навсегда остается собственностью города и служитъ началомъ и основаніемъ общественной библіотеки.

6) Для сохраненія и соблюденія порядка—въ первое собраніе изберутся директоры, о которыхъ своевременно будетъ объявлено градской полиціи, въ вѣдѣніе и покровительство коей поступаетъ заведеніе.

О столь полезномъ предпріятіи, доводя до свѣдѣнія Вашего Высокоблагородія, всепокорнѣйше просимъ не оставить Вашимъ ходатайствомъ объ утвержденіи онаго у высшаго начальства, а до того, принявъ въ свое вѣдѣніе и удостоивъ Вашего участія, дозволить начать предварительное образованіе онаго."

Генералъ-Губернаторъ предложилъ Губернатору поступить сообразно узаконеніямъ: если на учрежденіе или воспрещеніе подобнаго рода обществъ и нѣтъ положительнаго закона, то, съ другой стороны, всякое закономъ неутвержденное общество подвергается уничтоженію и запрещенію, когда признано полиціею безполезнымъ, или правила его противными общему благу или частнымъ пользамъ.

Какъ было исполнено это указаніе, изъ дѣла не видно.

—

2) *Способъ противъ распространенія нелѣпыхъ слуховъ.* Въ 1844 году, В—скій Губернаторъ, въ письмѣ на имя Главнаго Начальника края, представилъ, что, въ виду учащающагося распространенія нелѣпыхъ слуховъ, онъ полагалъ бы полезнымъ лицъ, подобные слухи распускающихъ, когда они низшаго состоянія, высылать по этапу, на собственномъ содержаніи, въ тѣ мѣста, гдѣ, по ихъ словамъ, случилось происшествіе, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ несправедливости слуховъ, слѣдовали тѣмъ же порядкомъ обратно, и лично

объясняли объ оказавшемся. Лицъ привилегированныхъ состояній, подозрѣваемыхъ въ томъ же,—высылать на почтовыхъ.

Проектъ подшитъ къ дѣлу.

—

2) *Затрудненія въ Подольской губерніи, при обмѣнѣ обращавшейся иностранной и польской билонной монеты на русскую.* 16 октября 1844 года воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, коимъ назначенъ двухлѣтній срокъ для сбыта жителями балтійскихъ и западныхъ губерній остававшейся у нихъ на рукахъ иностранной и польской билонной монеты.

По этому поводу Подольскій Губернаторъ въ 1846 г. доноситъ Главному Начальнику края, что, хотя количество подобной монеты въ обращеніи въ губерніи и уменьшается, тѣмъ не менѣе еще весьма распространены монеты Царства Польскаго прежняго чекана, съ изображеніемъ блаженной памяти Государя Императора Александра I, а изрѣдка попадаются монеты бывшихъ Королевства Польскаго и Герцогства Варшавскаго (въ 30 и 15 коп.), австрійскіе цванцигеры, прусскіе гульдены и баварскіе.

Предѣльнымъ срокомъ для пріема сихъ денегъ казначействами назначено 1 мая 1847 года.

Между тѣмъ, много польской монеты оказалось по краямъ обрѣзанной. Въ одной Подольской губерніи, къ совершенному смущенію уѣздныхъ казначеевъ, подобной монеты обнаружено до 70.000 шт. Евреи, конечно, не упустили случая извлечь изъ сего выгоду и за обмѣнъ сколько нибудь потертыхъ денегъ брали со злота отъ 2-хъ до 3-хъ копѣекъ.

По заключенію Губернатора, при недостаточной ясности правилъ, теряютъ не одни мѣняющіе, теряетъ и казна, ибо на плательщикахъ, особенно изъ податныхъ, должна неизбѣжно накопиться недоимка.

Подольская казенная палата отпустила коммиссіонерству дѣйствующей арміи подобной монеты на 28,123 р. сер., изъ коихъ 18979, однако, признаны Кіевскою Палатою негодною къ обращенію. Воспослѣдовавшее разъясненіе Министерства Финансовъ значительно облегчило населеніе, такъ какъ монетамъ съ изображеніемъ Императора Александра I, въ одинъ, два и пять злотыхъ (неиспорченнымъ), присвоивалось обращеніе наравнѣ съ россійскою, ибо чекана они россійскаго.

Испорченную монету разрѣшено обмѣнивать, но со взысканіемъ довѣса.

---

4) *Отзывъ предводителя объ одной дворянской семьѣ и ея отношеніяхъ къ крестьянамъ.* Въ 1844 году махновскій уѣздный Предводитель дворянства доносилъ Главному Начальнику края, что крестьяне селенія Пиковцы, владѣнія помѣщицы З., жалуются на то, что владѣлица, «кромѣ претерпѣваемаго ими отъ нея жестокаго обращенія, поводомъ каковаго съ числа 10 семействъ осталось на ея части три семьи, а прочія находятся въ бѣгахъ» —не предоставляетъ имъ положенныхъ законныхъ участковъ пахатной земли, при чемъ они «употребляются по цѣлымъ недѣлямъ въ барщину, но за переработанные дни денежной платы, ниже какимъ другимъ образомъ, удовлетворенія не получаютъ. Дѣлаетъ на нихъ *налоги прясть* по 6 мотковъ, на что не даетъ имъ нужной пеньки и выбираетъ въ годъ по 18 штукъ курей и 20 яицъ, но какъ таковыхъ по бѣдному ихъ состоянію они (крестьяне) не имѣютъ, то воруютъ у сосѣдей, удовлетворяя требованія З-ой, опасаясь наказанія за неотдачу опредѣленнаго налога».

З., въ случаѣ какой либо, хотя и малѣйшей пропажи, «въ ту же минуту дѣлаетъ какую то ворожбу на ситѣ», «совокупно съ мужемъ, и, по какимъ то на этомъ ситѣ примѣчаніямъ, наказываетъ всѣхъ вообще, какъ дворовыхъ, такъ жительствующихъ на селѣ крестьянъ безъ пощады».

Къ вышесказанному предводитель дворянства присовокупилъ, что супруги ежедневно бываютъ въ нетрезвомъ видѣ. Сдѣлавъ г-ну и г-жѣ З-камъ внушеніе, онъ обязалъ ихъ подписками измѣнить обращеніе съ крѣпостными.

Сообщ. **Алексѣй Мёрдеръ.**

Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. Въ 1895 г. мы выпустили въ свѣтъ вторымъ изданіемъ нашу работу: «Полтавская битва и ея памятники», въ которой помѣстили и нѣсколько рисунковъ. Съ того времени, интересуясь всѣмъ, что относится къ этому событію, имѣвшему столь громадное историческое значеніе, мы собирали гравюры какъ самой битвы, такъ и всего, что можетъ относиться къ ней.

Такимъ образомъ, составилась у насъ коллекція въ сто слишкомъ гравюръ, включая сюда портреты полководцевъ, воиновъ вообще, снимки съ медалей, памятниковъ и т. п. Достаточное количество собранныхъ гравюръ даетъ возможность опредѣлить, какія именно моменты битвы возможно иллюстрировать, что мы и постараемся сдѣлать въ настоящей замѣткѣ. Съ другой стороны, замѣтка эта будетъ и просьбой ко всѣмъ, кто имѣетъ что-либо относящееся до полтавской битвы, подѣлиться съ нами, что особенно интересно въ виду приближающагося двухсотлѣтія полтавской битвы.

—

Полтавскому сраженію, какъ извѣстно, предшествовала почти трехмѣсячная осада города. Гарнизонъ и жители Полтавы, предводимые славнымъ своимъ комендантомъ Келлинымъ, храбро выдерживали натиски шведовъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ гравюры, изображающей хотя бы одинъ моментъ этой славной осады, кромѣ плохого рисунка, помѣщеннаго въ исторіи Петра В.—Ламбина (издана въ сороковыхъ годахъ). Также нѣтъ портрета и Келлина, и всѣ наши поиски оказались тщетными. Нѣтъ ли его портрета гдѣ либо въ Азовѣ, куда Келлинъ былъ назначенъ тотчасъ послѣ полтавской битвы, такъ какъ Петръ В. предвидѣлъ, въ силу бѣгства Карлъ XII въ Турцію, войну съ послѣдней? Гравюръ же, изображающихъ полтавское сраженіе, достаточно. Но прежде упомянемъ о двухъ гравюрахъ, изображающихъ двухъ славныхъ противниковъ передъ боемъ. Одна рисуетъ Петра В. объѣзжающимъ войска свои передъ сраженіемъ, когда онъ убѣждалъ постоять за славу родины: „А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога.... etc. (есть и народная картинка), а другая Карла, убѣждающаго ничего не готовить: „все припасено у москвитянъ“... Гравюры, изображающія самое сраженіе, возможно подраздѣлить на три категоріи: 1) гравюры современныя, 2) гравюры художниковъ и, наконецъ, 3) гравюры живописцевъ или просто маляровъ, сильно распространенныя въ XVIII столѣтіи. Изъ современныхъ гравюръ укажемъ прежде всего на гравюру Петра Дени младшаго, сдѣланную по заказу самого Петра. Она имѣетъ такую надпись: «Изображеніе преславной баталіи между войскъ россійскихъ и свейскихъ въ присутствіи высокой команды надъ Россійскими войсками Его Царскаго Величества Всероссійскаго Петра Перваго, надъ свейскими Его Королевскаго Величества Карла XII, учинившейся неподалеко отъ

Полтавы, іюня въ 27 день, 1709 года». Эта гравюра и послужила образцомъ для работъ многихъ другихъ художниковъ, и ее можно встрѣтить подъ названіями: «Полтавская битва, начало сраженія», или просто: «Полтавская битва». Ее скопировалъ и художникъ конца XVIII стол. Балабинъ и, по просьбѣ полтавскаго обывателя Руденка, награвировалъ ее на мѣди, но прибавилъ только вверху молящагося св. Самсона Страннопріимца, празднуемаго, какъ извѣстно, 27 іюня, т. е. въ день полтавской битвы. Картина эта была вставлена въ первый, по времени, памятникъ полтавской битвы, сооруженный тѣмъ же Руденкомъ и служившій съ конца XVIII в. единственнымъ «трофеемъ и украшеніемъ Полтавы», какъ выражались путешественники того времени. Когда памятникъ былъ разрушенъ, то картину эту поставили въ воскресенскомъ храмѣ въ Полтавѣ, сооруженномъ тѣмъ же Руденкомъ, гдѣ она находится и нынѣ. Другая современная картина, гдѣ рѣзко выдѣляется Петръ на своемъ конѣ, Лизеттѣ, принадлежитъ извѣстному граверу Пикару. Долго думали, что ее гравировалъ Шхонебекъ, но еще Ровинскій замѣтилъ, что Шхонебекъ не могъ ее гравировать, такъ какъ онъ скончался въ 1705 году. Эти двѣ картины и представляютъ собой два типа современныхъ картинъ, послужившихъ образцами для другихъ. Ими отчасти воспользовался знаменитый французскій художникъ Натье (р. 1685 † 1776), который и начинаетъ собою рядъ художниковъ, бравшихъ сюжетомъ полтавскую битву. Это и будетъ вторая категорія картинъ полтавской битвы. Слѣдя хронологически, второй картиной будетъ извѣстная мозаичная картина Ломоносова, законченная имъ незадолго до своей кончины, въ 1764 г. Картина эта долго хранилась въ Академіи художествъ, но нынѣ, въ реставрированномъ видѣ, помѣщена въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ. Какъ Ломоносовъ, такъ за нимъ и Шебуевъ, профессоръ и ректоръ Академіи художествъ (р. 1777 † 1855) изобразили не общій видъ сраженія, а, главнымъ образомъ, Петра В. Картина Шебуева написана въ 1807 г. Въ 1844 г. она принесена въ даръ Императоромъ Николаемъ I полтавскому кадетскому корпусу, гдѣ находится и въ настоящее время. Если къ перечисленнымъ картинамъ прибавимъ сцены изъ полтавской битвы Каразина (всѣхъ 4) и большую картину художника, извѣстнаго баталиста, Коцебу († 1889) то этимъ и исчерпываются всѣ картины, принадлежащія кисти художниковъ. Послѣдняя картина, надо прибавить, изображаетъ послѣдній моментъ сраженія.

Остаются еще картины, принадлежащія не художникамъ, а просто живописцамъ. Онѣ относятся къ XVIII вѣку. Первою по времени будетъ картина, поднесенная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ Петру Великому при проѣздѣ послѣдняго, вскорѣ послѣ полтавской битвы, черезъ Кіевъ. Картину эту или, быть можетъ, копію ея нѣсколько лѣтъ назадъ нашли въ рухлядной Тихвинскаго монастыря, Новгородской епархіи. Найдена она въ разорванномъ видѣ; ее кое-какъ склеили, и настоятель этого монастыря принесъ ее въ даръ городу Полтавѣ (хранится въ городской думѣ). Кто рисовалъ ее, неизвѣстно. Другая картина находится въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Внизу этой картины надпись:

Се образъ начертанъ премудраго героя
Что ради подданныхъ лишилъ себя покоя
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ; но кто онъ былъ таковъ,
Гласитъ народъ и флотъ, художества и войски
Гражданскіе труды и подвиги геройски.

Картина эта хранится въ покояхъ настоятеля, въ такъ наз. Екатерининскомъ залѣ. Залъ этотъ украшенъ многими картинами, что было сдѣлано къ пріѣзду въ Полтаву Императрицы Екатерины II, въ 1787 г., отчего онъ и названъ Екатерининскимъ.

Эти двѣ картины рѣзко отличаются по исполненію отъ картинъ художниковъ. На нихъ изображенъ Петръ В., попирающій, что было въ обычаѣ того времени, непремѣнно льва. Кто писалъ эту картину, точно неизвѣстно. Можно предполагать, что работа эта принадлежитъ иконописцу села Борисовки, Курской губ. Петръ В., возвращаясь послѣ полтавской битвы въ Петербургъ, заѣхалъ въ имѣніе своего славнаго сподвижника Б. П. Шереметева, Борисовку, которому подарилъ образъ Тихвинской Божіей Матери, во имя коей былъ основанъ женскій монастырь. При монастырѣ, по мысли Петра, основана была школа живописи, которой занимались сначала монахини, а затѣмъ и жители села. Работы ихъ были сильно распространены въ концѣ XVIII в. на югѣ Россіи, и возможно, что эта картина и принадлежитъ кисти художника изъ с. Борисовки. Всѣ перечисленныя нами картины рисуютъ намъ полтавское сраженіе или самого Петра, какъ главнаго его участника. Но въ коллекціи нашей есть картины, изображающія другіе моменты боя. Такъ, есть прекрасный снимокъ съ картины, полученный нами изъ Стокгольмскаго королевскаго му-

зея, рисующій тотъ моментъ, когда русская кавалерія загнала непріятеля въ лѣсъ, гдѣ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, Меньшиковъ. Изъ того же музея мы имѣемъ снимокъ Карла XII, когда подъ нимъ разбиты носилки и окружающіе убѣждаютъ его сѣсть на лошадь и спасаться... Тотъ же рѣшающій сраженіе моментъ, когда Петръ ринулся въ битву со своими преображенцами, также изображенъ художникомъ, но кѣмъ, неизвѣстно. Таковы главныя гравюры, рисующія сраженіе 1709 г.

Послѣ битвы Петръ В., упоенный побѣдой, какъ извѣстно, не сразу началъ преслѣдованіе бѣжавшаго съ поля битвы Карла XII. Только къ вечеру отправлены были отряды въ погоню за непріятелемъ. Самъ же Петръ, послѣ сраженія, принесъ благодарственное молебствіе за дарованную побѣду, что и изображено на картинѣ Животовскаго. А затѣмъ Петръ объѣзжалъ войска, благодарилъ ихъ за вѣрную службу. Сюжетъ этотъ взялъ для своей картины Коранъ д'Ашъ (псевдонимъ). Изображенію же отдыха Петра В. послѣ боя и обѣда въ шатрѣ, подаренномъ ему персидскимъ шахомъ, посвятили картины три художника, изобразившіе, впрочемъ, различные моменты. Одна изъ нихъ, помѣщенная во французскомъ изданіи 1813 г., изображаетъ Петра, сидящимъ за столомъ и бесѣдующимъ съ Реншильдомъ. Но гравюра эта мало удачна: ни Петръ, ни Реншильдъ не отличаются сходствомъ съ оригиналами, да и костюмы и лица не тѣ—все напоминаетъ нѣмецкое, чужеземное... Другая гравюра изображаетъ Петра В., вручающаго шпагу Реншильду, а третья—Петръ подымаетъ бокалъ за своихъ учителей—шведовъ. Послѣдняя гравюра принадлежитъ Н. А. Кошелеву.

И. Фр. Павловскій.

Изъ прошлаго Полтавщины. *Объ открытіи въ Малороссіи торфа, каменнаго угля, мергеля и алебастра.* 1 ноября 1801 года товарищъ Главнаго Судьи Новороссійской Опекунской Конторы Бригонци отправилъ на имя императора Александра I донесеніе объ открытіи имъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, при казенномъ селѣ Радичевѣ, торфа (или, какъ тогда называли его, турфа). Торфъ,

о мнѣнію Бригонци, можетъ вполнѣ замѣнить, какъ топливо, дрова на селитряныхъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводахъ. Помимо этого, торфъ послѣ перегонки даетъ очень полезную жидкость при выдѣлкѣ кожъ, а зола можетъ служить хорошимъ удобреніемъ для полей. Площадь, занимаемая вновь открытымъ торфомъ, простиралась на нѣсколько верстъ; толщина его доходила до двухъ аршинъ. Это донесеніе министръ внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубей передалъ на разсмотрѣніе Экспедиціи Государственнаго хозяйства. Экспедиція, разсмотрѣвъ его, представила министру обширный докладъ. Ея мнѣніе о пользѣ введенія торфа было таково: Въ Россіи, по роду устройства жилищъ и по образу жизни крестьянъ, употребленіе торфа не можетъ быть столь выгодно, какъ за границей, уже потому, что во многихъ губерніяхъ крестьянскія избы безъ трубъ; да и нагрѣть торфъ, по причинѣ его толщины, трудно; необходимы особаго рода обжигательныя печи. Съ большею пользою торфъ можетъ быть употребленъ, какъ топливо, на кирпичныхъ и винокуренныхъ заводахъ. Помимо этого, заготовка торфа совпадетъ съ временемъ занятій хлѣбопашествомъ, а это отвлечетъ населеніе отъ занятій послѣднимъ. Доставать же торфъ на земляхъ осушенныхъ неудобно, такъ какъ, по снятіи его, останется песчаный или глинистый грунтъ, мало годный для произрастанія травъ. При этомъ приводится, какъ примѣръ, Голландія, гдѣ обрабатывавшіе торфъ должны внести достаточный залогъ, проценты съ котораго шли на уплату казенныхъ и др. повинностей. Въ заключеніе Экспедиція считаетъ очень полезнымъ сдѣлать опытъ обработки торфа, и если по цѣнѣ онъ окажется дешевле дровъ, то ввести его, въ видахъ сбереженія лѣсовъ, въ употребленіе. Этотъ отзывъ Экспедиціи, какъ и копію донесенія Бригонци, министръ препроводилъ малороссійскому генералъ губернатору кн. Куракину.

«Нельзя не видѣть съ одной стороны,—писалъ министръ,—пользы, ожидаемой отъ сего открытія торфа, съ другой—неудобствъ, съ симъ сопряженныхъ и описанныхъ Экспедиціею въ его мнѣніи. Я не могу сдѣлать изъ всѣхъ сихъ предположеній, какъ то, чтобъ предать оныя мѣстному соображенію вашего сіятельства».

Кн. Куракинъ, поблагодаривъ министра за довѣріе, высказываетъ свой взглядъ на это открытіе. «На счетъ открытія сего (т. е. торфа) въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, гдѣ изобилуетъ лѣсъ, долженъ сказать, что введеніе его къ употребленію не обѣщаетъ того успѣха, котораго бы можно было желать. Извѣстенъ сей торфъ и въ

Глуховскомъ повѣтѣ, въ дачахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, который не разрабатывается, потому что дровъ довольно, а всякое новое признается затруднительнымъ. Обыватели здѣшніе, какъ и вашему сіятельству не безъизвѣстно, не весьма пристрастны къ новымъ открытіямъ, а потому и уваженіе къ изобрѣтеніямъ отъ нихъ еще отдалено. Если бы турфъ отыскался въ южной полосѣ Малороссіи (по безлѣсью оной) и тамъ, гдѣ тростникъ дрова не замѣняетъ, могъ бы онъ быть почтенъ даромъ природы, и нужда, конечно, ввела бы его въ употребленіе; а посему, когда бы къ отысканію мѣстъ, гдѣ произрастаетъ турфъ, былъ присланъ человѣкъ, къ таковому открытію способный, можно вѣрно бы надѣяться, что труды его тщетными не останутся, о чемъ по усердію моему къ здѣшнему краю позвольте мнѣ вашего сіятельства просить. Между тѣмъ, извѣстно мнѣ, что природа и другимъ горючимъ веществомъ край сей наградила. По рѣчкѣ Орели есть ясныя доказательства существованія въ окрестностяхъ ея земляного угля, къ отысканію котораго и былъ присланъ чиновникъ, но входя въ препорученіе поверхностно только, не удовлетворилъ тому намѣренію, съ каковымъ онъ былъ посланъ, и не нашедъ въ избыткѣ сего полезнаго природы произведенія, заключилъ, что угля нѣтъ, и оставилъ безъ дальнѣйшаго изысканія. И такъ, если бы содѣйствіемъ вашего сіятельства, изъ Луганскихъ заводовъ былъ присланъ чиновникъ съ какимъ-либо поощреніемъ, конечно преуспѣлъ бы въ открытіи сего угля.»

Въ ожиданіи прибытія такого чиновника, кн. Куракинъ энергично принялся за изслѣдованіе торфа, каменнаго угля и др. Онъ прежде всего потребовалъ отъ черниговскаго губернатора барона Френздорфа увѣдомленія, дѣйствительно ли есть торфъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ. Губернаторъ не замедлилъ отвѣтомъ. Оказывается, какъ писалъ Френздорфъ, еще въ 1800 г. генералъ-прокуроръ П. Х. Обольяниновъ требовалъ свѣдѣнія относительно употребленія торфа въ Черниговской губерніи, и тогда, по собраніи отъ городничихъ, земскихъ судовъ, свѣдѣній, оказалось, что мѣстъ, гдѣ находили бы торфъ, очень немного, а гдѣ же онъ и встрѣчается, то населеніе его не умѣетъ обрабатывать. Что касается открытаго Бригинцѣ торфа въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, то губернаторъ сообщилъ, что тамъ «мѣста лѣсныя, турфу въ отысканіи по тому повѣту и въ употребленіи нѣтъ.»

Такой отвѣтъ не удовлетворилъ князя, и онъ предписалъ, чтобы мѣсто, гдѣ найденъ Бригонци торфъ, нижнимъ земскимъ судомъ (исполнявшимъ, какъ извѣстно, полицейскія обязанности) непремѣнно было отыскано; въ противномъ случаѣ «подаетъ онъ начальству о себѣ мысль, что состояніе повѣта ему не вовся извѣстно, а сіе составляетъ первую обязанность земской полиціи.»

Торфъ, конечно, нашелся именно, тамъ, гдѣ его видѣлъ и Бригонци, но жители не пользовались имъ, такъ какъ у нихъ слишкомъ много лѣса, который и продавался ими на сторону. Кн. Куракинъ предписалъ губернатору внушить всѣмъ жителямъ пользу употребленія торфа, что губернаторъ и сдѣлалъ, оповѣстивъ объ этомъ всѣ повѣты ввѣренной ему губерніи.

—

Желаніе князя Куракина о присылкѣ чиновника для изслѣдованія южной Малороссіи, было исполнено. Правленіе Луганскаго завода назначило берг-гешворена Ильина, который въ августѣ мѣсяцѣ 1804 года и производилъ розысканія въ константиноградскомъ и кобелякскомъ повѣтахъ.

Розысканія Ильина увѣнчались успѣхомъ, главнымъ образомъ, относительно торфа, который имъ былъ найденъ въ Маячскихъ дачахъ (наилучшій, по его мнѣнію), въ Царичанскихъ и Китайгородскихъ дачахъ. Что же касается каменнаго угля, которымъ особенно интересовался кн. Куракинъ, то Ильинъ высказалъ только предположеніе, что, можетъ быть, въ этихъ мѣстахъ и есть каменный уголь, но для этого, по замѣчанію Ильина, нужны еще изслѣдованія. О результатѣ изысканій Ильина князь Куракинъ увѣдомилъ министра внутр. дѣлъ. „Упованіе мое, пишетъ князь, на примѣчаніяхъ основывавшееся, что въ Малороссіи можетъ быть и каменный уголь, получило нѣкоторое событіе.“

Князь Куракинъ благодарилъ Правленіе Луганскаго завода за присылку чиновника Ильина и выхлопоталъ ему награду,—годовой окладъ жалованья (180 р. ассиг.). Въ слѣдующемъ 1805 г. изысканіе продолжалось; вмѣсто Ильина, правленіе Луганскаго завода командировало берг-гешворена Пиленка, который не нашелъ въ константиноградскомъ повѣтѣ каменнаго угля, но за то указалъ много мѣстъ, изобилующихъ торфомъ. Такъ, торфъ открытъ имъ по р. Орели при с. Чернетчинѣ и Орчикѣ, по рѣкѣ Берестовой въ дачахъ Параскѣевской, Берестовенской, Лебяжьинской, Николаевской, Завалинской. Въ Ста-

ровѣровкѣ онъ открылъ камень мергель, который можно употреблять на постройки, а при р. Орели—алебастръ, находившійся въ разныхъ цвѣтной глинѣ.

Помимо этого, хорошій торфъ былъ открытъ и въ Лубенскомъ повѣтѣ, гдѣ кн. Куракинъ желалъ открыть торфяной заводъ, для чего испросилъ правительственный заемъ г. Лубнамъ въ 4.000 рублей. Дѣломъ этимъ долженъ былъ завѣдывать земскій комиссаръ лубенскаго повѣта Николай Кулябка, которому поручено было наблюдать и за обработкой торфа въ имѣніи гр. Разумовскаго, около Батурина.

Въ Лубенскомъ повѣтѣ торфъ былъ найденъ, главнымъ образомъ, въ селѣ Пескахъ, при р. Удаѣ, гдѣ и предполагалось устроить заводъ. Но для этой цѣли необходимо было пріобрѣсти эти земли, всего 16 дес. 430 квадр. саженъ, у каз. крестьянъ и у сосѣда, мѣщанина Сушка, 1 дес. 265 саж. Но оказалось, что купить эти земли нельзя было, такъ какъ онѣ были отданы крестьянамъ, въ силу высочайшаго повелѣнія, съ уплатою оброка по $55^3/_4$ коп. съ десятины. Куракинъ думалъ имъ предоставить другія казенныя земли, но таковыхъ по близости не оказалось. Сами же крестьяне готовы были промѣнять эти земли на что либо лучшее; получали они съ десятины сѣнокоса въ то время 2 р. 50 к.; мѣщанинъ же Сушко съ своего участка имѣлъ всего 5 р. дохода.

Когда не удалось Куракину переселить крестьянъ села Песокъ (ихъ было 17 человѣкъ муж. пола и 20 женскаго, по ревизіи 1795 года), то онъ рѣшилъ купить для нихъ землю гдѣ-либо невдалекѣ. Нѣкто Лозовецкій, жившій недалеко отъ Песковъ, уступалъ 15 десятинъ по 11 р. за десятину, но сдѣлка эта не состоялась. Въ началѣ 1808 г. Куракинъ переѣхалъ въ Петербургъ, занявъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Заводъ, такимъ образомъ, и не былъ открытъ. Изъ 4 тысячъ, ассигнованныхъ на его устройство, 296 р. $21^1/_4$ к. издержаны на расходы по изысканіямъ Ильина и Пиленка, а остальные 3703 р. $78^3/_4$ к., какъ не требовавшіеся долгое время, изъ расхода исключены. Такимъ образомъ, главной причиной, почему не былъ открытъ заводъ, была невозможность пріобрѣсти торфяныя земли отъ крестьянъ.

Много лѣтъ спустя опять былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ въ Полтавской губерніи торфянаго завода. Это было при генералъ-губернаторѣ Н. А. Долгорукомъ (1840—1847.) Кн. Долгоруковъ потребовалъ мнѣнія по этому предмету отъ управляющаго полтавской

[illegible]ой Государственныхъ имуществъ. Мнѣніе управляющаго окончательно убѣдило въ невозможности строить заводъ. Всѣ болота, гдѣ [illegible]или торфъ, служатъ, по мнѣнію управляющаго, резервуарами [illegible]къ Берестовой, Орчика, Орели и Сулы «и полезны въ этомъ [illegible]по снабженіемъ воды этимъ рѣкамъ и испареніями своими, увлажающими поля, къ нимъ прилегающія.» «Я полагаю, писалъ управляющій палатой, что настоящая польза отъ сихъ болотъ гораздо благонадежнѣе, нежели разработка на нихъ торфа, черезъ которую если обнажится поверхность сихъ мѣстъ, то источники могутъ засориться, вода изсякнетъ и рѣки лишены будутъ нѣкоторой части своихъ запасовъ. Вода же въ Полтавской губерніи во всѣхъ отношеніяхъ нужнѣе топлива.»

Такова исторія устройства торфянаго завода, о которомъ такъ много хлопоталъ кн. Куракинъ; по его мысли, заводъ этотъ долженъ былъ служить населенію школой обработки торфа. Разрабатывался ли въ другихъ мѣстахъ торфъ—объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ свѣдѣній, хотя инструкція, составленная съ этой цѣлью, была разослана губернаторами Черниговской и Полтавской губерніи. Замѣтимъ, что инструкція эта была позаимствована отъ бригадира Степана Ѳеодоровича Толстого, въ имѣніи котораго, въ Орловской губерніи, въ Карачевскомъ уѣздѣ, производилась обработка торфа.

(Архивъ Полтав. Губ. Правленія, по описи № 173, 1803 года.)

Сообщ. **И. Фр. Павловскій.**

Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды? Въ настоящее время въ Полтавѣ на мѣстѣ этого домика стоитъ памятникъ съ такой надписью: «Здѣсь Петръ Великій отдыхалъ по трудамъ своимъ. Благоговѣй! Мѣсто свято есть!» Самый домикъ сломанъ.

По поводу этого авторъ путевыхъ замѣтокъ о Полтавѣ говоритъ слѣдующее: мнѣ весьма не нравится, что допустили сломать домъ, въ которомъ жилъ онъ (т. е. Петръ) и который, кажется, само Провидѣніе берегло; нѣсколько десятковъ лѣтъ находился онъ безъ крыши и время не посмѣло коснуться къ нему разрушительнымъ перстомъ своимъ: дубовыя бревна, изъ которыхъ срублены стѣны, понынѣ еще сохраняютъ первоначальную свою крѣпость и

свѣжесть. Срубъ сей перевезенъ въ деревню г. Магденкомъ, который предлагалъ неоднократно городу купить его! Домъ сей состоялъ изъ трехъ весьма узкихъ проходныхъ комнатъ, къ которымъ примыкали находившіяся во дворѣ баня и кухня. Петръ, услышавъ однажды плачъ младенца, который былъ дѣдомъ нынѣшнему Магденку, приказалъ его подать къ себѣ. Взявъ на руки и покачавъ, повелѣлъ клкъ выростетъ, сказать ему, что царь его нянчилъ и для того онъ долженъ служить ему усерднѣе». [1])

Н. В.

Текущія извѣстія.

Къ 50-лѣтію со дня смерти Гоголя. Гоголевская коммиссія, образовавшаяся при историко-филологическомъ институтѣ въ Нѣжинѣ, готовитъ ко дню пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя сборникъ, посвященный его памяти. Въ составъ сборника войдутъ: 1) неизданное одно изъ послѣднихъ писемъ Гоголя, именно къ И. Барановскому; 2) обзоръ критической литературы о Гоголѣ, главнымъ образомъ за послѣднія десятилѣтія, что̀ составитъ продолженіе библіографическаго труда Горожанскаго; 3) подробный каталогъ выставки, устраиваемой въ стѣнахъ института гоголевскою коммиссіей; каталогу предпосылаются двѣ объяснительныхъ статьи—о портретахъ Гоголя и о роли произведеній его въ народной книжкѣ и картинкѣ; 4) матеріалы для біографіи Гоголя, находящіеся въ архивѣ гимназіи высшихъ наукъ, принадлежащемъ институту, и 5) можетъ-быть, *обзоръ изданій переложеній Гоголя на малорусское нарѣчіе, появившихся преимущественно въ Галиціи и Буковинѣ.* Сборникъ иллюстрируется фототипіями съ неизвѣстныхъ до сихъ поръ портретовъ лицъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ Гоголю, портретами Гоголя, снимками съ его почерка и найденнаго въ архивѣ института ученическаго рисунка Гоголя. („Русск. Вѣдомости“, № 301).

---

[1]) Отечеств. записки П. Свиньина, 1830 г., ч. 42, стр. 7—8.

Усиленіе средствъ С.—Петербургскаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. На общемъ собраніи одесскаго отдѣла „общества помощи въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ", закрытаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, рѣшено капиталъ отдѣла (въ суммѣ 1100 руб.) передать С.—Петербургскому Обществу изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. („Одесскій„ Листокъ", № 273.)

—

Портретъ Ольриджа, писанный Т. Шевченкомъ. Въ картинной галлереѣ „Новаго театра" въ Спб. обращаетъ на себя вниманіе портретъ знаменитаго трагика Ольриджа, писанный украинскимъ поэтомъ Тарасомъ Шевченкомъ и посвященный извѣстному русскому артисту Щепкину. („Одесскій Листокъ", № 277).

—

Памятникъ Е. П. Гребенкѣ. На могилѣ писателя Е. П. Гребенки на-дняхъ поставленъ пирятинскимъ земствомъ въ хуторѣ „Убѣжище", родинѣ Е. П., памятникъ—чугунный крестъ красивой ажурной работы, на высокомъ пьедесталѣ („Одесскій Листокъ", № 277).

—

Извѣстіе о переводѣ Новаго Завѣта на малорусскій языкъ. Въ газетахъ напечатано извѣстіе, что „законченъ переводъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта на малороссійское нарѣчіе. Переводъ уже разсматривался въ академіи Наукъ и отправленъ для одобренія въ Св. Синодъ" („Южанинъ" 277). Въ такой формѣ извѣстіе это болѣе чѣмъ темно. Какъ извѣстно, существуютъ два перевода Новаго Завѣта на украинскій языкъ: одинъ принадлежитъ Морачевскому, другой Кулишу и Полю. Первый переводъ былъ одобренъ Академіей Наукъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ, но до сихъ поръ не напечатанъ; переводъ же Кулиша и Полюя въ первый разъ напечатанъ во Львовѣ въ 1880 г. Слѣдовательно, сообщеніе о томъ, что переводъ Новаго Завѣта на украинскій языкъ законченъ, не можетъ, повидимому, относиться ни къ одному изъ указанныхъ переводовъ.

—

Пѣсенная Комиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества приступила къ снаряженію экспедицій для записыванія пѣсенъ непосредственно съ голосовъ народа, озабочиваясь сохраненіемъ живущихъ еще въ народѣ остатковъ его пѣсеннаго творчества.

Въ виду этого, для обезпеченія успѣха предполагаемыхъ экспедицій, Пѣсенная Комиссія обращается къ разнымъ лицамъ съ просьбою отвѣтить на прилагаемомъ при письмѣ вопросномъ листѣ возможно подробнѣе на всѣ помѣщенные въ немъ вопросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду высокаго научно-этнографическаго и художественнаго значенія, которое можетъ имѣть удачно собранный пѣсенный матеріалъ, Пѣсенная Комиссія проситъ указать, какія мѣры должно считать наиболѣе цѣлесообразными для достиженія лучшаго успѣха предпринятому дѣлу въ данной мѣстности независимо отъ предложенныхъ вопросовъ. Отвѣты просятъ присылать не позже наступленія зимы на имя дѣлопроизводителя комиссіи Владислава Ивановича Гоффе, въ С.-Петербургъ. Инженерная, 4.

Вопросный листъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе 17 вопросовъ:

1) Сохранились-ли въ вашей мѣстности старинныя народныя пѣсни, былины или духовные стихи? 2) Если да, то какіе именно, т. е. духовные стихи, былины, или бытовыя? 3) Не можете-ли назвать тѣ духовные стихи, которые поются въ вашей мѣстности? 4) Не можете-ли назвать былины, которыя поются въ вашей мѣстности? 5) Сохранились-ли у васъ свадебные обряды, сопровождаемые пѣснями и причитаніями? 6) Сохранились-ли у васъ причитанія рекрутскія и похоронныя? 7) Сохранились-ли у васъ хороводы и гуланья, сопровождаемые пѣснями троицкими, семицкими или ивановскими? 8) Сохранились-ли у васъ игры святочныя и масляничныя, сопровождаемыя пѣснями? 9) Сохранились-ли у васъ плясовыя пѣсни? 10) Сохранились-ли въ народѣ старинные музыкальные инструменты и какіе именно? 11) Не можете-ли указать мѣстности (села или деревни), въ которыхъ наиболѣе сохранились пѣсни, съ обозначеніемъ, какой именно родъ пѣсенъ преобладаетъ въ каждомъ изъ нихъ? 12) Не можете-ли назвать лицъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, помнящихъ старинныя пѣсни, былины или духовные стихи, и сообщите ихъ мѣсто жительства? 13) Сохранились-ли въ деревняхъ зимнія посидѣлки, сопровождаемыя пѣснями бытовыми, протяжными? 14) Въ виду командированія Пѣсенною Комиссіею Императорскаго Русскаго Географическаго Общества экспедицій для записыванія пѣсенъ, не можете ли сообщить, когда въ вашей мѣстности можно надѣяться собрать болѣе матеріала въ теченіе лѣтняго періода? 15) Не можете-ли сообщить тексты нѣкоторыхъ пѣсенъ, былинъ или духовныхъ

стиховъ, для предварительнаго съ ними ознакомленія? 16) Не можете-ли назвать лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, которыя могли-бы оказать содѣйствіе по собиранію пѣсеннаго матеріала, и сообщите ихъ мѣсто жительства? 17) Не можете-ли представить какія либо соображенія, исходящія изъ условій вашей мѣстности, для наилучшаго успѣха предпринятаго Пѣсенною Комиссіей дѣла? („Югъ", № 1048).

—

Къ 30-лѣтнему юбилею М. Л. Кропивницкаго. Въ настоящемъ году исполняется 30-лѣтіе литературной дѣятельности М. Л. Кропивницкаго, такъ какъ первое его печатное произведеніе появилось въ 1871 г. въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ". По этому поводу „Одесскій Листокъ" такъ характеризуетъ произведенія юбиляра: „Прекрасный малорусскій языкъ его сочиненій, яркая образность слога, изобилующая массой мѣткихъ народныхъ выраженій, поговорокъ и оборотовъ—все это достоинства, которыя очень хорошо извѣстны многочисленнымъ почитателямъ М. Л. Кропивницкаго; его талантъ авторскій, его художественная игра—по прежнему прекрасны и по прежнему трогаютъ душу" („Одесскій Листокъ", № 276).

Какъ сообщаетъ та-же газета (№ 281), юбилей будетъ отпразднованъ въ Кіевѣ, куда труппа г. Кропивницкаго переѣдетъ въ декабрѣ. Какъ мы слышали, г. Кропивницкій имѣетъ намѣреніе ознаменовать 30-лѣтіе своего служенія родному искусству основаніемъ украинскихъ драматическихъ классовъ.

—

Полтавскій съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности, по докладу г-жи О. П. Косачъ „О народномъ украинскомъ искусствѣ въ кустарныхъ издѣліяхъ", постановилъ слѣдующую резолюцію: а) просить земскія управы малорусскихъ губерній, чтобы онѣ рекомендовали профессіональнымъ школамъ заботиться о сохраненіи національнаго стиля въ своихъ издѣліяхъ; в) просить предстоящее Полтавское губернское земское собраніе объ установленіи постоянныхъ хоть небольшихъ премій для выдачи тѣмъ лицамъ изъ народа, которыя представятъ въ профессіональныя школы или иныя учрежденія лучшія работы въ народномъ украинскомъ стилѣ („Хуторянинъ", № 45). По докладу г. Сластіонова: „О поднятіи художественнаго элемента въ кустарномъ производствѣ" съѣздъ, между прочимъ,

высказался о желательности, чтобы земства" озаботились собираніемъ образцовъ мѣстнаго орнамента во всѣхъ его видахъ для использованія тѣми учебными мастерскими, которыя имѣютъ цѣлью улучшеніе и развитіе кустарнаго производства". („Хуторянинъ", № 45). Какъ видно изъ напечатанной въ предыдущемъ номерѣ Хуторянина статьи г-жи Селиховой Полтавская ремесленная школа уже работаетъ въ направленіи, указанномъ докладами г-жи Косачъ и г. Сластіонова: при производствѣ портьеръ, занавѣсей, ковриковъ, скатертей и т. п. примѣняется старинный украинскій геометрическій орнаментъ.

—

Григорій Врецьона (некрологъ). 20 октября скончался во Львовѣ одинъ изъ старѣйшихъ галицкихъ педагоговъ, всю жизнь отдавшій на служеніе школьному дѣлу, извѣстный и въ мѣстной педагогической литературѣ многочисленными трудами—Григорій Врецьона. Покойный родился 8 октября 1839 года; окончивши педагогическіе курсы въ 1862 г., Врецьона въ продолженіе 15 лѣтъ былъ народнымъ учителемъ, а затѣмъ въ 1877 году получилъ мѣсто старшаго учителя въ Львовской учительской семинаріи, гдѣ и пробылъ до послѣднихъ дней своей жизни. Покойный состоялъ сотрудникомъ какъ спеціально-педагогическихъ, такъ общаго характера изданій (Ластовка, Голос Народній, Газета шкільна, Зоря, Письма з Просвіти, Слово, Діло и др.); съ 1879 по 1890 былъ редакторомъ педагогическаго журнала «Шкільна часопись», составилъ нѣсколько учебниковъ, писалъ беллетристическіе разсказы. Кромѣ чисто литературной дѣятельности, Врецьона принималъ всегда самое живое участіе во всѣхъ галицкихъ обществахъ національнаго направленія. Смерть этого неусыпнаго труженика на пользу родного народа вызвала повсемѣстно въ Галичинѣ искреннее сожалѣніе по поводу тяжелой утраты.

—

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. По просьбѣ городской управы архитекторъ А. И. Ширшовъ, составлявшій проектъ постамента для памятника И. П. Котляревскому, отправился на дняхъ въ Кременчугъ для осмотра производимыхъ г-нъ Певнымъ работъ по изготовленію изъ гранита названнаго постамента. Кромѣ мастерской, гдѣ строится постаментъ, А. И. Ширшовъ посѣтилъ также карьеръ, въ которомъ выламываются гранитныя глыбы, изъ коихъ высѣкаются

отдѣльныя его части. Карьеръ находится въ 15 верстахъ отъ г. Кременчуга на противоположномъ берегу рѣки Днѣпра; тамъ помѣщается также мастерская. Работами по устройству пьедестала для памятника занимаются ежедневно до 20 спеціальныхъ рабочихъ. По отзыву А. И. Ширшова, работы находятся въ слѣдующемъ положеніи: ступени для постамента, нижняя часть его, такъ называемая, ступенная площадка, имѣющая приблизительно до 5 арш. въ діаметрѣ и $1^1/_2$ арш. высотою, а также верхняя самая сложная часть постамента уже совершенно готова. Неоконченной, хотя уже вчернѣ выкованной, осталась только средняя часть пьедестала. Всѣ отдѣльныя части сработаны тщательно, вполнѣ правильно и совершенно соотвѣтствуютъ проектнымъ шаблонамъ.

Перевозка пьедестала изъ Кременчуга въ Полтаву, какъ уже сообщалось въ «П. Г. В.», предполагается предстоящей зимой, а установка его на мѣстѣ начнется съ весны будущаго года.

Нѣкоторыми изъ представителей мѣстнаго городского управленія вновь поднятъ уже разрѣшенный вопросъ о мѣстѣ для памятника Котляревскому. Признавая Протопоповскій бульваръ крайне неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ для постановки тамъ памятника, лица эти предлагаютъ мѣсто для памятника въ одномъ изъ двухъ скверовъ, устраиваемыхъ противъ зданій для просвѣтительныхъ цѣлей, а именно: въ томъ, который находится посреди квартала, нѣсколько правѣй отъ зданія для театральныхъ представленій. Поднятый вопросъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе думы въ предстоящей на-дняхъ сессіи. Что же касается второго сквера, уже огороженнаго и даже насаженнаго, то здѣсь, какъ мы слышали, предполагается поставить бюстъ Н. В. Гоголя. (П. Г. В., № 234).

—

Страничка изъ жизни коллегіи Павла Галагана. «Придн̀пр. Кр.» вспоминаетъ издававшійся 20 лѣтъ тому назадъ ученическій журналъ въ Кіевской коллегіи Павла Галагана.

Директоръ коллегіи былъ въ это время И. И. Ничипоренко, человѣкъ независимаго и твердаго характера, отъ всей души отдавшійся педагогическому дѣлу. Онъ заботился о серьезномъ образованіи учениковъ и большую библіотеку коллегіи отдалъ въ ихъ завѣдываніе, что значительно содѣйствовало развитію въ воспитанникахъ любви къ чтенію. Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ ученики при-

ступили къ различнымъ предпріятіямъ. Тѣснымъ кружкомъ товарищей сейчасъ же сталъ издаваться журналъ «Слово», втайнѣ не только отъ начальства, но даже и отъ другихъ учениковъ. Содержаніе журнала составляли—стихи, повѣсти, критическія статьи и театральныя рецензіи. Журналъ носилъ серьезный характеръ и не заключалъ никакихъ выходокъ противъ начальства, учителей или товарищей. Въ это же время потихоньку отъ начальства образовалось среди учениковъ историко-литературное общество, гдѣ читались и обсуждались рефераты самаго разнообразнаго содержанія: тутъ были и философскія разсужденія о свободѣ воли, и научныя компиляціи, напримѣръ, о кожаныхъ деньгахъ въ древности, были темы и политико-экономическаго характера и литературно-критическія,—напримѣръ, о Тургеневѣ; читались иногда и переводныя вещи, напримѣръ, переводы стихотвореній Ришпена. Директоръ, конечно, скоро узналъ объ этихъ ученическихъ засѣданіяхъ, но не запретилъ ихъ, а потребовалъ только, чтобы они происходили въ присутствіи его самого или воспитателей. Это требованіе не охладило жара участниковъ собраній. Директоръ и воспитатели держали себя чрезвычайно тактично, просто, принимали участіе въ собраніяхъ, какъ собесѣдники. Поэтому присутствіе начальства на засѣданіяхъ нисколько не измѣнило дѣла. Всѣ относились къ обсужденію вопросовъ серьезно, много готовились къ преніямъ; одинъ рефератъ иногда обсуждался на нѣсколькихъ засѣданіяхъ, затягивавшихся изрѣдка до часа ночи. Всѣ эти занятія, продолжавшіяся въ теченіе всего курса, не только не мѣшали ученію, но даже помогали ему. Считалось позорнымъ готовиться къ урокамъ по литературѣ и исторіи по однимъ учебникамъ.

—

Этнографическій отдѣлъ въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ. На ряду съ отдѣломъ археологическимъ и отдѣломъ искусствъ въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ рѣшено организовать отдѣлъ этнографическій. Для помѣщенія послѣдняго изъ 6 залъ верхняго этажа зданія музея будетъ отведено два крайнихъ зала съ прилегающимъ къ нимъ небольшимъ коридоромъ. (Кіевлян.).

Библіографія.

Древности, труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, *изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго, секретаря Общества. Т. XIX, вып. 1 и 2. Москва, 1901 г.*

Согласно съ новой программой этого изданія, настоящіе два выпуска XIX-го тома распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Прежде всего идутъ оригинальныя статьи; среди помѣщенныхъ, относящихся къ древностямъ южной Россіи не имѣется. Затѣмъ слѣдуютъ протоколы засѣданій Общества за 1899—1901 гг., протоколы Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ за 1899—1900 г., археологическая хроника, ученыя общества и учрежденія, некрологи. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ отсутствуетъ еще одинъ отдѣлъ, входящій въ программу изданія,—библіографія.

Въ качествѣ приложеній къ протоколамъ помѣщено нѣсколько статей, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской старинѣ. Именно: отчетъ о засѣданіи Кіевскаго отдѣленія Предварительнаго Комитета XI Съѣзда (вып. 1), отчетъ по XI Археологическому Съѣзду въ Кіевѣ гр. П. С. Уваровой (вып. 2) и наконецъ докладъ ея-же—«Архитектурные памятники юго-западнаго края», на которомъ мы считаемъ долгомъ остановиться подольше.

Послѣ Кіевскаго съѣзда гр. Уварова совершила небольшую экскурсію по юго-западному краю (главнымъ обр. по Волыни) и отчасти по Черниговской губерніи. Въ этомъ докладѣ гр. Уваровой, какъ она говоритъ, дѣлится тѣми впечатлѣніями, какія вынесла изъ поѣздокъ.

Главное вниманіе привлекаютъ памятники церковной старины, какъ архитектурные, такъ и вещественные—другихъ вѣдь памятниковъ очень и очень немного. Первую часть доклада занимаютъ указанія на встрѣченные остатки старины въ той или другой мѣстности. Гораздо интересна вторая часть, гдѣ гр. Уварова касается давно уже наболѣвшаго вопроса объ искаженіи и уничтоженіи церковной старины. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь болѣе или менѣе обширныя выдержки изъ доклада, касающіяся принципіальной и фактической сторонъ дѣла.

Но сначала—небольшое отступленіе. Упомянувъ о томъ, что въ нашемъ краѣ сохранились преимущественно памятники XVII и XVIII ст., гр. Уварова замѣчаетъ, что памятники эти носятъ иноземное вліяніе и не успѣли или не съумѣли «выработаться въ болѣе обычныя и знакомыя намъ формы церковнаго зодчества». Здѣсь не совсѣмъ ясно, какія формы подразумѣваетъ гр. Уварова. Совершенно справедливо, что въ южно-русской церковной архитектурѣ западное вліяніе играло довольно видную роль. Но вліяніе это коснулось главнымъ образомъ каменныхъ церквей, было, затѣмъ, не слѣпымъ позаимствованіемъ, а, вопреки только что приведенному мнѣнію, развилось на мѣстѣ въ опредѣленныя формы, носящіе всѣ признаки самостоятельнаго стиля; образчиковъ такой южно-русской архитектуры, образчиковъ иногда довольно совершенныхъ (особенно конца XVII ст.), сохранилось еще достаточно какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Бѣда лишь въ томъ, что до сихъ поръ эти памятники не привлекали къ себѣ изслѣдованій спеціалистовъ и остаются не описанными и не изученными. Если же взять деревянныя церкви, то здѣсь иноземное вліяніе почти не имѣло мѣста,—своеобразный типъ этихъ церквей возникъ и развился самостоятельно.

Основной вопросъ, какой ставитъ гр. Уварова,—что дѣлать съ этими памятниками, носящими иноземное вліяніе или требующими реставраціи? Что дѣлать, «чтобы не лишить мѣстность, если не древнихъ, то, по крайней мѣрѣ, историческихъ памятниковъ»? Въ концѣ доклада гр. Уварова намѣчаетъ рядъ мѣропріятій, но передъ останавливается на особомъ направленіи въ извѣстной средѣ, направленіи, къ слову сказать дѣйствующемъ уже десятки лѣтъ и состоящемъ въ томъ, чтобы «*нынѣ* уничтожать и *не признавать* того, что казалось возможнымъ нашимъ отцамъ и дѣдамъ». Гр. Уварора называетъ это направленіе «необъяснимымъ». Намъ кажется, что объ-

ясненіе возможно: съ одной стороны, изъ за предвзятыхъ цѣлей,— полное пренебреженіе къ историческимъ традиціямъ, и, благодаря этому, и къ остаткамъ старины, съ другой—невѣжество и усердіе не по разуму.

О томъ, какъ «дѣйствуетъ» это направленіе, гр. Уварова къ старымъ фактамъ, коихъ нѣсть числа, прибавляетъ еще нѣсколько, замѣченныхъ во время ея поѣздокъ, именно:

«Въ г. Острогѣ древній храмъ Богоявленія, кн. Острожскихъ, возстановили... совершенно невозможно».

Въ с. Зимно имѣется древній Крестовоздвиженскій мужской монастырь. «Нынѣ монастырь этотъ обращенъ въ женскій и новоназначенныя игумены, одна предъ другой, желая, вѣроятно, выслужиться предъ обуревающимъ насъ за послѣднее время какимъ-то особымъ направленіемъ, строютъ, перестраиваютъ»... Здѣсь уродуется церковь Успенія, одну изъ древнихъ башенъ стѣны, съ цѣлью превратить ее въ ворота, превратили въ «совершенную ветхость», есть сильное желаніе уничтожить существующій и весьма прочный иконостасъ Екатерининскихъ временъ..

Въ с. Низкиничахъ «вдовѣ Адама Киселя было дозволено воздвигнуть мужу въ церкви родного села памятникъ, а нынѣшнее духовенство требовало его уничтоженія»...

«Въ у. городѣ Козельцѣ, черниг. губ., и селеніи Лемеха, расположенномъ въ 7 верстахъ отъ того же города и родинѣ гр. Разумовскихъ, воздвигнуты Растрелли великолѣпные храмы, разукрашенные, какъ то и подобало подобнымъ постройкамъ, великолѣпными и весьма стильными иконостасами въ стилѣ рококо, разукрашенными рѣзными рельефными головками и цѣлыми фигурами ангеловъ и херувимовъ. Мѣстное духовенство находитъ *необходимымъ* уничтожить эти изображенія—какъ *неправославныя* и весьма желательнымъ замѣну великолѣпныхъ Елизаветинскихъ иконостасовъ болѣе доступными ихъ пониманію простыми гостинно-дворскими. Въ Козельцѣ претензіи духовенства удерживаются свѣтскими членами церковнаго попечительства, но въ Лемехѣ священникъ уже вошелъ по этому вопросу въ сдѣлку съ кіевскимъ мастеромъ и новый иконостасъ заказанъ».

Повторяемъ, только что приведенные факты буквально тонутъ въ массѣ имъ подобныхъ. Что касается причинъ такихъ печальныхъ явленій, то онѣ относятся къ разряду какъ общихъ такъ и частныхъ. Первыя—малый интересъ въ массѣ и остаткамъ прошлаго,

непониманіе послѣднихъ, вторыя—малоподвижность, зачастую даже и сознательная тѣхъ учрежденій и обществъ, отъ которыхъ зависитъ и въ задачи которыхъ входитъ сохраненіе памятниковъ старины.

Но примириться съ такимъ положеніемъ нельзя и гр. Уварова, такъ горячо всегда ратующая противъ невѣжества въ данномъ отношеніи, заключаетъ свой докладъ слѣдующимъ призывомъ:

«Что же дѣлать и какъ быть съ этимъ вопросомъ? Какъ сохранить юго-западному краю его послѣдніе, если не древніе, то историческіе памятники, и какъ выработать modus vivendi для ихъ реставраціи?

«Для разрѣшенія перваго вопроса существуютъ два условія: во-первыхъ—чтобы мы *всѣ* болѣе полюбили и изучили исторію своей страны и свое родное и дали себѣ слово стоять на стражѣ нашихъ памятниковъ и во-вторыхъ—чтобы существующія археологическія и историческія общества взялись за присмотръ и сохраненіе этихъ памятниковъ и, сплотивши свои пожеланія и усилія, наконецъ, выработали и достигли такого положенія, при которомъ подобный присмотръ и сохраненіе оказались бы возможными.

«Только при такомъ просвѣщенномъ участіи лучшихъ силъ страны окажется возможнымъ предупредить своевольное уничтоженіе историческихъ могилъ, подобно могиламъ Кочубея и Искры, уничтоженныхъ монахами Кіево-Печерской Лавры за послѣдніе годы въ городѣ, гдѣ имѣются два ученыхъ общества.

«Представится возможность, вскрывая древнія могилы храмосоздателей, не разорять ихъ, не перемѣшивать и не выносить кости, не грабить ихъ безвозвратно, какъ то сдѣлано въ Мстиславовомъ храмѣ при вскрытіи могилъ князей».

И снова идетъ рядъ фактовъ, въ родѣ напр. того, «что въ началѣ нашего столѣтія сторожа Мстиславова храма, находящагося тогда въ рукахъ православнаго духовенства, 30 лѣтъ употребляли храмовую икону Божіей Матери *вмѣсто постели*»...

Что касается реставраціи, то гр. Уварова замѣчаетъ, что «хотя первое высказанное мною пожеланіе послужило бы главнымъ рычагомъ и при разработкѣ этого послѣдняго вопроса, но все таки же въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ должны помочь намъ какъ архитекторы, такъ и тѣ учрежденія, которыя ихъ воспитываютъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что высказываемыя гр. Уваровой пожеланія еще долго останутся лишь пожеланіями, что еще долго всѣмъ, кому

дорога родная старина, придется «мучаться», какъ выражается графиня, вопросомъ о возмутительномъ отношеніи къ этой старинѣ, пока же остается одно—возможно чаще предавать гласности въ точномъ смыслѣ варварское обращеніе съ остатками прошлаго—вѣдь и капля долбитъ камень...

Н В.

В. Русиновъ. 1) Прыхожа. *Сцена въ 1 дии. Переклавъ и переробывъ зъ сочиненія Н. В. Гоюля „Лакейская“.* Полтава, 1901, стр. 1—14. Ц. 5 к. 2) Несподивана халепа. *Драма въ II діяхъ. Посвята шановному М. Л. Кропивницкому.* Полтава, 1901, стр. 1—44. Ц. 15 к.

Въ первой изъ упомянутыхъ брошюръ г. Русиновъ сдѣлалъ попытку перевести на украинскій языкъ извѣстную живую театральную сценку Н. В. Гоголя «Лакейская», и надо признать, попытка его, по нашему мнѣнію, оказалась довольно удачной. Читателя на первый разъ можетъ нѣсколько смутить упоминаніе на обложкѣ «и переробывъ»; однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что авторъ собственно почти ничего не «переробывъ», а придерживался, насколько возможно только было, самымъ добросовѣстнымъ образомъ оригинала. Количество отступленій отъ текста и не особенно удачныхъ переводовъ настолько незначительно, что мы ихъ легко можемъ здѣсь всѣ отмѣтить. Наиболѣе крупнымъ отступленіемъ является нѣсколько видоизмѣненный, въ интересахъ сценичности, конецъ. У Гоголя піеса заканчивается тирадой дворецкаго о собственномъ краснорѣчіи, и послѣднія слова ея: «Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату? (Аннушка идетъ, Лаврентій за нею). У г. Русинова вмѣсто послѣдней фразы вставлена иная, довольно неумѣстная: «А все жъ таки я завсегда съ моимъ съ удовольствіемъ...». Затѣмъ вбѣгаетъ Иванъ, и происходитъ слѣдующая сцена:

Дворецькый. Чого тоби тутъ треба?

Иванъ. Панъ йидуть... Одчынить. (Пишовъ одчынять).

Анна Гаврыловна. Оце та-акъ!... Куды жъ мени?

Дворецькый. До жинчы до моеи (Ганна хоче йты въ ти жъ двери). Ни, черезъ залу, черезъ залу... (Ганна хутенько пишла).

Входыть панъ, за нымъ Иванъ; дворецькый кланяется. (Иванъ знымa шубу). Этой сцены у Гоголя нѣтъ совершенно.

Далѣе, на стр. 13, князь Брюховецкій почему-то передѣланъ въ Булкына; на стр. 7 мороженное—замѣнено «вареною» и добавлены: «чай, кохвій, щыколатъ».

Все это, конечно, мелочи, отъ которыхъ переводъ, въ общемъ довольно удовлетворительный, не теряетъ своихъ достоинствъ.

Пьеса дозволена драматическою цензурою къ представленію, и, надо думать, найдетъ себѣ мѣсто на театральной малорусской сценѣ.

Зато вторая, самостоятельная, пьеса того же автора далеко уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ переводной. Какъ извѣстно, трудно вообще умѣстить какую-бы то ни было драму даже въ 3 дѣйствія, въ виду того, что необходимо достаточно выяснить психологію, мотивы, побужденія героевъ пьесы, обрисовать обстановку, среди которой постепенно должна развиваться драма, пока прійдетъ къ развязкѣ, и т. п. Между тѣмъ авторъ, выведя на сцену 22 дѣйствующихъ лица, не считая «народа», рѣшилъ представить драму въ 2 дѣйствіяхъ. Отсюда естественнымъ слѣдствіемъ является то, что характеры дѣйствующихъ лицъ оказались въ достаточной мѣрѣ непонятными, невыясненными; поступки часто не мотивированы, а если и есть послѣднее, то возбуждаетъ сомнѣніе, достаточно ли мотивъ основателенъ; да и вообще весь драматизмъ зиждется на шаткихъ основаніяхъ. Сущность піесы въ томъ что экономическій приказчикъ, намѣтивъ себѣ въ жертву дивчину Одарку, возлюбленную парубка Романа, посредствомъ подкупа кухарки Тетяны и другихъ средствъ, взводитъ на Романа ни на чемъ не основанное обвиненіе въ томъ, что онъ обворовалъ контору. Одарка, повѣривъ слухамъ о преступленіи Романа, подъ вліяніемъ насмѣшекъ подругъ, вдругъ нашла исходъ: «присягается», что пойдетъ въ «черницы», чтобы молиться за грѣшную душу Романа. Немного спустя оказывается, что Романъ не могъ обворовать конторы, такъ какъ не былъ даже въ ту ночь въ экономическомъ дворѣ. Романъ является съ объясненіемъ къ Одаркѣ; но послѣдняя ему въ отвѣтъ говоритъ слѣдующія слова: «Прости мене, парубче! Не памъятай худою (sic)! ...Забудь на-вики... Такъ мабуть судылось!» и т. п.—и зомлила! На этомъ кончается драма. Къ числу недостатковъ можно также отнести шаржъ (напр., 9 сцена 1 дѣйствія, нѣкоторыя реплики Хомы), неправильности языка: «запачкавъ мене медомъ», а главное—отсутствіе жизненности и интереса въ пьесѣ. Вообще драма, также дозволенная

драматическою цензурою къ представленію, врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ на сценѣ.

В. Д.

Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, издаваемые подъ ред. Н. П. Василенка. *Вып. 1-й Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка 1729—1730 г. Стр. XXX+IX+417. Черниговъ, 1901.*

«Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ», произведенное въ 1729—30 г. по всѣмъ полкамъ лѣвобережной Украйны, помимо чисто фискальныхъ соображеній, имѣло своей цѣлью ограниченіе непомѣрнаго роста монастырскаго землевладѣнія, возвращеніе «урядомъ» неправильно розданныхъ въ частное владѣніе земель и вообще упорядоченіе запутанныхъ земельныхъ отношеній. Лѣтомъ 1729 г. по полкамъ были командированы канцеляристы для собиранія свѣдѣній о времени основаніи каждаго села и о его владѣльцахъ, при чемъ послѣдніе должны были съ своей стороны представить въ полковыя канцеляріи тѣ документы (универсалы, грамоты), на которыхъ опиралось ихъ право владѣнія. Записанныя отъ старожиловъ свѣдѣнія и представленные владѣльцами документы были обработаны въ полковыхъ канцеляріяхъ и составили такъ называемыя книги генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ.

Первый выпускъ «Матеріаловъ для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи», издаваемыхъ при «Земскомъ Сборникѣ Черниговской губерніи» подъ редакціей Н. П. Василенка, содержитъ данныя по нѣжинскому полку. Какъ узнаемъ изъ предисловія редактора, книга издана по современной рукописи (копіи), находящейся въ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. По отзыву такихъ компетентныхъ изслѣдователей украинской старины, какъ А. М. Лазаревскій и В. А. Мякотинъ, свѣдѣнія генеральнаго слѣдствія являются въ высшей степени важнымъ историческимъ матеріаломъ. Отличаясь точностью и обстоятельностью, при отсутствіи къ тому же другихъ источниковъ, свѣдѣнія эти особенно представляются цѣнными для исторіи землевладѣнія на Украйнѣ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 11; 2) Русская старина № 11; 3) Историческій Вѣстникъ № 11; 4) Вѣстникъ Всемірн. Исторіи № 10 и 11; 5) Журнал. Министерства Народн. Просв. № 11; 6) Вѣстникъ Европы № 11; 7) Русская Мысль № 11; 8) Міръ Божій № 11; 9) Книжки Восхода № 10; 10) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета № 10; 11) Литературно-Науковый Вѣстникъ № 11; 12) Biblioteka Warszawska, № 11; 13) Варшавскія Универс. Изв. № 6.

Русская Старина № 11.

Лернеръ Николай. Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—51 г.г. (Стр. 323—326).

Со словъ г. Деменитру, бывшаго во время посѣщенія Гоголемъ Одессы студентомъ Ришельевскаго лицея, авторъ передаетъ нѣсколько небезынтересныхъ подробностей изъ жизни великаго писателя въ Одессѣ.

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій подъ надзоромъ полиціи (стр. 341—342).

Приводятся два документа. (Отношеніе гр. Дибича главно-командующему въ Петербургѣ гр. Толстому и отвѣтное письмо послѣдняго). указывающія, что геніальный математикъ находился по какой-то неизвѣстной причинѣ подъ надзоромъ полиціи. Впрочемъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма гр. Толстого, «въ образѣ жизни сего Остроградскаго не замѣчено ничего предосудительнаго» и его только имѣли „секретно на замѣчаніи“ (стр. 342).

Историческій Вѣстникъ, кн. 11, (ноябрь).

Записки Н. И. Мамаева (продолженіе), стр. 428—480.

Авторъ, служившій въ Житомирѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія, сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ много интересныхъ бытовыхъ подробностей изъ жизни мѣстнаго общества 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 10 и 11.

Караскевичъ С. Въ былые годы (№ 10, стр. 130—158).

Въ разсказѣ изъ временъ послѣдняго польскаго повстанья авторъ касается между прочимъ отношеній украинской и польской интелли-

тенціи. Впрочемъ отношенія эти въ разсказѣ далеко не выяснены и многое представляется читателю непонятнымъ.

—

Русская Мысль № 11.

Вл. Калашъ «Обрывки прошлаго III. Крѣпостные театры и балеты XIX в.» (стр. 144—). Здѣсь даются выдержки изъ извѣстныхъ путешествій въ Малороссію кн. Шаликова.

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщены краткія рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *П. И. Житецкій* «Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в.» (стр. 350); 2) *Т. Флоринскій* «Малорусскій языкъ и украінсько-руський литературный сепартизмъ» (стр. 352); 3) *В. Дѣдловъ*. «Кіевскій Владиірскій Соборъ и его художественные творцы» (стр. 355).

—

Літературно-науковий Вістник кн. 11.

Содержаніе:

Наш альбом: поезиі Шелудька, Гриневичевоі; М. В. (125—132).

З пріпціпа, оповіданне Охріма Вариака (133—154).

Вирід, оповіданне Осипа Шпитка (далі) (155—188).

Візник, з нотаток мисливця. М. Корчинського (189—195).

Перед досьвітом, драма Ст. Вакано (196—234).

Поручник Густль, новелл. Шніцлера (235—251).

Із П. Якубовича: Перед совітом (252).

Зі споминів засланого без суду, Миколи Ковалевського (52—68).

Сервітути і розмежованіе грунтів на правобережній Украіні, Ф. Немоловскаго (далі) (69—87).

Новини нашоі літератури: ідеальный батько, оповіданіе Л. Яновськоі. В. Л-ка (88—94).

Уваги на сучасні темы. IV. Справа украінсько-руського університету у Львові, Вол. Гнатюка V. «Славянскія начала» д. Вергуна, Ів. Франка. II. Національна школа та «сердечное попеченіе», Л. С. К-в, VII. Доступність освіти в Россиі, Вол. Дорошенка (95—108).

Микола Ковальский (з портретом) М. П. (109—110).

Хроніка і бібліографія (14—22).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 5 люблянскаго журнала «Dom in Svet» напечатана статья «Ob Taras—Ševčenkovem grobu. Za Štiridesetletnico pesnicove Smrti—Spisal Baida Kazak». Цитаты изъ стихотвореній Шевченка приведены въ оригиналѣ. Къ статьѣ приложенъ портретъ поэта, видъ могилы, хаты на могилѣ и общій видъ Шевченковой горы.

—

Въ №-рахъ 11—13 вѣнскаго журнала «X—Strahlen», издаваемаго Сембратовичемъ, напечатана обстоятельная статья по поводу извѣстнаго запрещенія украинской литературы закономъ 1876 г. Статья озаглавлена «Eine proscribierte Nationalliteratur».

—

Въ «Южномъ Краѣ» (№№ 7178 и 7194) печатается продолженіе очерковъ проф. Сумцова: „Изъ этнографическихъ экскурсій". Указанныя номера содержатъ описаніе ярмарки въ Боромлѣ, Харьковской губерніи, и «стариннаго шляха Сагайдака».

—

Сборникъ въ честь проф. Н. И. Стороженка выйдетъ въ концѣ ноября. Чествованіе маститаго юбиляра предполагается 2 декабря. (СПБ. Вѣд. № 303).

—

Однимъ изъ житомірскихъ почитателей Мачтета получено,—по словамъ «Волыни»,—отъ вдовы Мачтетъ право издать отдѣльной книжкой фельетоны, которые покойный писатель печаталъ подъ псевдонимомъ «Черноморъ» въ «Волыни». Доходъ отъ изданія предполагается употребить на какое-либо доброе дѣло имени Мачтета. На-дняхъ фельетоны будутъ отправлены въ цензуру, а въ свѣтъ появятся, вѣроятно, не позже Рождества. (Б. В. 300).

—

Въ «Одесскомъ Листкѣ» (№ 283) помѣщена замѣтка по поводу извѣстной пьесы г. Карпенка-Караго «Хазяинъ». Усматривая въ этой комедіи «новую струю малороссійской литературы», газета даетъ о ней слѣдующій отзывъ: „Автору удалось создать нѣчто оригинальное и коснуться новыхъ сферъ бытового уклада деревни, затронуть соціально-экономическія отношенія народной жизни".

—

Въ № 284 вечерняго изданія «Одесскаго Листка» помѣщены портреты украинскихъ артистовъ г. г. Кропивницкаго, Заньковецкой, Садовскаго и Саксаганскаго. Та-же газета въ цѣломъ рядѣ театральныхъ рецензій отмѣчаетъ прекрасную игру, образцовый ансамбль и художественный репертуаръ гостящей въ настоящее время въ Одессѣ труппы М. Л. Кропивницкаго.

—

Въ фельетонѣ «Полтавск. Губ. Вѣд. № 237 описывается поѣздка участниковъ Полтавскаго Кустарнаго съѣзда въ Миргородъ. Грустное впечатлѣніе произвели издѣлія художественно-промышленнаго Училища Н. В. Гоголя. Въ статьѣ говорится: среди издѣлій нѣтъ ни одного, которое хоть напоминало-бы тѣ рисунки, которыми восторгался директоръ школы, а за нимъ и всѣ мы. Все здѣсь находящееся, отъ изразцовъ для печей, горшковъ и кончая гигантомъ иконостасомъ, нисколько не оригинально, не особенно изящно, а главное не особенно дешево; во всѣхъ издѣліяхъ сквозятъ одни и тѣ же тоны и формы; разница между рисунками и издѣліями учениковъ невообразимо громадная, ужъ не говоря о томъ, что о національномъ характерѣ стиля нѣтъ и помину.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Адріян.—Аграрний процес у Добростанах (Наукова бібліотека, ч. 9). Вид. укр.-руської Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стр. 82. Ціна 1 кор.

Алферовъ.—Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для русскаго самосознанія. Москва, 1901. Цѣна 30 коп.

Барвінський В.—Досліди з поля статистики (Літ.-Наукова Бібліотека, ч. 17). Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. У Львові, 1901. Стр. 56. Ціна 20 сот.

Барвінський Ол.—Огляд історії укр-руської літератури до кінця XVIII ст. У Львові, 1901. Стр. 68. Ціна 40 сот.

Вергунъ Д. Н.—Червоно-русскіе отзвуки. Изданіе «Литературнаго кружка» при галицко-русскомъ студенческомъ обществѣ «Другъ». Львовъ, 1901.

Волькенберъ В.—Новыи побожныи пѣсни Отпустныи до Пресвятои Дѣвы Маріи. Перемышль, 1901. Стр. 32. Ціна 24 сот.

Галль Янъ.—12 українських писень для мишаного хору, з проводом фортепіяна. Київ, 1901. Ціна 60 коп.

Грушевський М.—Ясновельможный сватъ. Оповидання. Харьковъ, 1901. Стр. 32. Ціна 3 к.

Гузар Е.—Практичний проповідник для катехитів. Ч. І. У Львові, 1901. Стр. 76. Ціна 1 кор.

Доброскокъ. Хамъ, оповидання. Харьковъ, 1901. Стр. 32. Ціна 3 коп.

Довнаръ-Запольскій М.—Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. І. Кіевъ, 1901. Цѣна 4 руб.

Зайберт А,—Стінна мапа Австро-Угорщини, переложена на руську мову О. Поповичем.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XLIV. Зміст: 1) Пяницьке чудо, в Корсуні—Ів. Франка; 2) Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів,—Ів. Верхратського; 3) Miscellanea: а) Лист Степана Баторія до Калги 3 р. 1577, подав М. Грушевський; б) Чуб і чуприна, замітка для істориків, малярів і акторів (з рисунком), подав З; в) Микола Савич, біогр. замітка Ол. Маркевича; 4) Наукова хроніка: Проби біографій и оцінки діяльности П. Кулиша,—Ів. Стешенка. 5) Бібліографія. У Львові, 1901. Стр. 14+113+224+9+28+51. Ціна 3 кор.

Катаевъ И.—Богданъ Хмельницкій, гетманъ Малороссіи, Москва, 1901. Стр. 96. Цѣна 15 коп.

Квитка-Основьяненко.—Перекотыполе. Оповидання. Харькивъ, 1901. Стр. 48. Ціна 4 коп.

Комарь М.—Оповидання про Богдана Хмельницького, якъ вызволывъ винъ Украину видъ неволи польськои. Выд. «Благотворит. Общества», № 12. СПБ., 1901. Стр. 80. Ціна 8 коп. на кращому папери—15 коп.

Коницкій Ол.—Тарас Шевченко-Грушівській, хроніка його життя. Томъ П. Збірник фильольогичної секциі Наук. Товариства ім. Шевченка, т. IV. У Львові, 1901. Стр. VIII+398+26. Ціна 4 кор.

Копач. Ів.—Будучність гимназій (уваги пр. Паульзена). Відбитка з «Л.-Н. Вістника». У Львові, 1901. Стр. 50. Ціна 1 кор.

Короленко В.—Ліс шумить. (Полиська легенда). Переклав Маслов—стокіз (Літ.-Наукова Бібліотека, ч. 18) Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. у Львові, 1901. Стр. 40. Ціна 20 сот.

Кравчинський С. М (С. Степняк).—Підземна Росия. Переклав з російської мови Е. Косевич. (Наукова Бібліотека, ч. 8. Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. Львів, 1901. Стр. XVI+248. Ціна 3 корони.

Кримський А.—Пальмове гилля. Екзотичні поезиі (1898—1901). Белєтристична Бібліотека, ч. 40). Виданне укр.-руської Видавничої спілки. У Львові, 1901. Стр. VIII+152. Ціна 2 корони.

Левицкій Ив. Ем.—Прикарпатска Русь въ XIX вѣкѣ въ біографіяхъ и портретахъ ея дѣятелей, съ увзглядненьемъ замѣчательныххъ людей, которыхъ 1772 р. заставъ при жизни. Томъ I, вып. 4. Львовъ, 1901. Стр. 169—214.

Левицкій Ив. Ем.—Александеръ Борвѣньскій въ исторіи культурнаго движенія руского народа на Прикарпатю. Біографично-историчный очеркъ (Перепечатка зъ «Прикарпатскои Руси») Львовъ, 1901. Стр. 52. Ціна 1 кор.

Лопатиньский Л.—Перед і за кулісами та други оповідання. У Львові, 1901. Стр. 122. Ціна 1 кор.

Лопатинський Л.—Перлы, шутки та выгадки. У Львові, 1901. Стр. 100. Ціна 1 кор.

Любавскій М.—Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ смутнаго времени. Москва, 1901. Ц. 30 коп.

Ляскоронскій В. Г. Гильомъ Левассеръ-де-Боплант и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи. I. Описаніе Украины. II. Карты Украины. Кіевъ, 1901. Цѣна 4 руб.

О Ювилею. Листъ пастырскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго. Жовква, 1901. Стр. 36. Ціна 15 сот.

Перетцъ В. Н.—Замѣтки и матеріалы для исторіи пѣсни въ Россіи. I—VIII. Спб., 1901. Ц. 75 коп.

Провора Ом.—Мудрый монах і царь Микола II. історична поема. Посвящається Петру Кропоткину, Вип. 1. 1901. Ціна 15 центів (американських).

Ратунокъ для нашого селянства. Коломыл, 1901. Стор. 30.

Рахунки для шкіл народних. Части I, II, III, IV. У Львові, 1901.

Русско-народни колыбельни пѣсни. Собравъ изъ устъ женщинъ М. Бѣлоусъ. Коломыя, 1901, Стор. 48.

Спис слів до вправ латинських. Штайнера-Шайндлера для першої кляси. Перевів Р. Цегляньский. Львів, 1901. Стор. 112.

Сроковський К.—Оповидання (белетристична бібліотека, ч. 39). Вид. укр.-руської Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стор. 102. Ціна 1 кор. 40 сот.

Старицькый М. П.—Якъ ковбаса та чарка, то мынеться й сварка. Комедія въ 1 дії. Зъ старои подіи. Кіевъ, 1902. Цина 30 к.

Студиньский Кирило.—Котляревский і Артемовский. Відповідь д. Ів. Стешенкови, Львів, 1901. Стор. 53. Ціна 40 сот.

Трызна Яцковськый М.—Виршы и переклады. Ровно, 1901. Стор. 34.

Франко Ів.—Паницьке чудо в Корсуні. Причинок до історії старорускої легенди. Відбитка з XLIV т. «Записок». У Львові, 1900. Стор. 14. Ціна 15 сот.

Франко Ів.—Сім казок (белетристична біобліотека, ч. 36). Накладом укр.-руської. Вид. Спілки. Стор. 92. Ціна 1 кор. 40 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Вип. Ш, ч. 7 у Львові, 1901. Стор. 17. Ціна 30 сот.

Чаговець В. А. Преподобный Ѳеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія. Историко-литературный очеркъ. Кіевъ, 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко Тарасъ. Повисти. Томъ І-й (Наймычка, Безщасный Варнакъ), стор. 232. Томъ ІІ (Капитанша, Музыка, Княгыня), Стор. 241. У Кыиви, 1901. Цина кажного тому 35 коп., на кращому папері 75 коп. Зъ портретами автора.

Шекспир Уіліям.—Ромео та Джульета. Переклад Куліша з Передмовою та поясненіями Франка (Белетристична библіотека, ч. 38). Вид. укр.-руської Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стор. XVI+132. Ціна 1 кор, 80 сот.

Шептицкий А.—Поясненє обрядовъ при посвященю церкви. Жовква, 1901. Стор. 42. Ціна 18 сот.

Штайнер і Шайндлер.—Вправи латиньскі для першої кляси. Перевів Р. Цегляньский. У Львові, 1901. Стор. 72. Ціна 1 к. 50 сот.

Щурат В.—Зарваниця. Перемышль, 1902. Стор. 16. Ціна 20 с.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Дѣятельность Комиссіи при Полтавскомъ губернск. статист. комитетѣ по подготовительнымъ работамъ къ XII-му археолог. съѣзду. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность Комиссіи за истекающій годъ носила характеръ энергичной и богатой результатами работы. Причины этого явленія: относительная новизна дѣла, малое число лицъ, обладающихъ и подготовкой и досугомъ, незначительность средствъ и, наконецъ, нѣкоторые тормазы со стороны исполнительнаго органа комиссіи. Однако, не смотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, Комиссія успѣла кое-что сдѣлать и, такимъ образомъ, начало для систематическаго изученія прошлаго Полтавщины положено.

Сообразно двумъ основнымъ задачамъ прдстоящаго съѣзда—изученія различныхъ областей въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ—и работа Комиссіи велась въ этихъ двухъ направленіяхъ,

Что касается перваго, то здѣсь можно отмѣтить слѣдующее.

Еще раньше, статистическимъ Бюро губ. земства было собрано путемъ опросныхъ листовъ довольно значительное количество свѣдѣній, касающихся различныхъ памятниковъ старины губерніи. Свѣдѣнія эти въ настоящее время систематизируются членами Комиссіи и составятъ довольно значительный матеріалъ для археологической карты.

Путемъ развѣдокъ на мѣстѣ, Комиссія собрала описанія и фотографіи цѣлаго ряда круглыхъ городищъ по нагорнымъ берегамъ р. Ворсклы и Псла, а также нѣкоторыхъ укрѣпленій другого рода.

Историческія древности также обратили на себя вниманіе Комиссіи: о нихъ собирались свѣдѣнія у частныхъ лицъ, владѣющихъ коллекціями или отдѣльными предметами, регистрировались и памятники церковной старины, находящіеся въ различныхъ пунктахъ губерніи. Изъ наиболѣе интересныхъ церквей въ этомъ отношеніи можно указать: Николаевскую въ с. Великихъ Будищахъ, Зѣньков. у., гдѣ есть старинный колоколъ и икона, „поновленная до 1705 года"; Гадячскій соборъ со старинною скрынею орѣховаго дерева съ перламутровыми, костяными и деревянными инкрустаціями; Сенчанскую старую церковь съ иконою, на каторой художникъ (начала 18 в.) изобразилъ фигуры въ костюмахъ того времени, Біевецкую (Лубенскаго у.), съ иконостасомъ изъ Красногорскаго монастыря; Бобрикскую съ книгами 17 в. изъ Быстрикскаго монастыря; Леприкскую, гдѣ хранятся льняные тканные подризники съ прекрасными узорами (Гадячскаго у.) и т. д. Что касается церковной старины г. Полтавы, то все, болѣе выдающееся, описано и сфотографировано О. И. Левицкимъ и нами во время командировокъ отъ Комиссіи при Обществѣ Нестора Лѣтописца для описанія памятниковъ украинской старины.

Этнографическія изслѣдованія губерніи составляли, собственно, главную цѣль дѣятельности Комиссіи. Нужно замѣтить, что для Полтавской губерніи почва въ этомъ отношеніи была уже подготовлена довольно многочисленными работами статистическаго Бюро земства, касавшимися главнымъ образомъ экономическаго положенія населенія. Съ этнографическими цѣлями Комиссіей была организована экскурсія, хотя и носившая развѣдачный характеръ, но результатомъ которой явилось много цѣннаго фактическаго матеріала. Совершилъ экскурсію М. А. Русовъ, которому было поручено, какъ одна изъ главныхъ цѣлей экскурсіи, собираніе свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ и забавахъ. Задачу эту можно считать выполненной вполнѣ удовлетворительно: записано около 130 дѣтскихъ игръ, забавъ, развлеченій

и занятій—въ большинствѣ случаевъ непосредственно отъ самихъ дѣтей въ у.у. Зѣньковскомъ, Гадячскомъ, Лубенскомъ, Лохвицкомъ и Миргородскомъ. Большая часть изъ нихъ первый разъ отмѣчена и записана, многія изъ нихъ крайне сложны и интересны и представляютъ прекрасный и новый матеріалъ для изученія жизни дѣтей и для сравнительной этнографіи. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія игры пастуховъ и пастушковъ, которыя у нихъ имѣютъ мѣсто во время пастьбы скота. Кромѣ того, интересны дѣтскія поговорки, системы и способы счета во время игръ и дѣтскія хороводныя пѣсни.

Попутно, при изученіи игръ, завязывались самыя дружескія отношенія съ играющими и благодаря этому являлась возможность записать и весеннія игры и зимнія развлеченія, а также понемногу собирать коллекцію игрушекъ и описывать тѣ изъ послѣднихъ, которыя нельзя было достать на мѣстѣ. Многіе изъ живущихъ постоянно въ селахъ любезно согласились собрать коллекціи игрушекъ и дѣтскихъ издѣлій и доставить въ комиссію или въ Полтавскій музей. Пока можно сказать, что, сверхъ ожиданія, игрушки оказались очень разнообразными и остроумными. Большая часть игрушекъ дѣлается самими дѣтьми, меньшая—взрослыми, покупныя же почти отсутствуютъ. Матерьяломъ служитъ дерево (верба, осина, береза), камышъ, трава, огурцы, дыни, кавуны, соцвѣтія подсолнуховъ, картошка, обломки желѣза и глина. Дѣвочки дѣлаютъ себѣ куклы—«ляльки» изъ тряпочекъ, рисуютъ углемъ глаза, носъ и ротъ и украшаютъ ихъ ожерельями изъ травъ и дикихъ ягодъ. Музыкальные инструменты оказались тоже очень интересными и разнообразными и вполнѣ оправдали распространенное мнѣніе о музыкальности украинскаго народа.

Очень важную роль при изслѣдованіи игралъ стереоскопическій фотографическій аппаратъ, при помощи котораго фотографировались виды поселеній, дворовъ, отдѣльныя постройки, зданія, хаты и внутренняя обстановка жилыхъ помѣщеній. Что касается до типа построекъ сельскаго населенія, то посколько можно судить теперь, послѣ обслѣдованія центральныхъ уѣздовъ и восточныхъ Гадячскаго и Зѣньковскаго,—отмѣтилось довольно ярко два типа поселеній и построекъ. Первый типъ, наиболѣе

старинный, характеризуется болѣе глубокимъ расположеніемъ хаты во дворѣ, центростремительнымъ и скученнымъ планомъ дворовыхъ построекъ и изобиліемъ загородокъ и плетней—этотъ типъ наиболѣе часто встрѣчается въ сѣверной части Зѣньковскаго у., лѣсной Лубенщинѣ и Лохвицкомъ уѣздѣ. Второй—съ болѣе центробѣжнымъ расположеніемъ построекъ, болѣе открытою на улицу хатою съ колонками (піддашками) преобладаетъ въ степныхъ и южныхъ уѣздахъ. Кромѣ этихъ типовъ, въ различныхъ мѣстахъ есть видоизмѣненія и отклоненія, которыя будутъ указаны своевременно. Расположеніе поселеній, общій планъ ихъ—тоже имѣетъ свои различія; наиболѣе старинный типъ кругового поселенія и безпорядочный—характерно выступаетъ во многихъ лѣсныхъ частяхъ Зѣньковскаго, Лубенскаго и Гадячскаго уѣздовъ, и типъ линейнаго распространенія слободъ—въ степныхъ частяхъ уѣздовъ и по селеніямъ большихъ дорогъ и шляховъ. Много вліяетъ въ этомъ направленіи расположеніе селъ по балкамъ, долинамъ и берегамъ рѣкъ—здѣсь направленіе главной улицы опредѣлено линіей балки или долины. Что касается внутренней обстановки жилищъ, то можно констатировать удивительную устойчивость типа по всѣмъ упомянутымъ уѣздамъ и только новыя хаты съ грубою вмѣсто печи не имѣютъ обычнаго вида. Фотографическіе снимки, сдѣланные въ разныхъ пунктахъ, дадутъ возможность наглядно уяснить эту разницу, на которую здѣсь кратко указывается; эта разница въ матерьяльной культурѣ и внѣшней обстановкѣ показываетъ эволюцію ея въ связи съ волнами колонизаціи Полтавщины и постепеннаго удаленія отъ метрополіи (Кіевской губ. и юга Черниговской).

Между прочимъ, фотографировались и мѣстные костюмы: праздничный и будничный, женскій и мужской.

Одну изъ задачъ Комиссіи по этнографіи составляетъ этнографическій альбомъ Полтавской губерніи. Матеріала для альбома уже и теперь набралось достаточно. Прежде всего, хорошій подборъ фотографій имѣется въ Естественно-историческомъ музеѣ губернскаго земства, затѣмъ, серія фотографій получена благодаря вышеупомянутой экскурсіи М. А. Русова; наконецъ, для той-же цѣли Комиссія обратилась съ возваніемъ къ фотографамъ-любителямъ и уже послѣдовали отклики.

До съѣзда осталось уже сравнительно немного времени. Пожелаемъ-же Комиссіи какъ продолжать начатыя изслѣдованія, такъ и успѣшно ихъ закончить, чтобы на съѣздѣ Полтавская губернія не осталась позади другихъ. [1])

Ученыя общества.

27 октября, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова, состоялось засѣданіе членовъ отдѣленія археологіи русской и славянской *Императорскаго русскаго археологическаго общества*. Предметами занятій служили доклады: графа А. А. Бобринскаго:—«Кіевскія миніатюры XI вѣка и портретъ князя Ярополка Изяславича по псалтыри Егберта, архіепископа Трирскаго» и А. Л. Погодина—«Происхожденіе русскаго слова глазъ». Темою доклада графа А. А. Бобринскаго послужили рукописи, недавно лишь изданныя за границей подъ названіемъ «Кодекса Гертруды», королевы венгерской. Открыты рукописи въ музеѣ небольшого городка Италіи—Чивидаля, близъ Тріеста. Почеркъ—конца X и начала XI столѣтія. На одной изъ миніатюръ подпись славянская «Ярополкъ». По изслѣдованіи рукописей, онѣ признаны принадлежавшими Гертрудѣ, бывшей замужемъ за русскимъ княземъ, сыномъ Ярослава, Изяславомъ. За сына своего Ярополка, называемаго ею Петромъ, она, какъ показываютъ рукописи, часто молилась. Имя Петръ приписывается Ярополку, какъ строителю храма св. Петра и Павла. Миніатюръ, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи,—5; высказана желательность изданія ихъ въ краскахъ. Рѣферентъ, на основаніи данныхъ рукописи, пришелъ къ важному историческому заключенію, что Ярополкъ былъ старшимъ сыномъ Изяслава, что Гертруда разошлась съ мужемъ и что остальные извѣстные въ лѣтописяхъ сыновья Изяслава—отъ другой жены. Лѣтопись же называетъ Ярополка младшимъ изъ сыновей. Стар-

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія для настоящей замѣтки заимствованы изъ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостей».

шинство Ярополка и объясняетъ его стремленіе сѣсть на княжескій столъ и борьбу съ братьями. („Спб. Вѣд.“).

—

Въ Екатеринодарѣ, 27 сентября, въ присутствіи гр. П. С. Уваровой, состоялось засѣданіе мѣстнаго подготовительнаго комитета по участію Кубанской области въ предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ. Причина созыва этого комитета, состоящаго изъ членовъ Общества любителей изученія Кубанской области, членовъ Кубанскаго областного статистическаго комитета и нѣсколькихъ сторонннхъ лицъ, объясняется желаніемъ прибывшей въ Екатеринодаръ предсѣдательницы Имп. Московскаго археологическаго общества гр. Уваровой на мѣстѣ ознакомиться какъ съ тѣмъ, что уже сдѣлано членами комитета для предстоящаго съѣзда, такъ равно и съ тѣми предметами для выставки, которые уже имѣются въ распоряженіи или въ виду у комитета. Засѣданіе открылось сообщеніемъ предсѣдателя В. М. Сысоева о томъ, кѣмъ изъ лицъ обѣщано что-либо подготовить для съѣзда и что именно сдѣлано. Послѣ этого сообщенія гр. Уварова замѣтила, что изъ осмотрѣнныхъ уже ею въ Екатеринодарѣ предметовъ старины лишь очень немногое можетъ прадставить интересъ для съѣзда, такъ какъ всѣ остальные предметы достаточно извѣстны и потому не представляютъ интереса для спеціалистовъ. Вслѣдъ затѣмъ присутствующіе обмѣнялись сообщеніями о томъ, гдѣ бы на Кубани можно было еще найти интересныя древности. Такъ, сообщено было, между прочимъ, о томъ, что у потомковъ Антона Головатаго имѣются интересныя вещи изъ запорожской старины, доставшіяся имъ отъ предка; сообщено было также о томъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ Черноморіи, напр., въ станицахъ Анапской и Благовѣщенской, имѣются относящіеся ко времени Запорожья предметы, доставшіеся имъ послѣ разрушенія стараго екатеринодарскаго войскового собора (иконы, части иконостаса и т. п..

П. П. Короленко заявилъ о томъ, что у наслѣдниковъ генерала И. Д. Попко сохраняются интересные предметы запорожской старины („Куб. Вѣд.“).

—

27 октября состоялось годичное собраніе *Общества Нестора Лѣтописца*, на которомъ былъ прочтенъ отчетъ о составѣ и дѣятельности Общества за послѣдній годъ (29-ый существованія Общества). Всѣхъ членовъ состояло 145, въ томъ числѣ 21 почетныхъ; засѣданій было 14, на нихъ доложено 28 рефератовъ по литературѣ, исторіи и археологіи; предсѣдательствовалъ въ Обществѣ Н. П. Дашкевичъ, товарищемъ предсѣдателя состоялъ А. М. Лазаревскій.

—

22 ноября, въ засѣданіи *Комиссіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины*, было постановлено приступить къ систематизаціи и разборкѣ поступившаго матеріала для предполагаемаго изданія. Затѣмъ, были доложены краткія свѣдѣнія объ экскурсіяхъ этого года: В. И. Щербины, И. М. Каманина и Н. Ф. Бѣляшевскаго, причемъ постановлено сдѣлать нѣкоторыя дополнительныя съемки памятниковъ церковной старины. Н. Ф. Бѣляшевскій сообщилъ о работахъ С. П. Яремича и Е. М. Кузьмина, изъ которыхъ первымъ изготовленъ альбомъ рисунковъ надглавныхъ желѣзныхъ крестовъ XVII—XVIII в.в. кіевскихъ церквей, а вторымъ—подготовляется альбомъ фотографій съ памятниковъ старины. Конецъ засѣданія былъ посвященъ разбору поступившихъ отъ разныхъ лицъ сообщеній, касающихся мѣстныхъ древностей и остатковъ старины.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки В. Е. Гезе въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Въ настоящемъ году, отъ конца апрѣля до первыхъ чиселъ ноября, В. Е. Гезе производились раскопки въ сс. Сахновкѣ и Набутовѣ, Каневскаго уѣзда.

Въ послѣднемъ раскапывалось славянское городище съ некрополемъ, давшимъ довольно много археологическаго матеріала въ видѣ хорошей сохранности череповъ, многіе изъ которыхъ добыты изъ земли вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ украшеніями, позволяющими опредѣлить съ точностью ихъ на-

значеніе и самое расположеніе, а также значительнаго количества предметовъ обихода и въ особенности туалета. Къ послѣднимъ, главнымъ образомъ, относятся по-истинѣ великолѣпныя ожерелья изъ крупныхъ янтарныхъ, каменныхъ и топазовыхъ бусъ. Независимо отъ высокаго достоинства послѣднихъ въ смыслѣ выдѣлки, величины и сохранности, научная цѣнность ихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, значительно возрастаетъ благодаря тому обстоятельству, что г. Гезе примѣнилъ къ своимъ находкамъ весьма удачный пріемъ, введенный въ археологическую практику Н. Е. Бранденбургомъ,—именно, добываніе предметовъ изъ земли нетронутыми, путемъ вырѣзыванія окружающей ихъ части почвы, въ которой положеніе предмета или отдѣльныхъ частей находки сохраняется въ неприкосновенности. Примѣненіе этого пріема, вообще крайне желательное во всѣхъ случаяхъ, когда къ тому представляется возможность, позволяетъ, напр., въ данномъ случаѣ видѣть порядокъ, въ какомъ были расположены разнородныя бусы ожерелья, а на черепахъ—порядокъ размѣщенія мелкихъ украшеній и самыхъ матерій отъ повязокъ. Значительное количество погребеній и то обстоятельство, что городище осталось болѣе или менѣе нетронутымъ, придаютъ этой раскопкѣ большой интересъ.

Въ с. Сахновкѣ первоначально была подвергнута изслѣдованію извѣстная „Дѣвичь-гора“. Къ сожалѣнію, хищническія раскопки мѣстныхъ кладоискателей до такой степени изуродовали эту гору, что сдѣланныя на нее немалыя затраты труда и средствъ остались безуспѣшными; отыскано было нѣсколько остатковъ жилищъ - землянокъ великокняжескаго періода съ весьма бѣднымъ инвентаремъ, заключавшимся въ кое-какихъ предметахъ обихода и украшеніяхъ, да въ самой насыпи нѣсколько десятковъ желѣзныхъ предметовъ и различныхъ бусъ—и только. Почти подъ конецъ, впрочемъ, удалось найти часть вызолоченной бляшки съ изображеніемъ фигуры святого и въ одномъ изъ жилищъ—верхнюю часть небольшого мѣднаго колокола съ характернымъ петлеобразнымъ ухомъ, представляющаго полную аналогію съ колоколомъ Десятинной церкви. Жилища

были расположены по склонамъ горы, почти по срединѣ ея, и, обыкновенно, имѣли видъ круглой глиняной площадки, надъ которой возвышался глиняный очагъ, въ одномъ случаѣ найденный почти цѣльнымъ; иногда вглубь площадки (пола) была прорыта яма около 1—1½ м. глубиной, служившая, м. б., кладовой для запасовъ и хозяйственныхъ предметовъ, такъ какъ на днѣ одной изъ нихъ найденъ большой желѣзный топоръ, а въ двухъ другихъ—цѣлые маленькіе клады изъ серебряныхъ и бронзовыхъ колецъ, серегъ и др. украшеній, большею частью сильно поврежденныхъ. По части керамики найдено нѣсколько сосудовъ великокняжеской эпохи, но цѣльные попадались рѣдко. Изъ мѣдныхъ предметовъ слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ сосудахъ (котлахъ), одинъ изъ которыхъ отличается довольно большими размѣрами; сосуды эти, повидимому, составляли необходимую принадлежность хозяйства, такъ какъ въ большей части землянокъ находились если не куски, то дужки отъ подобныхъ котловъ.

Въ началѣ іюля, параллельно съ раскопками на „Дѣвичьемъ горѣ", г. Гезе предпринялъ раскопки группы кургановъ, находящейся въ урочищѣ «Бабица», въ 3—4 верстахъ отъ с. Сахновки. Урочище это находится на возвышенности, спускающейся довольно крутымъ склономъ къ берегу р. Роси и продолжающейся почти до половины пути въ м. Корсунь; указанная мѣстность на всемъ своемъ протяженіи усѣяна курганами, представляющими почти неисчерпаемый археологическій матеріалъ. Въ урочищѣ «Бабица» расположено всего 11 кургановъ, два изъ которыхъ раскопаны были уже раньше тѣми-же хищниками изъ мѣстныхъ крестьянъ, нашедшими въ нихъ бронзовые и желѣзные предметы скифскаго періода; остальные 9 раскопаны нынѣшнимъ лѣтомъ. Всѣ вообще курганы были невелики и невысоки, благодаря ежегодному распахиванію; высота самаго большаго не превышала 2½ м., а окружность 20—25 м. Форма ихъ, на сколько можно было судить по болѣе уцѣлѣвшимъ, куполообразная. На основаніи разсказовъ о предметахъ, найденныхъ въ раскопанныхъ грабителями курганахъ, всѣ они но-

сили ясно выраженный скифскій характеръ. Изслѣдованія, къ которымъ было приступлено, подтвердили это, заставивъ отнести раскопанные курганы къ т. н. позднѣйшей скифской эпохѣ, на которую указывалъ общій характеръ найденныхъ предметовъ (трехгранныя бронзовыя стрѣлки, желѣзные ножи скифскаго типа съ костяными ручками, бронзовыя зеркала, остатки желѣзныхъ чешуекъ отъ панцыря, фрагменты большихъ амфоръ красной глины и сосуды съ гладкой поверхностью изъ сѣро-зеленоватой, черной и свѣтло-красной глины). Преобладающимъ типомъ погребеній было погребеніе въ землѣ, причемъ, однако-же, скелеты оказывались почти всегда въ безпорядкѣ, что указывало на ограбленіе, по большей части еще въ древности. Покойники лежали на деревянной подстилкѣ или обкладывались по двѣ стороны досками, какъ это имѣло мѣсто въ двухъ случаяхъ. Могильныя ямы находились подъ уровнемъ земли, въ материкѣ, и за однимъ исключеніемъ, не отличались большой глубиной (въ среднемъ она равнялась $1^1/_2$—2 м.); состояли онѣ изъ твердыхъ стѣнокъ, выкопанныхъ въ лессѣ.

Исключеніе представляли два склепа, или, точнѣе, навѣса, соединенные съ сожженіемъ. Одно изъ такихъ погребеній, найденное въ маленькомъ, едва возвышающемся надъ уровнемъ земли курганѣ, представляло слѣдующую картину: по снятіи верхняго слоя земли обнаружились два пятна, раздѣленныя между собою разстояніемъ въ 1 м. 20 стм. Въ одной изъ ямъ найдены истлѣвшіе остатки толстыхъ брусьевъ, поддерживавшихъ навѣсъ, который шелъ наклонно отъ N къ S, какъ это можно было видѣть по уцѣлѣвшимъ въ разрѣзѣ слѣдамъ бревенъ; на разстояніи $1^1/_2$ м. отъ нихъ лежала куча угля. На днѣ другой ямы оказались слѣды деревянной подстилки изъ бревенъ или досокъ, идущихъ параллельно по обѣ стороны; между ними, на желтой глинѣ, лежала довольно большая куча пережженныхъ до состоянія кальцинаціи костей, повидимому, отъ цѣлаго скелета, а далѣе, на томъ-же уровнѣ, стояла на подставкѣ круглая мисочка красной глины съ загнутыми внутрь краями. Въ наполнявшей яму землѣ найдены, кромѣ того, фрагменты большой красной амфоры.

Обстановка второго сожженія дала возможность составить болѣе ясное представленіе о способѣ постройки навѣса и общемъ расположеніи могилы въ другомъ большомъ и наилучше сохранившемся курганѣ.

Большая, $3^1/_2$ м. въ длину. 3 м. въ ширину и около $4^1/_2$ м. въ глубину (отъ уровня земли), яма была обставлена со всѣхъ четырехъ сторонъ громадными дубовыми столбами, врытыми въ глубокія ямки; на этихъ столбахъ покоился наклонный навѣсъ, болѣе высокая сторона котораго (2 м. 25 стм.) находилась съ юга и крышка котораго почти вездѣ сохранилась. Непосредственно подъ ней лежалъ толстый слой до красна выжженной глины, подъ которымъ находился громадный слой крупнаго угля, мѣстами доходившій въ толщину до 1 м. 20 стм. Вся яма была наполнена углемъ, пепломъ и кусками отвердѣвшей отъ огня глины. На днѣ ея, по расчисткѣ земли, найдено нѣсколько обугленныхъ костей въ крайнѣ фрагментарномъ состояніи и желѣзное кольцо отъ сбруи. Но за то въ противоположной, восточной сторонѣ ямы оказалась находка, превзошедшая самыя смѣлыя ожиданія.

Въ мелкой, порошкообразной глинѣ, окружавшей и наполнявшей одну изъ ямокъ, найдена свернутая врозь концами шейная гривна изъ толстой золотой проволоки, а вслѣдъ за ней—широкая золотая діадема, также м. б. вслѣдствіе жара свернутая въ трубку и вся покрытая рельефными штампованными изображеніями человѣческихъ фигуръ.

Діадема, сдѣланная изъ тонкой золотой бляхи самой высокой пробы, имѣетъ въ длину 36 стм. и въ ширину около 10-ти. На ней изображено 10 фигуръ. На первомъ планѣ сидитъ въ широкомъ креслѣ женщина въ повязкѣ, изъ-подъ которой падаютъ складки вуаля; въ одной рукѣ она держитъ сосудъ въ видѣ кувшинчика, изъ котораго, повидимому, собирается налить въ рогъ, находящійся въ лѣвой рукѣ колѣнопреклоненнаго передъ нею мужчины, типичнаго скифа, съ усами и бородой, въ широкомъ плащѣ. Въ правой рукѣ у него что-то въ родѣ меча, упирающагося концомъ въ землю (рельефъ не вполнѣ

ясенъ), а сбоку колчанъ или налучье съ виднѣющимся изъ него лукомъ. За нимъ, почти касаясь его плеча своимъ инструментомъ, также стоитъ на колѣняхъ человѣкъ, играющій на чемъ то въ родѣ арфы. Далѣе, направо — двѣ женскія фигуры разливаютъ вино; одна въ высоко поднятой лѣвой рукѣ держитъ кувшинчикъ, а въ правой рогъ, въ который другая наливаетъ вино изъ желобчатой амфоры съ узкимъ дномъ и двумя ручками; между ними стоитъ широкій, низкій сосудъ въ видѣ холодильника, откуда выглядываютъ горлышки еще трехъ сосудовъ. Налѣво—мальчикъ, стоящій за кресломъ главной женской фигуры; онъ держитъ, вѣроятно, опахало, которое однако-же неясно, благодаря находящимся на этой высотѣ двумъ рядамъ мелкихъ отверстій для пришиванія, идущимъ вокругъ трехъ сторонъ діадемы; что эта фигура—фигура мальчика, должно судить по тому, что онъ одинъ изображенъ стоящимъ, тогда какъ всѣ остальные представлены сидящими или колѣнопреклоненными. За мальчикомъ два скифа, обнявшись, пьютъ изъ одного рога; лица перваго нельзя разобрать, такъ какъ бляха въ этомъ мѣстѣ измялась, но ясно видна верхняя часть его туловища съ согнутой, принимающей рогъ рукой и висящій сбоку колчанъ. Второй видѣнъ прекрасно. Наконецъ, послѣдняя группа—жрецъ съ мечомъ въ рукѣ готовится поразить барана, котораго ведетъ или держитъ колѣнопреклонный-же прислужникъ.

Что именно изображаетъ данная сцена, трудно сказать: пиръ-ли это по случаю возвращенія побѣдителей, свадебное-ли торжество или совершеніе какого-либо другого обряда, все это можно предположить только гипотетически. Работа фигуръ грубая, изобличающая руку мѣстнаго мастера-варвара, подражавшаго, конечно, греческимъ образцамъ; но именно это обстоятельство придаетъ находкѣ наибольшую силу и значеніе, такъ-какъ она представляетъ единственный образецъ подобнаго характера;—фигуры скифовъ Куль-Обской и Никопольской вазъ по своей художественной работѣ, будучи чисто-греческими произведеніями, не имѣютъ съ ней ничего общаго. Самая компози-

ція, совершенно новая, является оригинальнымъ замысломъ мѣстнаго художника; изъ встрѣчавшихся доселѣ группъ, на данной повязкѣ имѣется лишь одна, именно, группа двухъ пьющихъ скифовъ, трактованная, впрочемъ, совершенно самостоятельно. На Куль-Обской бляшкѣ, напримѣръ, будущіе побратимы пьютъ изъ стакана, обратясь профилемъ другъ къ другу; здѣсь обѣ фигуры представлены почти en face, по крайней мѣрѣ лѣвая фигура, и ясно видна лежащая у нея на плечѣ и обнимающая ее рука другой,—кромѣ того, она держитъ рогъ, изъ котораго они пьютъ или собираются пить. Аксессуары, постановка фигуръ, выраженіе лицъ,—словомъ все, проникнуто однимъ и тѣмъ же духомъ и отъ всей картины вѣетъ безпримѣсной, древней, грубой Скифіей. Внизу вся сцена окаймлена тремя рядами выпуклыхъ параллельныхъ линій, образующихъ посрединѣ діадемы тройной зубчикъ; ниже ихъ—орнаментъ изъ двойныхъ шариковъ.

Настоящая находка представляетъ изъ себя во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное открытіе, и въ высшей степени желательно, чтобы авторъ этого открытія возможно скорѣе познакомилъ съ нимъ ученый міръ, путемъ изданія его детальнаго описанія и facsimile.

—

Глыба земли, заключавшая въ себѣ содержимое погребенія одного изъ кургановъ, раскопанныхъ Н. Е. Бранденбургомъ у м. Ильинецъ, Липовецк. у. (см. «Лѣтопись», октябрь, н. г.), въ настоящее время уже разобрана въ Артиллерійскомъ Музеѣ. Разборъ показалъ, что и въ данномъ случаѣ погребеніе было нарушено грабителями, такъ какъ нетронутой оказалась лишь нижняя часть скелета. Внутри двухъ бронзовыхъ кнемидъ найдены части берцовыхъ костей и значительное количество кусковъ кожи, служившей по всей вѣроятности подбивкой поножей. Большая бронзовая бляха оказалась не круглой, а имѣла въ верхней части вырѣзъ, съ немного загнутыми наружу краями; вырѣзъ безъ сомнѣнія предназначался для шеи, а вся бляха служила защитой для верхней части груди. Кромѣ того,

при разборкѣ найдены еще 4 небольшія круглыя бляшки, такъ что всѣхъ ихъ будетъ 7, и затѣмъ 3 желѣзныхъ копья.

Музеи и собранія древностей.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. II. [1]) Въ настоящей, второй замѣткѣ о музеѣ Е. Н. Скаржинской предполагалось дать рядъ свѣдѣній о памятникахъ исторической старины, хотя-бы въ краткомъ видѣ. Для этого нужно было еще разъ съѣздить въ х. Кругликъ; но мы не располагали свободнымъ временемъ и теперь приходится ограничиться лишь самымъ поверхностнымъ обзоромъ на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ изъ первой поѣздки.

При комплектованіи и этого отдѣла, въ полной силѣ дѣйствуетъ основной принципъ: не гоняться за показными вещами, собирать все, характеризующее внѣшній бытъ прошлаго.

Къ велико-княжеской эпохѣ въ этомъ отдѣлѣ относится сравнительно немного предметовъ. Почти всѣ они найдены въ „Валахъ“ въ г. Лубнахъ; это бусы, привѣски (м. п. изъ ляписъ—лазули), пряслицы, грузила, наконечники стрѣлъ и т. п. Обращаетъ на себя вниманіе сравнительно большихъ размѣровъ костяной кружокъ, украшенный кружковымъ орнаментомъ—обычнымъ для костяныхъ издѣлій. Въ кружкѣ два отверстія; найденъ онъ въ Лубнахъ; назначеніе пока не опредѣлено—б. м. это крышка отъ сосуда. [2])

Памятники козацкой старины, какъ извѣстно, съ каждымъ годомъ встрѣчаются все рѣже и рѣже. Къ сожалѣнію, въ прежнее время, когда ихъ можно еще было собирать—любителей-коллекціонеровъ было очень немного, изъ крупныхъ вѣдь можно указать лишь на одного В. В. Тарновскаго, да и дѣятельность его относится къ послѣднимъ 25—30-ти годамъ. Если-же обра-

---

[1]) См. «Лѣтопись», сентябрь н. г.

[2]) Совершенно такой-же кружокъ имѣется въ собраніи Б. И. Ханенко.

титься еще къ болѣе раннему времени, то мы должны констатировать полное отсутствіе коллекціонеровъ малорусской старины. Правда, въ помѣщичьихъ домахъ хранилась старина: хранились портреты и оружіе, кое-какіе предметы (преимущественно носящіе художественный характеръ) домашняго обихода; коллекцій-же въ настоящемъ значеніи этого слова не существовало. И это тѣмъ удивительнѣе, что съ конца XVIII стол., среди малорусской интеллигенціи, главнымъ образомъ въ помѣщичьей средѣ, пробудился и пустилъ глубокіе корни интересъ къ прошлому своей родины: начали собирать различнаго рода матеріалы—лѣтописи, оффиціальные и частные документы, записки, воспоминанія и т. п., но памятники вещественной старины не привлекали къ себѣ вниманія. Время, затѣмъ, сдѣлало свое дѣло и теперь буквально приходится подбирать крохи.

Въ музеѣ Е. Н. Скаржинской собрано уже и собрано по мелочамъ довольно много предметовъ этой эпохи.

Почти цѣлую витрину занимаютъ находки въ г. Лубнахъ и окрестностяхъ: украшенія, принадлежности костюма (пуговицы, «чаки»—подковки), чарочки, ковшикъ и цѣлая серія глиняной и стекляной посуды, какъ цѣлой, такъ и въ фрагментахъ, иногда датированной (напр., орнаментированный кувшинъ, въ которомъ находились копѣечки Петра I). Особенно интересна поливяная посуда, дающая намъ образцы стариннаго малорусскаго народнаго орнамента—цѣлая, еще не початая область для изслѣдованія. Въ настоящее время музеи начинаютъ собирать современную малорусскую расписную посуду,—тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія старинная посуда и въ этомъ отношеніи музею Е. Н. Скаржинской посчастливилось: здѣсь имѣется, помимо фрагментовъ, нѣсколько цѣлыхъ расписныхъ мисокъ изъ г. Лубенъ конца XVIII ст,

Изъ находокъ другихъ мѣстъ можно указать на хут. Войниху, Лубенск. у.,—мѣсто битвы Наливайка съ поляками; здѣсь найдены люльки, походная чернильница, мѣдный котелокъ, наконечникъ копья—несомнѣнные остатки военнаго обоза.

Въ отдѣльной витринѣ размѣщенъ рядъ изразцовъ, образующихъ довольно большую коллекцію. Происхожденіе ихъ—главн. обр. Полтавская губ., но есть и изъ Кіевской губ.,

и изъ другихъ мѣстъ. Изразцы раздѣляются на глазурованные и безъ поливы. Такъ-же, какъ и расписная посуда, онидаютъ прекрасный матеріалъ для исторіи нашего орнамента, матеріалъ разнообразный, но, увы, мало собранный и почти совсѣмъ незатронутый изученіемъ.

Комната, гдѣ помѣщаются историческіе памятники старины, увѣшана различными портретами; среди другихъ, здѣсь есть и малорусскіе—гл. об. фамильные портреты семейства Родзянокъ.

Но главное содержаніе отдѣла составляетъ церковная старина, и, какъ это ни странно, но частный музей Е. Н. Скаржинской является единственнымъ хранилищемъ для нея въ Полтавской епархіи. Всѣмъ прекрасно извѣстно въ какомъ положеніи находится у насъ эта старина. Само духовенство отчасти сознало необходимость хотя чѣмъ ниб. помочь горю и вотъ, по различнымъ епархіямъ юга, устраиваются церковно-археологическіе музеи и древнехранилища; молчитъ лишь Полтавская епархія, имѣя полную возможность къ устройству такого учрежденія...

Музей Е. Н. Скаржинской отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ: собираніе церковной старины ведется энергично и предметы уже исчисляются сотнями. Тутъ мы имѣемъ полный иконостасъ изъ Петро-Павловской ц. г. Хорола, устроенный сотникомъ Іереміей Родзянко, царскія врата изъ соборной и Покровской церквей того-же города, сѣверныя и южныя алтарныя двери изъ с. Шишаковъ, Хорольск. у. и с. Овсюковъ, Лубенск. у. рядъ помѣстныхъ иконъ, рѣзные аналои, иконы на деревѣ и холстѣ, картины религіознаго содержанія, рѣзныя фигуры, антиминсы, плащаницы, церковную утварь, облаченія (представляющія въ большинствѣ случаевъ чудные образцы шитья), кованные желѣзные кресты съ церковныхъ главъ и т. д. Многіе изъ вышеперечисленныхъ предметовъ отличаются художественнымъ исполненіемъ, всѣ носятъ мѣстный колоритъ, выражающійся иногда въ оригинальной трактовкѣ. Слѣдуетъ еще упомянуть о большомъ мѣдномъ кувшинѣ, покрытомъ орнаментомъ; кувшинъ этотъ былъ въ семействѣ Скаржинскихъ до начала XVIII ст. и служилъ для

освященія воды. Церковный отдѣлъ въ настоящее время настолько разросся, что помѣщенія не хватаетъ и много интересныхъ предметовъ не можетъ быть какъ слѣдуетъ выставлено для обозрѣнія публики.

При собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины, а также и при устройствѣ или при пополненіи коллекцій очень часто ставятся опредѣленныя грани, напр., собирать по такой-то годъ и т. п. Намъ кажется, что система эта не выдерживаетъ критики: наша жизнь такъ полна всякаго рода пережитками, какъ въ духовной сферѣ (особенно), такъ и въ матеріальной, что дѣлать ограниченія въ этомъ отношеніи не представляется раціональнымъ: это значитъ сознательно сѣужать картину, лишать эту картину жизненной послѣдовательности. Возьмемъ, напр. первую половину прошлаго, XIX ст. Она, или по крайней мѣрѣ значительная часть ея, въ отношеніи матеріальной стороны жизни такъ тѣсно связана съ XVIII вѣкомъ, что отдѣлять ее нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Не говоря уже о народѣ, до послѣдняго времени жившемъ еще цѣликомъ завѣтами старины, но это относится и къ болѣе интеллигентному классу того времени. Вотъ почему намъ кажется, что уже давно пора включить въ программу музеевъ, особенно музеевъ областныхъ, съ болѣе широкими задачами, и собираніе предметовъ, относящихся ко всей первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ этомъ отношеніи музей Е. Н. Скаржинской можетъ служить примѣромъ. Здѣсь есть уже цѣлый отдѣлъ, т. н. «панскій», гдѣ собранъ рядъ предметовъ помѣщичьяго быта крѣпостного періода.

Послѣдній отдѣлъ помѣщается въ нижней обширной залѣ, посвященной этнографіи. Предметовъ народнаго быта здѣсь масса. Большинство коллекцій, какъ и слѣдовало ожидать, относится къ быту малороссовъ; нѣкоторыя изъ нихъ (напр., коллекціи писанокъ, посуды) отличаются замѣчательнымъ подборомъ и полнотой; часть предметовъ можно уже смѣло отнести къ разряду старины (напр. килимы, шитые рушники и др.). Но болѣе подробный обзоръ этнографическаго отдѣла не входитъ въ нашу задачу, да и завелъ-бы насъ слишкомъ далеко, а потому на

этомъ мы и заканчиваемъ настоящую замѣтку, отъ всей души пожелавъ музею Е. Н. Скаржинской дальнѣйшаго развитія.

—

Въ г. Полтавѣ, въ первыхъ числахъ октября, состоялось открытіе помѣщеній библіотеки и *музея.* Эти учрежденія занимаютъ отдѣльное зданіе въ ряду другихъ, имѣющихъ спеціальныя просвѣтительныя цѣли (театръ и народная аудиторія, чайная безплатная читальня). Библіотека и музей снабжены паро-водянымъ отопленіемъ, освѣщаются электричествомъ. Переходъ Естественно-историческаго музея полтавскаго земства въ новое обширное и удобное помѣщеніе является вполнѣ своевременнымъ. Прежнее помѣщеніе (въ подвальномъ этажѣ губернск. земской управы) совершенно не удовлетворяло требованіямъ: мало мѣста, мало свѣта, не было возможности ни помѣстить все прибывавшіе предметы различныхъ отдѣловъ, ни выставить какъ слѣдуетъ для обзора. При размѣщеніи коллекцій въ новомъ зданіи, предметы будутъ разставляться по извѣстной системѣ, выработанной завѣдующимъ музеемъ М. А. Олеховскимъ. Система эта преслѣдуетъ обще-образовательныя цѣли и облегчаетъ знакомство съ естественными богатствами, населеніемъ и исторіей Полтавской губерніи.

—

Извѣстное *Смѣлянское собраніе древностей* предсѣдателя Имп. Археологической Комиссіи гр. А. А. Бобринскаго приносится владѣльцемъ въ даръ *Кіевскому музею древностей и искусствъ.*

Коллекціи, входящія въ составъ собранія, подбирались въ теченіе многихъ лѣтъ. Предметы ихъ составляющіе, происходятъ какъ изъ многочисленныхъ раскопокъ гр. Бобринскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (напр. С. А. Мазараки), такъ и изъ случайныхъ находокъ. Обнимаютъ они громадный періодъ времени, начиная съ каменнаго вѣка и кончая княжеской эпохой, и даютъ, такимъ образомъ, характеристику внѣшней стороны жизни всѣхъ тѣхъ народностей, какія послѣдовательно занимали среднее Поднѣпровье.

Пока въ музей передана лично гр. Бобринскимъ часть собранія, обнимающая главн. обр. каменный вѣкъ. Состоитъ этотъ отдѣлъ изъ различныхъ издѣлій изъ камня, кремня, кости и рога. Среди каменныхъ и кремневыхъ, которыхъ всего 1066, преобладаютъ кремневые—ихъ 950. Костяныхъ предметовъ 109. Нѣкоторые экземпляры какъ каменныхъ, такъ и костяныхъ орудій отличаются рѣдкостью.

Кромѣ каменнаго вѣка, поступили въ музей предметы изъ янтаря, олова, стекла и глины, затѣмъ коллекція пряслицъ и наконецъ каменныя издѣлія (метательные камни и точилки) скифской эпохи.

Всего изъ собранія гр. Бобринскаго переданъ въ музей 1431 экземпляръ.

—

Проф. И. А. Линниченко передалъ *въ Кіевскій музей древностей и искусствъ* содержимое одного изъ раскопанныхъ имъ кургановъ между с.с. Великія Будки и Аксютинцы. Курганъ заключалъ въ себѣ женское погребеніе скифской эпохи съ довольно богатымъ инвентаремъ. Тутъ находились: золотое ожерелье, состоящее изъ 6-ти лунницъ, 12-ти подвѣсокъ, заканчивающихся пирамидками изъ шариковъ и около 100 круглыхъ золотыхъ бусинъ. Другое ожерелье составлено изъ каменныхъ бусъ — сердоликовыхъ, ониксовыхъ, топазовыхъ и бусъ изъ композиціи. Къ разряду украшеній относятся также 7 крупныхъ золотыхъ серегъ, бронзовые ножные или наплечные и желѣзные, обложенные золотомъ, ручные браслеты, 4 бронз. шпильки и, какъ необходимая принадлежность туалета—два бронзовыхъ зеркала, изъ которыхъ одно украшено рельефными изображеніями женщины и грифона. Очень много предметовъ относится къ конской сбруѣ: бронзовые налобники, удила, пряжки, и т. п. Кромѣ того, здѣсь-же найдено конусовидное навершье отъ бунчука съ принадлежащими ему 26-ью бронзовыми колокольчиками.

—

Изъ послѣднихъ поступленій въ *Кіевскій церковно-археологическій музей* можно отмѣтить громадныхъ размѣровъ (высота

около аршина, окружность около 2-хъ саженей) чугунный котелъ, исполнявшій, повидимому, роль колокола, такъ какъ въ верхней части (если котелъ опрокинуть вверхъ дномъ), не вполнѣ вышедшей при отливкѣ, продѣланы два отверстія для подвѣшиванія. Этотъ котелъ-колоколъ переданъ изъ Мотронинскаго монастыря. Среди окрестнаго населенія существуетъ преданіе, что во времена гайдаматчини били въ этотъ колоколъ, сзывая гайдамаковъ „святыть ножи".

Другое поступленіе—коллекція раскольничьихъ предметовъ (главнымъ обр. иконъ) изъ Новозыбковскаго у. Черниговск. г., пожертвованная В. Н. Фальковскимъ. Всѣхъ предметовъ 106 и между ними есть весьма рѣдкіе экземпляры (напр. евангеліе XVI в., нѣсколько древнихъ иконъ и т. п.).

—

Херсонскому археологическому музею принесены въ даръ: отъ команды землечерпательницы „Нева" № 5, небольшой глиняный двуухій кувшинъ, поднятый со дна Днѣпра въ Збурьевскомъ гирлѣ; отъ волостного писаря Кисляковской волости Р. Малопурина—глиняная урна изъ развалинъ Ольвіи, съ греческой надписью, вытисненной на шейкѣ: NOCCO | OPOE | CILA.

Отъ кр. с. Кардашинки Г. Устименка поступило серповидное кремневое орудіе, выоранное вблизи названнаго села. („Югъ").

Разныя извѣстія.

Въ Петербургъ К. Е. Думбергомъ привезенъ *замѣчательный саркофагъ*, найденный при раскопкáхъ въ г. Керчи и вѣсящій слишкомъ 120 пудовъ. Саркофагъ этотъ, принадлежащій ко II вѣку до Р. Х., превосходно сохранился, благодаря чему получается возможность ознакомиться съ рѣдкими, находящимися на внутренней стѣнкѣ его восковыми изображеніями. Вмѣстѣ съ саркофагомъ, К. Е. Думбергомъ привезено еще нѣсколько не менѣе цѣнныхъ вещей, найденныхъ тоже при раскопкахъ въ Керчи—большею частью по склонамъ горы Митридата, гдѣ

имъ открытъ цѣлый древній городъ, относящійся къ римской эпохѣ.

—

Въ № 274 «Харьк. Губ. Вѣд.» А. Т. дѣлится своими путевыми впечатлѣніями, вынесенными изъ поѣздки по хуторамъ и селамъ побережій Ворсклы и Мерла въ у.у. Зѣньковскомъ, Богодуховскомъ и Ахтырскомъ; здѣсь отмѣчаются попутно и нѣкоторые встрѣченные памятники старины. У с. Бѣльска, Зѣньковск. у., расположены два городища на возвышенномъ берегу Ворсклы.

«Въ низинахъ кругомъ городищъ—болота, которыя вмѣстѣ съ прилежащими къ нимъ суходолами опоясываютъ—съ востока Ворскла, а съ запада—притокъ Псла, Сухая Грунь. Всю эту мѣстность непрерывнымъ кольцемъ, растягиваясь въ длину по направленію съ N на Z, обхватываетъ высокій насыпной валъ вмѣстѣ съ сопутствующимъ ему рвомъ рѣзной глубины. Если взять во вниманіе, что отъ Бѣльска тянутся—на югъ Опошнянское городище, а на сѣверъ—Скельское, Немѣровское и два Кукуевыхъ, то за описываемымъ уголкомъ Поворсклья нельзя не признать большого научнаго значенія".

Въ с. Пархомовкѣ, центрѣ экономій Харитоненка, г. А. Т. описываетъ кое-какую церковную старину и останавливается на мѣстномъ костюмѣ. «Въ костюмахъ исчезли, хотя и неокончательно, бѣлый очипокъ, плахта съ запаской; за то существуютъ еще намитка, чоботы сапьянци, киснык въ косѣ, дукаты и проч., а также старинныя пѣсни и обычаи свадьбы и похоронъ. Къ слову о похоронахъ отмѣчу особенность пархомовскаго кладбища. Изъ давныхъ лѣтъ помнится мнѣ, что на этомъ кладбищѣ рыли могилу для умершей матушки, жены или тещи мѣстнаго священника—точно не упомню. Рыть могилу пришлось на мѣстѣ старой могилы. Былъ отрытъ скелетъ, а въ его головахъ, бутыль съ окрашенною въ свѣтло-шафранный цвѣтъ горилкою. Гробокопатели тутъ-же, съ разными прибаутками по адресу усопшихъ, этотъ нектаръ и осушили. Въ разговорахъ съ пархомовцами-стариками объ этомъ, я узналъ, что

вообще на ихъ кладбищѣ въ старыхъ могилахъ попадаются скелеты и при нихъ «горилка»; теперь это наблюдается какъ рѣдкость, а лѣтъ 30 назадъ былъ даже спеціалистъ по части отысканія этой услады сердца. Его звали Мусій Ткаченко; онъ умѣлъ лучше другихъ распознавать, гдѣ хранится такой кладъ, почему мѣстные поклонники могильной горилки и имѣли его у себя за руководителя".

—

Въ № 7192 „Южнаго Края", въ корреспонденціи изъ ст. Усть-Медвѣдицкой, сообщается о рядѣ находокъ древностей въ хуторѣ Орловскомъ, на полуостровѣ «Осадномъ» въ двухъ верстахъ отъ хутора и возлѣ хутора Горина.

—

Въ объявленіи на подписку на газету «Югъ» въ 1902 г. сообщается, что подписчики получать безплатную премію—иллюстрированное изданіе «Древности и клады Херсонской губерніи».

братіи блюсти монастырское имущество: „што стратили были наши антецессоры, то ся пендзою (нуждою) моею—съ братіями—тяжкою, заледво долгимъ часомъ отшукано паки до монастыря святого, такъ село, кгрунты, млыны и проч., прошу васъ, отцы и братія, да бысте нѣякимъ своихъ нераденіемъ и незгодою паки не утратили“! Въ этомъ послѣднемъ предсмертномъ зовѣ выразилась завѣтная цѣль всякаго хозяйливаго игумена—собирать, а не расточать „кгрунты и млины». Завѣщаніе Торскаго написано въ 1645 г. Другое такое же завѣщаніе,—Авксентія Якимовича,—писано ровно черезъ полвѣка, т. е. въ 1695 г. Въ этомъ писаніи тѣ же завѣты и тѣ же ихъ мотивы: совѣтъ выбрать преемника изъ *своихъ* („чужіе не знаютъ нашихъ порядковъ“), причемъ завѣщатель прибавляетъ совѣтъ—тотчасъ послѣ его смерти, просить митрополита и гетмана, „жебы того права не касовано: на волное обираніе игумена“, (т. е. чтобы монастырь не былъ лишенъ права свободнаго выбора себѣ игумена). Слѣдовательно, въ к. XVII в. монастыри были уже ограничиваемы въ томъ правѣ, которое за полвѣка передъ тѣмъ, повидимому, никакому ограниченію еще не подвергалось. Затѣмъ, игуменъ завѣщаетъ братіи повиноваться игуменской власти и „мѣти згоду и любовь межи собою“, а въ заключеніе—тотъ же, что и у Торскаго—завѣтъ: беречь монастырскія имѣнія: „фундуши благоч. княз. Вишневецкихъ и гетманские унѣверсали на села и млины, и царские грамоты, также и записи на лѣси и поля, щосмо прикупили, въ добромъ опатреню (смотрѣніи) и схованю мѣйте; *а поля и сѣножати на сторону, чужимъ людямъ, хотя бы и зъ десятина* (т. е. за десятую часть дохода въ пользу хозяина) *не давайте*, бо въ насъ бували и буваютъ такие икономи, же за подарки и по знаемости, даютъ монастирские кгрунта, а потимъ за отмѣною частихъ икономовъ, въ забвеніе тые приходятъ поля, и люде ихъ присвояютъ, же зтрудна упоминатися потреба“. Значительное накопленіе монастырскихъ имѣній къ к. XVII в., сравнительно съ полов. XVII в., даетъ основаніе позднѣйшему игумену—распространиться относительно будущаго распоряженія

этими имѣніями, при чемъ этотъ пунктъ завѣщанія является центральнымъ... Отсюда видно, что уже въ к. XVII в. главная забота собравшейся для богомоленія общины сосредоточивается въ накопленіи „селъ, грунтовъ и млиновъ“... Земныя блага настолько затемняютъ небесныя, что за бѣгство монастырскаго крестьянина въ чужую маетность (бѣгство это умаляетъ числом—рскихъ работниковъ) игуменъ Гавріилъ Леопольскій приказываетъ своимъ „экономамъ“ бить возвращеннаго крестьянина, у себя на задворку, „шелепами“, до тѣхъ поръ, пока этотъ крестьянинъ „по томъ бою и умре»..... (с. 178). Такое обращеніе монастырей къ земнымъ благамъ порождаетъ въ нихъ и игуменовъ новаго типа, уже нескрывающихъ своего влеченія къ прелестямъ міра. Вотъ одинъ тому примѣръ. Въ 1750 г., „бывый“ игуменъ Густынскаго м-ря Мельхиседекъ Богдановичъ былъ посланъ Кіевскимъ митрополитомъ въ Варшаву, на „будущій тогда въ Варшавѣ сеймъ“, причемъ для охраны Мельхиседека въ пути митрополитомъ былъ нанятъ одинъ изъ Кіевскихъ рейтаровъ, Мизиковъ: рейтаръ ѣхалъ передъ игуменомъ, на своей лошади, верхомъ и кромѣ того исполнялъ всякія ему услуги.—Кромѣ рейтара, Богдановича, ѣхавшаго на своихъ лошадяхъ, сопровождало еще и трое его слугъ, въ числѣ которыхъ былъ и „писарь“. Въ такой обстановкѣ случилось разъ путешественнику пріѣхать въ одно село, на ночлегъ, гдѣ ставши въ корчмѣ, Б-чъ встрѣтилъ „едного полского ксенза, едучого путемъ, и сталъ поччивать его водкой и вишнякомъ, и гулялъ съ нимъ ксензомъ довольно; а по отъѣздѣ же оного ксенза, началъ гулять Б—чъ съ хозяиномъ той корчмы, и гулялъ съ нимъ якъ-бы заполночь“... Находясь въ это время на дворѣ, Б-чъ замѣтилъ, что у лошадей его нѣтъ сѣна, и за это, тутъ же, набросился на своихъ спавшихъ уже слугъ. Одинъ изъ нихъ, проснувшись отъ ударовъ Б-ча, вскочилъ и убѣжалъ заворота. Тогда Б. послалъ мальчика за рейтаромъ, чтобы тотъ всталъ и шелъ бы искать бѣжавшаго. Около разбуженнаго рейтара лежалъ и „писарь“, который услыхавъ приказъ Б-ча, сталъ совѣтовать рейтару не ходить: „ты знаешъ, сказалъ онъ Мизикову, *„жестокіи обычаи его мосци: албо окальчитъ, албо до смерти*

убьетъ!“—Рейтаръ послушалъ „писаря“ и попросилъ мальчика сказать Б-чу, что онъ, рейтаръ, утомившись, крѣпко спитъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, Б-чъ бросился къ рейтару и ударивъ его спящаго „дубиною“, закричалъ: „научу я тебе, скурвій сыне, слушать!“ И сталъ бить засимъ Б-чъ рейтара, пока не освободилъ послѣдняго хозяинъ корчмы.... Рейтаръ выбѣжалъ заворота, и сталъ ждать пока Б. успокоится.... Часа черезъ два онъ вернулся въ корчму, но Б., какъ будто его поджидалъ п., ч. сейчасъ позвалъ его въ свою комнату, гдѣ на столѣ уже лежали „флинта“ и „шабля“, вынутыя Б-чемъ изъ его „спальни дорожной“ (коляски). Увидѣвъ рейтара, Б. схватилъ „обнаженную шаблю“ и бросился на него, крича: „я тебе, жиде, скурвій сине, москалю, порубаю на кавалки!“ И засимъ Б., если не „порубалъ“ Мизикова, то опять сильно побилъ.... Тѣмъ не менѣе послѣдній доѣхалъ съ Б-чемъ до Варшавы, но вернувшись оттуда въ Кіевъ, подалъ митрополиту подробную жалобу на побои Б-ча, а митрополитъ жалобу эту передалъ на судъ консисторіи. Консисторія внимательно разобрала жалобу и допросивъ бывшихъ въ пути слугъ Б-ча, признала послѣдняго виновнымъ и приговорила на основаніи розд. 12, арт. 3 лит. стат., взыскать съ обидчика „6 рубл. грошей навязки“. Этотъ случай столкновенія бывшаго игумена съ рейтаромъ—очень мелкій самъ по себѣ—хорошо рисуетъ Б-ча, который, какъ видно въ монахи вовсе не годился, что не помѣшало ему однакоже жъ быть однимъ изъ Г-скихъ игуменовъ....

Изъ той же *лѣтописи* видно, какія богатыя маетности нажилъ себѣ монастырь уже въ XVII в. Позже онъ пріобрѣталъ только разные „грунты“ и „млины“, для округленія старыхъ своихъ маетностей [1]). Всѣ эти имѣнія давали м-рю доходы конечно немалые, хотя монахи постоянно жаловались на крайнюю свою скудость, которая де позволяла имъ питаться только „вялою рибкою“, а „свѣжую—они мало и видали“... Такъ

---

[1]) Въ книжкѣ архим. Нектарія перечислены эти отдѣльныя пріобрѣтенія м-ря (за XVIII в.), отчасти пожертвованіями религіозныхъ людей, а отчасти—покупкою.

говорили сами Г—скіе монахи, когда получили въ 1738 г. приказъ Кіевскаго митрополита—отослать *пятнадцать рублей* въ Глуховъ, на содержаніе засѣдавшаго тамъ въ коммиссіи „перевода правъ“ архимандрита Мигалевича. („Права“, Кистяковск., пред., 13). Получивъ этотъ приказъ, тогдашній игуменъ Леопольскій передалъ его на разрѣшеніе „соборныхъ старцевъ“, которые при этомъ и составили любопытный отвѣтъ. Описавъ подробно свою *скудость*, которая позволяла де братіи питаться лишь „вялою рыбкою“, п. ч. свѣжую они рѣдко и видятъ, „старцы“ просятъ игумена донести объ этомъ митрополиту и просить его, чтобы „денегъ 15-ти рублей отъ ихъ монастыря давать не повелѣно“... [1]) Въ этомъ характерномъ документѣ мо-

---

[1]) Приводимъ здѣсь полностью этотъ любопытный документъ. „Высоце и Богу превелебнѣйшему гидну его милости отцу Гавріилу Леопольскому, ігумену монастыра Троецкого Густинского, покорнѣйшее доношеніе.

Всеповажнимъ указомъ великого гидна нашего ясне в Богу преосвященнѣйшого кир Рафаила Заборовскаго, архіепископа Кіевского, Галицкого и Малія Россіи, зъ священной духовной архіепископіи Кіевской консисторіи, прошедшого 1738 года, декабря 31 дня, вашею высоцепревелебностію полученнимъ, повелено, дабы зъ монастира Троецкого Густинского денегъ рублей пятьнадцять на прокормленіе архимандрита Софронія Мигалевича, началника Гамалѣевского. зъ его служителями, обрѣтаючогося нынѣ в Глуховѣ, з общества при переводѣ и сводѣ книгъ правнихъ, дать в оніе денгы к ему, архимандриту Мигалевичу, отослать въ Глуховъ, которій всеповажній его архипастирской святинѣ з духовной консисторіи указъ мы всенижайше слушали.—А понеже такихъ денегъ пятнадцати рублей *нѣ откуду взять*, ибо и сами нужду терпимъ, а что прежднихъ годовъ зъ ярмарковъ подъ м-ремъ Густинскимъ собираючихся, нѣкоторіе приходцы до м-ра и были взимани, то и тіи уже не оттеперъ по указу в скарбъ войсковой доправляютъ. Такожъ намъ и самимъ не защо для вседневнаго пропитанія покупать, яко то: соли, олѣи, рибки вялой (ибо свѣжой мало и видаемъ) для братіи и трудниковъ м-скихъ весма нужда крайная состоитъ, а прежде сего бывало хочай бз скотини что продастся, и за тое до м-ра потребы самонужніе исправляются, а нынѣ и скотину, лошади и воли вибрани, и (а) остатніе позаписывани. К тому

пахи между прочимъ говорятъ, что хотя съ монастырскихъ ярмарокъ они и получали „нѣкоторіе *приходцы*“, но и тѣ де отбираетъ у нихъ войсковой скарбъ. Здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, о тѣхъ сборахъ, которые отданы были въ 30-хъ г.г. XVIII в. на откупъ (Кіевск. Стар. 1885 г., май, 9.), но разумѣется, что эти сборы сравнительно были незначительны, а ярмарочныхъ доходовъ м-ря никакъ нельзя было называть „приходцами“, какъ это видно изъ свѣдѣній, представленныхъ самими монахами, въ 1765 г., Румянцовскимъ чиновникамъ, при описи своего м-ря. Говоря о доходахъ съ ярмарокъ, монахи писали, что у нихъ четыре раза бываетъ особый сборъ людей, а именно: въ са-

---

же м-ръ нашъ Г-скій, яко то церкви Божіе, такожъ келіи, в которихъ пребываемъ, и протчое весма обветшалое и требуетъ подчинки, въ чемъ не малая нужда настоитъ, а хочай и имѣются при м-ру вотчины, *однакъ в оних людей мало восталось*, ибо въ государеви служби повисилали. Того ради, черезъ сіе наше всенижайшее доношеніе, покорнѣйше вашего преподобія просимъ: соблаговолѣте до архимастира нашего с прошеніемъ писать, дабы такихъ денегъ рублей 15-ти з м-ра нашего помянутому архимандриту Мигалевичу давать не повелено, о семъ и вторично вашей высоце в Богу превелебности покорнѣйше просимъ. Вашей высоце в Богу превелебности всенижайшіе слуги: монастира Густинскаго намѣстникъ іеромонахъ Михаилъ Даниловъ. Іером. Ѳеодосій, духовникъ. Іером. Силуанъ. Іером. Мелетій. Іером. Тимофей, экономъ. Іером. Варлаамъ, екклезіархъ. Іеродіаконъ Корнилій, шафаръ. За монаха Іоана, эконома дворецкого, неграмотного, по его прошенію, Григорій Афанасіевъ подписался». На эту просьбу Г—скихъ монаховъ отъ митрополита получемъ былъ только новый указъ—требуемыя деньги Мигалевичу отослать безъ замедленія. Указаніе монаховъ, что «скотина, лошади и волы выбраны (т. е. забраты), а остальныя позаписованы», имѣетъ въ виду тогдашнее правительственное распоряженіе, по случаю войны съ Турціей,—«о высылкѣ изъ малороссійскихъ полковъ и друг., мѣстъ до 35000 паръ воловъ для арміи». (Опись выс. указ. и повелѣн., хранящ. въ сенатск. арх., Баранова, т. II, № 6451). Лошади въ эту войну тоже требовались съ обывателей, *по одной отъ 120 дворовъ*. Брали въ эту войну и «мужиковъ пѣшихъ». (Зап. Марк., II, 16 и 21).

момъ м-рѣ два раза, на Тройцу и на Успеніе Б-цы, и въ Деймановскомъ скитку—тоже два раза (с. 352), причемъ „пріѣзжающіе торговые люди, по позволенію, торгуютъ при тѣхъ сборахъ своими промыслами, и платятъ за то м-рю отъ тяжолаго, воза по 4 коп. Кромѣ того, на этихъ ярмаркахъ м-рь получалъ доходъ еще: за продаваемыя свѣчи и ладанъ, отъ кошельковаго сбора и за постройку торговыхъ будокъ.“ Всего собиралось, по словамъ монаховъ, на этихъ ярмаркахъ—по 600 р. „а иногда поменьше“. Конечно, цифра 600 р. далеко не была преувеличена, а слѣд. ярмарочный доходъ у монастыря былъ немалый. Особенно большая ярмарка бывала въ м-рѣ на Тройцу, въ престольный праздникъ главнаго м-скаго храма. Въ этотъ день народу собиралось *въ Густыню* многое множество, при чемъ наѣзжало сюда, на „храмъ“, много и окрестныхъ „пановъ“. Въ архивныхъ бумагахъ мы нашли свѣдѣнія о трехъ любопытныхъ ярмарочныхъ эпизодахъ въ Г-скомъ м-рѣ, случившихся въ срединѣ XVIII в.—Первый эпизодъ хотя прямо и не относится къ м-ской жизни, но рисуетъ картину троицкаго въ Густынѣ сборища людей, причемъ на фонѣ этой картины живо видѣляются тогдашніе большіе „паны“ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. На Тройцу собиралось въ м-рѣ, кромѣ простого народа, много и окрестной старшины, большой и малой, причемъ она размѣщалась, съ своими экипажами и прислугою, въ монастырскомъ саду; здѣсь „паны“, ставили свои „наметы“, въ которыхъ и помѣщались. Такъ было на Тройцу и въ 1734 г. На этотъ разъ пріѣхали на „храмъ“ въ м-рь, между прочими, полковница Елена Антоновна „Галаганша“ и жена б. тов. Степана Тарновскаго, Агафья Степановна. Обѣ эти „паніи“ занимали общественное положеніе далеко неравное. Полковница и по рангу мужа и по богатству, конечно, должна была первенствовать среди монастырскихъ гостей. Тарновская же, и по скромному чину мужа и по его довольно ограниченнымъ достаткамъ, стояла гораздо ниже. Но за то Тарновская была родовитая „пани“: это была дочь генер. есаула Бутовича, внука Черниговскаго полковника Якова Кондратьевича Лизогуба и тетка тогдашняго генер. обознаго Якова Ефимовича Лизогуба...

А полковница „Галаганша", по происхожденію, была дочь Кіевскаго мѣщанина Тадрины, хотя человѣка и замѣтнаго, но все же только мѣщанина; при этомъ, и первый мужъ ея былъ только Кіевскій бурмистръ. Значитъ, по родовитости Тарновская стояла цѣлою головою выше своей полковницы. А если къ этому прибавить, что Агафья Степановна по характеру видимо походила на свою энергическую сестру Ульяну [1]), то и получится въ результатѣ, что, встрѣтившись на пути съ Галаганшею, Тарновская—едва ли могла уступить ей дорогу... Такъ оно и случилось въ Густынѣ, на Тройцу, въ 1734 г., на виду у многочисленнаго народнаго сборища. Дѣло въ томъ, что какъ только кончилась въ этотъ день обѣдня, тогдашній игуменъ Леопольскій поспѣшилъ послать своего келейника къ полковницѣ—просить ее въ игуменскія кельи, конечно, на учту". Случилось, что полковница стояла „своимъ обозомъ" недалеко отъ такого же „обоза" Тарновской. Кромѣ полковницы, конечно приглашены были игуменомъ и другія почетныя лица, но въ число ихъ Тарновская не попала: вѣроятно, игуменъ зналъ, что „Галаганша" съ Тарновскою встрѣчаться не желала... Приглашенная игуменомъ полковница и направилась къ его кельямъ, въ сопровожденіи цѣлой „компаніи", тоже приглашенныхъ игуменомъ лицъ. Но при этомъ „компанія" должна была проходить по дорогѣ—какъ разъ мимо „обоза" Тарновской... Послѣдняя воспользовалась хорошимъ случаемъ публично сконфузить вельможную панію... Сдѣлать это было легко: стоило только поставить свою „колясу" и лошадей на дорогѣ, по которой должна была идти „компанія" съ полковницей во главѣ. Тарновская такъ и сдѣлала, какъ только замѣтила послѣднюю.—Увидѣвъ заставленную дорогу, игуменскій посланецъ приказалъ было служителямъ Тарновской—„дать дорогу", но тѣ стояли на мѣстѣ, и—принуждена была „пани полковниковая съ компаніей" обходить колясу Тарновской—„бурьяномъ и ямами"... На возвратномъ пути, когда полковница шла отъ игумена въ свой „наметъ",

---

[1]) Жену Гадяцкаго полковника Михаила Милорадовича. См. о ней Кіевск. Стар. 1882 г., мартъ, 485.

повторилась таже исторія: снова полковница должна была „обходить не только „колясу“ Тарновской, но „и ея служителей“. Несомнѣнно, жена полковника была сильно оскорблена и притомъ предъ толпою народа... На это оскорбленіе она жаловалась (вѣроятно Глуховскимъ властямъ); произведено было разслѣдованіе, при чемъ допрошены были и монахи. По ихъ показаніямъ нами и разсказанъ здѣсь этотъ эпизодъ, въ свое время бывшій предметомъ живѣйшихъ толковъ въ Прилуччинѣ, которая, не любя Галагановъ, радовалась, что ихъ спесь была нѣсколько принижена, и при томъ такъ „всенародно“ [1]).

Разсказанный эпизодъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ многолюдствѣ, которое собиралось на Густынскія ярмарки. Народу собиралось такъ много, что для наблюденія за порядкомъ на ярмаркѣ назначался изъ монаховъ особый надзиратель, носившій названіе „базарнаго“.—Говоря выше объ источникахъ ярмарочныхъ доходовъ, монахи почему то не упоминаютъ о доходѣ отъ продажи водки. Дѣло въ томъ, что Г-скій м-рь еще у Самойловича выпросилъ запрещеніе торговли на своихъ ярмаркахъ „привозными горѣлками“, а поэтому на ярмаркахъ продавалась только монастырская водка. Однакожъ этою водкою торговали „наѣзжіе люди“, которые при этомъ помѣщались въ „будкахъ“, нарочно для того монастыремъ приготовлявшихся. Торговали водкою въ этихъ будкахъ преимущественно Прилуцкіе мѣщане, причемъ торгъ водкою былъ такъ выгоденъ, что имъ не брезгала и аристократія этого мѣщанства. Такъ, на троицкой ярмаркѣ 1757 г. торговали водкою—въ монастырскихъ „будкахъ“—жена и дочь Прилуцкаго войта. По поводу ихъ и случился на этой ярмаркѣ характерный эпизодъ, рисующій отношеніе монаховъ

---

[1]) Интересно, что обстоятельства приведеннаго здѣсь случая сохранялись въ семейныхъ преданіяхъ Галагановъ и Тарновскихъ—до нашего времени: намъ не разъ приходилось слышать отъ покойнаго В. В. Тарновскаго († 1899 г.) этотъ разсказъ—какъ его прабабка «утерла носъ» полковницѣ „Галаганшѣ“... Случай, значитъ, былъ для того времени чрезвычайный, если память о немъ удержалась и черезъ 150 лѣтъ....

къ „ярмарковому“ народу. Дѣло началось съ того, что сидѣвшую въ одной изъ „будокъ“ „войтовну“ чѣмъ то обидѣла жена Прилуцкаго мѣщанина Тарасовича; та пожаловалась матери, мать—мужу-войту, а послѣдній *базарному* монаху Афанасію, который тутъ же распорядился обидчицу посадить въ „тюрьму“. Послѣ этого мужъ арестованной сталъ просить *базарнаго*—освободить его жену, указывая, что если жена его и обидѣла „войтовну“, то онѣ разсудятся своимъ судомъ въ Прилукѣ. Но на эту просьбу „*базарный*“ отвѣчалъ такимъ ударомъ Тарасовича „въ щоку“, что тотъ „не устоялъ на ногахъ и повалился на землю“... А вслѣдъ затѣмъ „*базарный*“ приказалъ привести сюда и жену Тарасовича и тутъ же распорядился—„бить ее плетьми нещадно“. Не удовлетворившись этимъ, „*базарный*“ приказалъ—„на одни издѣвки“—„положить мужа на женѣ“ и тоже „бить плетьми безмилосердно“. Поруганный Тарасовичъ отправился въ Прилуцкую ратушу и просилъ прежде всего описать „боевые знаки“ на немъ и на женѣ, при чемъ у послѣдней оказалось „правой ноги стегно весьма побито и синіокриваво и опухло, колѣна оба позбиваны“ и проч. Съ этимъ „свидѣтельствомъ“ Тарасовичъ обратился къ Г-скому игумену (Митрофану Горленку), прося у него суда съ „*базарнымъ*“-обидчикомъ; но „оной Афанасій, не удоволясь тѣмъ увѣчьемъ и безчестіемъ, за призывомъ его къ игумену, при намѣстнику тамошнему и друг. монахахъ, сталъ еще бранить Тарасовича „сучимъ сыномъ, шельмою и каналіею“... Видя, что у игумена никакого суда добиться нельзя, Т-чъ обратился въ полковую к-рію, но послѣдняя могла только повторить у того же игумена свою просьбу „учинить Т-чу справедливость“, на что игуменъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ „того чинить не дозволялъ, то и вступаться въ это дѣло не станетъ“. Послѣ этого Т-чъ поѣхалъ жаловаться въ Кіевъ, къ самому митрополиту, который жалобу его передалъ въ консисторію. Въ консисторіи такія дѣла не залеживались, если жалобщикъ былъ умѣлъ и щедръ. Въ к. января 1758 г. было предписано изъ Кіева Г-скому игумену произвести по жалобѣ Т-ча слѣдствіе, а въ апрѣлѣ получилось отъ него, въ консисторіи, донесеніе, что „Прилуцк. мѣщанинъ Тарасовичъ и іеромонахъ Афанасій“,

„не входя въ бо́льшую контроверсію, по любви христіанской и снисхожденію, примирились“.... [1])

Еще болѣе разительный случай монашескаго самоуправія произошелъ въ Густынѣ, на успенской ярмаркѣ, въ 1763 г., съ рабочими Рясковской суконной фабрики (с. 319), которыхъ монахи не хотѣли пустить въ м-рь прежде, чѣмъ тѣ не заплатятъ „ярмарочныхъ взятковъ“. Дѣло въ томъ, что монахи установляли разные съ наѣзжаго люда сборы, а въ томъ числѣ, повидимому, установили плату и за проѣздъ чрезъ плотину въ м-рь, причемъ плата эта собиралась тутъ же на „греблѣ“, „учрежденнымъ на то карауломъ“. Рясковскіе рабочіе отъ взноса требуемой платы отказались конечно потому, что знали объ отмѣнѣ гетманомъ подобныхъ незаконныхъ сборовъ [2]). Однакожъ монахи не уступали, а когда рабочіе хотѣли силою пройти въ м-рь, то началась свалка, которая кончилась тѣмъ, что монахи десять человѣкъ рабочихъ задержали и—пока—посадили въ свою монастырскую „тюрьму“. Понимая однакожъ, что къ крестьянамъ кн. Юсупова нужно относиться осторожнѣе, чѣмъ къ какимъ нибудь Прилуцкимъ мѣщанамъ, монахи въ тотъ же день извѣстили Рясковскую „контору“, требуя прибытія въ м-рь „правителя фабрики для разсмотрѣнія того гвалту, людми его учиненного“. Управитель не замедлилъ прибыть въ м-рь, впрочемъ съ цѣлымъ отрядомъ, вооруженнымъ „списами желѣзными и дубьемъ нарочитымъ“. Такъ писали Г-скіе монахи 17-го августа въ Прилуцк. полк. к-рію, говоря далѣе, что „правитель фабрики“, сопровождаемый своими рабочими, началъ съ того, что „отломалъ брамніе ворота“, „поотбивалъ турми и людей своихъ выпустилъ“; а потомъ Рясковцы начали де безчеловѣчно бить монашествующихъ и мирскихъ послушниковъ смертнымъ боемъ, „на каковой гвалтъ какъ выбѣгъ съ келіи о. игуменъ, чтобъ тое усмирить, то и самого игумена били и голову до

---

[1]) Кіевск. Стар. 1899 г., апр., II, 12. (Изъ бумагъ Кіевск. дух. консист.).

[2]) См., между прочимъ, универсалъ Разумовскаго 1751 г. по поводу неправильно требованной Максаковскимъ м-ремъ платы за перевозъ. Кіевск. Стар. 1901 г., февр., II, 74.

крови розбили, а послушниковъ четырехъ до смерти прибили, и такій гвалтъ и разбой учинили, что опасно изъ м-ря монастырскимъ людямъ и выйти".—Такимъ образомъ монахи показывали видъ какъ бы побѣжденныхъ, а въ дѣйствительности—они не только превозмогли въ свалкѣ съ Рясковцами, но успѣли еще захватить изъ нихъ нѣсколькихъ, которыхъ и посадили въ ту же свою тюрьму. Извѣщая объ этомъ арестѣ фабричныхъ полк. к-рію, монахи писали, что арестованныхъ конечно слѣдовало бы немедленно отослать въ Прилуку, но сдѣлать это имъ показалось „сумнительно, чтобъ на пути товарищи ихъ не отбили и дабы отъ оныхъ разбойниковъ не послѣдовало ночью нападенія, понеже слышно, что совѣтуютъ напасти на м-рь и отбить своихъ людей, которіе поймани въ ономъ гвалтѣ".... Поэтому монахи просили Прилуцкое начальство „для ихъ защищенія, безъ укосненія прислать пристойную команду и опредѣлить кого для освидѣтельствованія на о. игумену и послушникахъ боевыхъ знаковъ". Случившееся столкновеніе съ Рясковскими фабричными монахи описывали не полно и не точно. Точнѣе это столкновеніе описано въ гетманскомъ универсалѣ, который явился отвѣтомъ на жалобу Рясковской администраціи за насилія монаховъ. Въ этомъ универсалѣ гетманъ писалъ (Прилуцк. полк. к-ріи): „Суконной Рящковской фабрики директоръ Иванъ Деде поданимъ намъ доношеніемъ представилъ: когда де съ фабричнихъ оной фабрики работниковъ и съ подданнихъ Рящевскихъ нѣкоторое число отлучились въ Густынскій м-ръ, ради исправленія своихъ надобностей, ибо де того числа въ ономъ м-рѣ ярмарокъ и великій зборъ биваетъ, *то учрежденній на греблѣ отъ манастира караулъ востребовалъ въ нихъ неподлежащихъ ярмарковихъ, указамы отсѣченнихъ, взятковъ, и какъ оніе Рящковскіе обиватели платить не похотѣли*, то законники де, за тотъ неплатежъ, первѣе, немилостиво ихъ били, о якомъ де бои имѣется въ полк. Прилуцк. к-ріи обдукція, и ограбили денегъ 25 рубл., свитокъ 5, шапокъ 23, лошадей 8, телегъ 5, биковъ приведеннихъ къ продажѣ 6; опосля жъ де, взявъ съ нихъ 10 человѣкъ, посадили въ тюрму, а въ Рящковскую контору прислали сообщеніе, показуя починенія якобы отъ онихъ посаженыхъ въ тюрму работниковъ, купечеству и другому народу, обиди и разоренія; и

какъ де потомъ Ряшковской фабрики директоръ поѣхалъ въ м-ръ ради удоволствія обидимихъ и освобожденія невинныхъ людей, коихъ началъ било и освобождать, то де законники пяніе, заперши ворота, намѣревали безъ всякаго уваженія съ нимъ директоромъ поступить, по ихъ самоволству, безчеловѣчно; однакъ де *онъ бѣжалъ*, опасиваясь смертного убійства, а оніе де законники, разбросавъ находячійся отъ м-ря въ полторы версти, на р. Удаи, мостъ, дабы Ряшковскихъ жителей въ домы не випустить, въ своихъ монашескихъ одѣяніяхъ и клобукахъ, пяніе, бѣгая зъ болшими жерткамы (жердями) по ярмарку, Ряшковскихъ обывателей и фабричныхъ работниковъ сискуючи, немилосердо били, и порознь отводили въ тюрмы; и тѣхъ де забратихъ оной игуменъ, забивши въ болшіе скрипицы, при своемъ писмѣ отправилъ въ плкв. Прлцк. к-рію зъ жалобамы, будто бы оніе разбили м-ръ. А полковая де к-рія, безъ всякаго о томъ изслѣдованія, посадила оныхъ въ острогъ, и хотя де отъ конторы Ряшковской фабрики управитель княгини Юсуповой Василей Щербачевъ съ прошеніемъ объ освобожденіи оныхъ работниковъ (обращался въ полк. к-рію?), беручи ихъ на свои поруки, съ тѣмъ, что за востребованіемъ будутъ представлены, но оніе де и по тому не отпущены, чрезъ якой де заборъ фабричныхъ работниковъ и людей Ряшковскихъ г-жѣ ихъ следуетъ обида и убитокъ. И просилъ объ отпуске тѣхъ содержачихся въ остроге работниковъ и людей Ряшковскихъ, за роспискою въ томъ, что оніе по востребованіи будутъ представлены, и о изслѣдованіи о дерзостныхъ Г-скихъ законниковъ поступкахъ нашего разсмотренія. Сего ради полк. Прлцк. к-ріи приказываемъ: оніе Ряшковской сук. фабрики работники и жителѣ Ряшковскіе—кемъ и почему забрати и содержатся при полк. Прлцк. к-ріи въ остроге? и найдена ль уже по следствію тѣхъ людей какова виность? прислать къ намъ репортъ въ самой скорости, а между тѣмъ буди объ нихъ въ той к-ріи какое имѣется кримѣналное дѣло, по коему и содержатся, то оное по указамъ и правамъ рѣшить въ самой же скорости. Что жъ при томъ въ ономъ доношеніи упоминается, яко, во время того Г-ского ярмонку, нѣкоторіе въ монастиръ взимаются збори, къ недопущенію де которихъ отъ полк. Прл. к-ріи не наблюдается

и команди козачей, въ силѣ ордера нашего, для воздержанія при томъ ярмонке между народомъ случаючихся дракъ и неспокойствъ, не опредѣляется, а *сами де монахи ись подданними своими—держатъ ночніе обходи, съ крайнимъ безстидствомъ по шинкамъ, по шалашамъ и другимъ таковимъ мѣстамъ ходятъ*, гдѣ всякое безчиніе дѣлается, и въ случае поимки кого на худихъ учинкахъ, *сами монахи судъ и росправу производятъ*, то подлѣно ль и для чего сіе отъ плк. Прл. к-ріи допущено, прислать же къ намъ репортъ, а въпредъ оной плк. к-ріи, во время тамошнего ярмонку, чинить добріе учрежденія, въ силѣ нашихъ ордеровъ, неотмѣно". („1763 г., сент. 12 д. Батуринъ". Подпись гетмана [1]).

Приведенный универсалъ Разумовскаго свидѣтельствуетъ, что Густынскіе монахи въ своихъ столкновеніяхъ съ окрестнымъ народомъ, „сами судъ и расправу производили." Монашеское самоуправіе проявлялось въ такихъ размѣрахъ, что для него потребовалось устройство въ м-рѣ даже „тюрьмы"... И это не былъ какой нибудь *карцеръ* для провинившихся монаховъ, а была настоящая тюрьма, въ которую можно было заключить не одинъ десятокъ напр. Рясковскихъ крестьянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самоуправное заключеніе монахами тѣхъ или другихъ лицъ изъ народа—въ *свою* тюрьму, производило на народъ то впечатлѣніе, которое заставляло его видѣть въ „законникахъ" не „богомольцовъ", а тѣхъ же „державцевъ", которые, владѣя крестьянами, уже по одному этому рѣзко расходились съ народомъ въ своихъ интересахъ... Въ этомъ заключалась главная причина непріязни у народа къ тогдашнимъ монахамъ, которую мы видимъ и по отношенію къ Г-скому м-рю. Повидимому, непріязнь народа къ монахамъ началась съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе стали владѣть крестьянами... Въ этомъ отношеніи замѣчательный фактъ сохранила приведенная выше *актовая лѣтопись* м-ря, указывающая, что когда лѣтомъ 1648 г. первыя побѣды Хмельницкаго взволновали по Украинѣ народъ, то онъ бросившись уничтожать своихъ притѣснителей—„паповъ", тутъ же заодно „*разрабовалъ*" и Г-скій м-рь, причемъ „*черницовъ окрутне*

[1]) Съ подлинника наш. б-ки.

мордовавши, били, (а) иныхъ и въ смерть убили". (с. 395). Несомнѣнно, что народъ въ этомъ случаѣ мстилъ монахамъ за то ихъ „державство", тяготу котораго онъ одинаково терпѣлъ какъ отъ чужихъ, польскихъ „пановъ", такъ и отъ этихъ своихъ монаховъ.—На этомъ мы и заканчиваемъ наши далеко не полныя свѣдѣнія о Густынскомъ м-рѣ, который владѣя къ к. XVIII в. болѣе чѣмъ *тремя тысячами крестьянъ* [1]), былъ однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей въ южной Малороссіи.

Ладинскій покровскій монастырь основанъ одновременно съ Густынскимъ м-ремъ, тѣмъ же кн. Мих. Вишневецкимъ, причемъ этотъ м-рь сначала былъ мужскимъ и назывался *Подгорскимъ*. Тотъ же кн. Лыко отвелъ въ 1615 г. этому м-рю „грунтъ, такъ на робене хлѣба, яко и на сѣножати, также и на ставки и на млинъ належачій", причемъ границы этого грунта были указаны слѣд. „отъ Подищъ идучи, отъ Погребцовъ, отъ р. Удая до дороги мѣской, отъ Подищъ дорогою до могилы Робленое, отъ могилы до вершины руды Боршное, оттуль до острова, которого зовутъ Березовымъ колкомъ (лѣскомъ), оттуль до Сокулки рѣчки, а Сокуллею рѣчкою до р. Удая, а Удаемъ знову до Погребцувъ, изъ островомъ, который противъ м-ря, за Удаемъ рѣкою". (Густынск. лѣтоп., 55). Въ 1619 г. даръ кн. М. В-аго былъ подтвержденъ его вдовою, при чемъ изъ этого акта видно, что Л-ій м-рь былъ уже женскимъ и что первою въ немъ игуменіей была сестра Исаіи Копинскаго, *Александра*. Подтверждая Л-ому м-рю право на отведенный грунтъ, Раина В. дала м-рю и село Ладинъ. Интересно, что Л-скіе крестьяне тогда же обратились къ Исаіи Копинскому съ просьбою опредѣлить ихъ отношенія къ м-рю, и Копинскій далъ имъ подробное и постановене—„хто зъ нихъ и якую повинность на церковь Божію давати и чинити будетъ повиненъ". (Густ. лѣт., 57). Изъ послѣдующей исторіи Л-го м-ря извѣстно, что въ 1638 г. Ладинскія монахини, съ своей игуменьей *Елисаветой Летинской*, бѣжали вслѣдъ за Густынцами (с. 390) въ Путивль, [въ числѣ 53-хъ „сестеръ" и 16 человѣкъ „служекъ и пѣвцовъ" [2])].

---

[1]) См. въ книжкѣ архим. Нектарія, стр. 81, подробный перечень монастырскихъ имѣній.

[2]) Статья К. Невоструева «О началѣ Кіево-Алатырскаго монастыря». Вѣсти Зап. Россіи за $18^{65}/_{66}$ г., кн. 8, стр. 132.

Уходя изъ м-ря, Ладинскія монахини забрали съ собою 20 возовъ разнаго имущества, но оно на дорогѣ было у нихъ отнято поляками [1]). Изъ Путивля Ладинскія монахини переведены были, въ сентябрѣ того же 1738 г., въ г. Алатырь, въ тамошній Никольскій дѣвичій м-рь, а прежнія монахини переведены были въ другое мѣсто; но, какъ видно, старыя монахини не хотѣли уступить новымъ, и игуменія Елисавета выхлопотала постройку новаго, тамъ же, для себя м-ря, существующаго и понынѣ подъ названіемъ *Кіевскаго никольскаго новодѣвичьяго* [2]). Кто устроилъ Ладинскій м-рь послѣ его запустѣнія въ 1638 г.—неизвѣстно. Знаемъ только, что въ 1657 г. игуменьей здѣсь была Серафима „Зебровска". (Лѣтоп. Густ. м-ря, стр. 58). Изъ игуменій XVIII в. извѣстна *Александра Ивановна*, присланная сюда изъ Нѣжина въ 1743 г. [3]). Она управляла м-ремъ болѣе 20-лѣтъ, и построила въ 1763 г. каменную св. покровскую церковь, взамѣнъ деревянной, сгорѣвшей въ 1735 г., при общемъ пожарѣ монастырскихъ зданій. (Лѣт. Густ. м-ря, 67 и слѣд.) Другихъ свѣдѣній о Ладинскомъ м-рѣ розыскать мы не могли, хотя вѣроятно ихъ немало есть, хотя бы въ архивѣ Кіевск. духовной консисторіи.

Итогъ населенія Прилуцкаго полка въ 1780 г. При описаніи селъ мы указывали численность въ нихъ только крестьянъ и козаковъ. Все остальное населеніе села, (правда, очень незначительное) нами опускалось или по недостатку этихъ цифръ въ ревизскихъ книгахъ или изъ опасенія приводить цифры неточныя [4]). Обстоятельную цифру всего населенія—въ каждой

---

[1]) Любопытная опись отнятаго у монахинь имущества приведена почти полностью въ статьѣ Невоструева; изъ этой описи видно, что Ладинскій м-рь имѣлъ богатые сосуды, достаточно книгъ (въ числѣ ихъ: «книга Іоасафа царевича печатная, новая», «житія святыхъ, польскіе, печатные» (Patericon?) и друг. На половину почти книги были *писанныя* Въ числѣ домашнихъ вещей въ описи показанъ «зыкгаръ мосяжовый," т. е. мѣдные часы (zegar). (Невоструевъ почему то это слово перевелъ словомъ вертелъ).

[2]) См. у Строева, «Списки іерарховъ и настоятел. м-рей,» (Спб. 1877), стр. 987.

[3]) Ср. у Строева, стр. 930.

[4]) Въ ревизской книгѣ за 1740 г., послѣ переписи посполитаго населенія, показывается отдѣльно «духовный чинъ» и мѣстная

населенной мѣстности—мы нашли только въ вѣдомости 1780 г., когда по распоряженію Румянцова собраны были—болѣе или менѣе вѣрныя—свѣдѣнія о населеніи, для раздѣленія бывшей гетманщины на намѣстничества. Вѣдомость эта особенно цѣнна въ томъ отношеніи, что въ ней приведенъ точный списокъ *хуторовъ*, съ показаніемъ въ послѣднихъ населенія по сословіямъ. Относительно возникновенія хуторовъ въ Прилуцкомъ полку слѣдуетъ замѣтить, что до полов. XVIII в. ихъ здѣсь почти не было, за исключеніемъ развѣ такихъ пустырей, какой представляла собою Гнилицкая степь (с. 193—196). Въ ревизской книгѣ 1740 г.—хуторовъ, за исключеніемъ Рудовскихъ, показано не болѣе десяти, а по вѣдом. 1780 г. ихъ значится уже болѣе *четырехсотъ*, причемъ въ хуторахъ показано: *козаковъ*: 60 дв., 130 х. и 16 бд. х.; *крестьянъ*: 143 дв., 164 х. и 713 бд. х., и *подсосѣдковъ* (коз. и кр.): 306 дв., 527 х. и 337 бд. х. Такимъ образомъ хуторское населеніе состояло главнымъ образомъ изъ крестьянъ и подсосѣдковъ, т. е. изъ элемента несвободнаго, изъ чего можно сдѣлать заключеніе, что хутора стали селиться тогда, когда державцы получили бо́льшую надъ крестьянами власть, съ помощью которой стали разселять ихъ и внѣ селъ. Въ экономическомъ отношеніи хутора эти представляли значительныя выгоды, особенно для развитія скотоводства, и державцы поспѣшили ихъ заводить, какъ только къ тому представилась возможность.

Помѣщая засимъ таблицу населенія Прилуцкаго полка, составленную нами на основаніи вѣдомости 1780 г., мы должны объяснить, что въ графѣ „хаты", мы выдѣлили *бездворныя хаты* изъ общаго ихъ количества съ цѣлію дать нѣкоторый матеріалъ для заключенія объ экономическомъ положеніи населенія, такъ какъ въ бездворныхъ хатахъ жило то населеніе, которое не имѣло своего хозяйства и зарабатывало хлѣбъ главнымъ образомъ „зажономъ". Въ цифрахъ приведенныхъ въ видѣ дроби, верхняя цифра обозначаетъ количество хатъ *въ дворахъ*, а нижняя—*бездворныя* хаты. Цифры хатъ, показанныя въ видѣ цѣлыхъ чиселъ, обозначаютъ хаты *въ дворахъ*.

сельская администрація, но безъ указанія числа *дворовъ и хатъ*, почему эти свѣдѣнія и не даютъ надлежащаго матеріала для опредѣленія численности населенія.

Населеніе полка въ 1780 г.	Дворяне и шляхетство.	Разночинцы.	Духовенство.	Церковники.	КОЗАКИ.		КРЕСТЬЯНЕ.		Подсосѣдки козачьи и посполитск.	
СОТНИ.					Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.
1. **Полковая** (*городъ 1, селъ 22, слободокъ 5 и деревень 8*)	52	65	45	51	443	884—11	1735	2433—269	459	662—213
Хутора (97) . .	2	1	—	—	3	5—7	71	80—513	41	78—23
Всего . .	54	66	45	51	446	889—18	1806	2513—782	500	740—236
2. **Переволочанская** (*мѣст. 1, селъ 12, дер. 3*).	4	24	26	22	454	963—17	583	789—8	138	200—77
Хутора (20)	—	—	—	—	2	8	—	—	4	10—6
Всего . . .	4	24	26	22	456	971—17	583	789—38	142	210—83
3. **Монастырищинская** (*мѣст. 1, селъ 9, дер. 4*).	10	20	14	17	201	384	612	899	109	197—24
Хутора (30)	1	—	—	—	2	9—8	—	0—66	4	9—49
Всего . .	11	20	14	17	203	393—8	612	899—66	113	206—73
4. **Иченская** (*мѣст. 1, селъ 9, слоб. 1, дер. 1*) .	13	43	22	23	639	1110	976	1257	198	355—8
Хутора (40) . .	—	—	—	—	6	13	—	—	64	86—18
Всего . . .	13	43	22	23	645	1123	976	1257	262	441—26

Населеніе полка въ 1780 г.	Дворяне и шляхетство.	Разночинцы.	Духовенство.	Церковники.	КОЗАКИ.		КРЕСТЬЯНЕ.		Подсосѣдки козачьи и посполитск.	
СОТНИ.					Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.
5. **Красноколядинская** *(мѣст. 1, сель 10, слоб. 2).*	16	29	18	26	415	998	634	901—87	112	202—133
Хутора (59)	1	—	—	—	11	36	22	28—131	7	1—84
Всего . .	17	29	18	26	426	1044	656	929—218	119	203—217
6. **Голенская** *(сель 10, слоб. 3, дерев. 2)* .	6	23	16	19	331	822—8	847	1264—19	102	191—87
Хутора (22) . .	—	—	—	—	3	5	50	56—3	—	0—41
Всего . . .	6	23	16	19	334	827—8	897	1320—22	102	191—128
7. **Иваницкая** *(мѣст. 1, сель 5)*	8	16	9	16	276	517	706	944	121	201—8
Хутора (17)	2	2	—	—	4	9	—	—	59	102—23
Всего . . .	10	18	9	16	280	526	706	944	180	203—31
8. **Сребрянская** *(мѣст. 1, сель 8, дер. 1)*	22	26	20	16	429	809	1001	1387—6	85	132—36
Хутора (58)	—	—	—	—	23	37—1	—	—	57	101—27
Всего . . .	22	26	20	16	452	846—1	1001	1387—6	142	233—63

Населеніе полка въ 1780 г.	Дворяне и шляхетство.	Разночинцы.	Духовенство.	Церковники.	КОЗАКИ.		КРЕСТЬЯНЕ.		Подсосѣдки козачьи и посполитск.	
СОТНИ					Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.
9 **Первая Варвинская** *(мѣст 1, селъ 8, слоб. 1, дерев. 2)*	13	43	16	18	483	964	565	879	116	187—26
Хутора (44)	—	—	—	—	4	4	—	—	46	96—61
Всего . .	13	43	16	18	487	968	565	879	162	283—87
10 **Вторая Варвинская** *(селъ 9, дерев. 1)* . . .	4	23	18	13	431	805	507	755	31	65—2
Хутора (15)	—	—	—	—	2	4	—	—	24	41—5
Всего . . .	4	23	18	13	433	809	507	755	55	106—7
11. **Журавская** *(мѣст. 1, селъ 2, дер. 1)*	10	34	6	9	299	638	73	91—18	100	154—18
Хутора (2) . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Всего . . .	10	34	6	9	299	638	73	91—18	100	157—18
Всего въ полку . . .	164	349	210	230	4461	9 34—52	8392	11763—1159	1877	2963—969

Всего хатъ $2335^{0}-217\,1=25921$

Примѣчаніе. Вслѣдствіе техническихъ затрудненій цифра въ графѣ хатъ, гдѣ есть *бездворныя* хаты, показана здѣсь не въ видѣ дроби, какъ сказано въ текстѣ, на стр. 416-й, а въ двухъ цифрахъ, раздѣленныхъ чертою, причемъ первая цифра обозначаетъ количество хатъ въ *дворахъ*, а вторая—*бездворныя* хаты. Одинарная цифра хатъ—указываетъ хаты въ *дворахъ*.

Добавки и поправки. *Стр. 2.* Отрывки изъ Литовской метрики, о которыхъ говорится въ примѣч. 2, напечатаны въ *Чтеніяхъ въ Общ. Нестора. т. XIV.*

Стр. 29. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи Носа см. ниже, стр. 317 и 321.

Стр. 54. Болѣе подробныя свѣдѣнія о полковникѣ Ал. Якубовичѣ см. ниже, стр. 381.

Стр. 60. Изъ акта 1689 г. видно, что полк. судьею былъ не Тарасъ Кондратенко, а *Кондратъ Тарасовичъ* См. стр. 147.

Стр. 63. Ив. Шнурчевскій былъ писаремъ до 1775 г., а Иванъ Ягельницкій имѣлъ только *чинъ* полк. писаря, а на урядѣ полк. писарства вовсе не былъ.

Т. ж. Григорій Ивановичъ Себастіановичъ имѣлъ одного сына Ивана, который въ 1731 г. писался бунч. товарищемъ и владѣлъ Гурбинцами. Повидимому, онъ умеръ бездѣтнымъ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Иваномъ Андреевичемъ С—чемъ, о которомъ говорится на стр. 357.

Стр. 66. Шнурчевскій оставался полк. писаремъ до 1775 г., когда былъ Румянцовымъ уволенъ по настойчивому о томъ ходатайству своего полковника Якубовича, который писалъ по этому поводу Румянцову слѣд.—„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Не сочтите, в. с-во, штобъ прозба моя о перемѣни писаря полкового Шнурчевского простиралась по какимъ моимъ к нему партикулярнимъ недоброхотствамъ, но единственно к защищенію всѣхъ тѣхъ отъ в. с-ва учрежденій, кои толко могутъ составлять въ полку доброй порядокъ, ибо сей старой ябедникъ разсверипивши, не толь дѣлаетъ во всѣхъ указнихъ дѣлахъ замишателство и вводытъ заразу въ полку, по древнему своему обыкновенію, то и въ интересахъ в. с-ва [1]), по отлучкы моей въ Казанской походъ, держалъ отъ чрезвычайной своей необузданности дѣлать великие препоны, в чемъ зсилаюсь на Ивана Яковлевича г. Селецкого. А о вишшепрописанномъ за несказанную

---

[1]) Т. е. въ дѣлахъ, касавшихся имѣній Румянцова, которыя были и въ Прилуцкомъ полку.

милость почту, когда, в. с-во, изволите приказать виизслѣдовать. И что застарѣлое въ необузданности состояние его не подаетъ ни малѣйшей надежды къ исправлению его жизны когда либо, а тѣмъ болѣе крайная неспособность къ дѣламъ, по его должности, служитъ единственно къ чувствительному безпокойству, то всѣ сіи резоны убѣдили меня искать високой милости отъ в. с-ва о избавленіи меня и полку моего отъ такова человѣка, которой всему обществу въ тягость. Всенижайше прошу в. с-ва перемѣнить его съ какимъ заблагоразсудить изволите чиномъ, толко удалить отъ писарской и всѣхъ полковихъ чиновъ должности, для возстановленія въ полку моемъ спокойства. А какъ сего податель хоружій полковій Галѣпковскій заслугамы отца его в семъ полку, и самымъ нимъ продолженнымы доволно, оправдаетъ свое достоинство къ награжденію, то повергая его въ високую в. с-ва милость, нижайше прошу объ опредѣленіи его на то мѣсто полковимъ писаремъ, въ чемъ на високую в. с-ва милость полагаясь, зъ особливымъ високопочитаніемъ по жизнь мою пребуду в. с-ва, мил. государя, всенижайшимъ случаю Александръ Якубовичъ". („Ч. 4 февраля = 775 = году. Прилука" [1]).

---

[1]) *Съ подлинника.* Къ этому письму приложена еще и слѣд. «цедула»: «коль скоро получилъ повѣренность отъ Ивана Яковлевича (Селецкаго) о дѣлахъ в. с-ва Парафіевскихъ, то старался, сколко силъ моихъ, доказать мою услугу. Теперъ еще смѣжние Буличовскимъ грунтамъ многие помѣщики и разночинци продаютъ грунта, съ которимы кому приказано будетъ въступать въ торгъ, в. с-ва нижайше прошу чрезъ сего подателя резолюцнею.—Еще в. с-ва нижайше прошу о исключеніи с полку писаря Шнурчевского, какъ по високой милости и обѣщать мнѣ изволили». Эта цедула (т. е. особая, «довѣрительная» записка) указываетъ, что Якубовичъ занимался частными дѣлами Румянцова. Онъ здѣсь говоритъ о покупкѣ для Румянцова земель по сосѣдству съ с. Парафіевскою (с. 232) и спрашиваетъ—кому Р-въ поручитъ эту покупку. Буличовскіе грунта (т. е. земли Иченскихъ «разночинцовъ» Буличей) какъ видно, были куплены для Румянцова передъ тѣмъ.—Не надѣясь на свое личное ходатайство объ увольненіи Шнурчевскаго и объ опредѣленіи вмѣсто его—Галенковскаго, Якубовичъ одновременно писалъ еще и къ П. Завадовскому, за-

Т. ж. Свѣдѣніе о Галенковскомъ должно быть закончено такъ: (послѣ словъ полк. хоружимъ)—а въ 1775 г. полков. писаремъ.

Т. ж. Въ списокъ полк. есауловъ долженъ быть включенъ *Степанъ Григорьевичъ Чернявскій, ок. 1700 г.*, на дочери котораго (вторымъ бракомъ) былъ женатъ Романъ Березинскій (см. стр. 181.)

Стр. 67. За Молчана ходатайствовалъ (въ мартѣ 1709 г.) Меншиковъ. См. Матер. военно-учен. арх. главн. штаба, I, 572.

Стр. 73. При обозрѣніи рѣкъ Прилуцкаго полка слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) статью Ник. Маркевича, *„Рѣки Полтавской губерніи“*, напечатанную въ XI-й книгѣ *Записокъ Русск. Геогр. Общества* (стр. 337—461); здѣсь показаны рѣчки, названій которыхъ мы нигдѣ не встрѣчали, напр., *Бабуся* (у с. Мал. Дѣвицы), *Дубогрызовка* (у с. Ольшаной), *Борлова* (у с. Березовки) и друг. Ко всѣмъ этимъ названіямъ нужно относиться съ осторожностью.... 2) *„Описаніе рѣкъ Черниговскаго намѣстничества“*, составленное по приказанію императрицы Екатерины II. (Записки Черниг. Статист. Комитет., II), въ которомъ указаны нѣсколько мелкихъ рѣчекъ Удайскаго бассейна, у насъ не упомянутыхъ, какъ напр. рч. *Сухой Ярокъ*—притокъ рч. Линовицы... При названіи рѣчекъ, послѣднія часто называются по имени тѣхъ селъ, около которыхъ онѣ текутъ; напр., рч. *Степановка* около с. *Степановки* (с. 210); видимо, что это названіе присвоено рѣчкѣ

вѣдывавшему въ это время канцеляріей Румянцова: «М. г. Петръ Васильевичъ Податель сего хоружій полковій Галенковскій, бывшій въ Казанской экспедиціи и раненой, отправленъ отъ меня съ прозбою къ его с-ву о награжденіи его чиномъ полкового писаря въ полкъ Прилуцкій, на мѣсто нынѣшнего Шнурчевского, которій, какъ мнѣ, такъ и всему полку, чрезъ свои неистовые дѣла, въ тягость.—Я почитая васъ, м. г-ря, искони моимъ милостивцемъ, осмѣливаюсь трудить всепокорнѣйшою моею прозбою о учиненіи ему, Галѣнковскому, въ полученіи милостивой резолюціи *многомощного вашею вспомоществованія*, за что вѣчною моею благодарностію вамъ, м. г-рю, обязанъ буду, пребывая навсегда з должнимъ почтеннемъ вамъ, м. г-рю, всепокорнейшій слуга Якубовичъ.» («1775 году, февраля 4 ч. Прилука.»)

вслѣдствіе ея безыменности. Но въ этомъ описаніи есть и цѣнныя указанія—о „вершинахъ“ нѣкоторыхъ рѣчекъ, (напр. Смоши, Лисогора и проч.), слѣды которыхъ теперь совершенно изчезли.

Стр. 85. О другихъ случаяхъ расположенія малорусскаго духовенства помогать Яну-Казиміру, при его походѣ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ 1664 г., см. у *Эйнгорна*, „Сношенія малорос. духов. съ моск. правит. въ царств. Алексѣя Михайловича.“

Стр. 94. Опущенъ войтъ „*Васко Леновицкій*“, 1668 г., о котор. см. Акты Ю. и З. Р., VII, 16.

Стр. 99. По странной случайности мы упустили изъ виду цифру Прилуцкаго населенія въ 1666 г., имѣющуюся въ „Переписныхъ книгахъ“. Всѣхъ „мѣщанъ“ въ 1666 г. показано 268 дв., т. е. менѣе половины того количества дворовъ посполитыхъ, которое показано въ 1713 г. (569.) Изъ числа 268 дв. выдѣлены: 1) „сапожники“—37 дв., 2) „кушнеры и портные“—49 и 3) „кузнецы“—17 д. Всѣхъ ремесленниковъ—103 д. Мельниковъ показано 16 дв., но мельницъ (водяныхъ) около Прилуки показано всего четыре: Федоры Ворончихи, Саввы Чорного, полковника Лазаря Горленка и Василія Галенка, отца будущ. полк. писаря (с. 64).

Стр. 112. Сотникъ Лукомскій былъ не Степанъ Степановичъ, а Степанъ Васильевичъ. Послѣ Андрея Гуленка сотникомъ былъ *Павелъ Гуленко*, подписавшійся на вѣдом. 1760 г.

Стр. 127—128. Свѣдѣнія о Бѣлецкихъ-Носенкахъ слѣдуетъ исправить такъ: „онъ (Бѣлецкій) умеръ рано, оставивъ сына Петра, который писался Носенкомъ, п. ч. уже и отецъ его Ив. Бѣлецкій, живя у отчима, усвоилъ себѣ прозвище послѣдняго. Вскорѣ Петръ сталъ видным въ Прилуччинѣ человѣкомъ“ и т. д. Такимъ образомъ въ этой поправкѣ слѣдуетъ исключить Федора Носенка, свѣдѣніе о которомъ внесено сюда ошибочно.

Стр. 133. Срываемыя „наметки“ съ женщинъ, *находившихся на полевыхъ работахъ*—можетъ возбудить сомнѣніе у тѣхъ, кто еще помнитъ этотъ старинный головной женскій уборъ, надѣвавшійся обыкновенно только въ праздники, да и то только при посѣщеніи церкви. Но недавно умершій С. Д. Носъ (+1900) свидѣтельствуетъ (Кіевск. Стар. 1901 г., янв., II, 1.) со словъ

стариковъ, что, „когда-то“ женщины носили наметки и въ будни. Это извѣстіе очень вѣроятно, такъ какъ „наметка“ несомнѣнно есть пережитокъ того времени, когда женщина должна была закрывать свое лицо....

Стр. 168. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о поселеніи евреевъ въ лѣвобережной Малороссіи см. статью о евреяхъ И. М. Каманина, въ Чтен. въ общ. Нестора, V, 37—53.

Стр. 175. Уже въ 1781 г. въ *Радьковкѣ* была церковь, Вознесенія Г-ня, и при ней священникъ, Петръ Новосельскій. (Прилуцк. метрич. книги.)

Стр. 177. Кажется, *prochi* вѣрнѣе перевести словомъ *порохъ*. См. у Линде, *proch*.

Стр. 188. Упоминая объ остаткахъ этого *каменнаго моста*, Маркевичъ („Рѣки Полтавск. губ.“, стр. 375) относитъ постройку его къ новѣйшему времени...

Стр. 191. Народная память о *Держикраѣ* сохранялась еще недавно. См. Маркевича „Рѣки Полт. губ.“, стр. 375.

Стр. 198. Въ с. Обичевѣ, въ 1781 г.,—церковь архистр. Михаила и при ней два священника: Иванъ Трофимовскій и Михаилъ Нелговскій.

Стр. 204. Въ Монастырищѣ, въ 1781 г., церкви: 1) архистр. Михаила и при ней свящ. Антонъ Соханскій и Михаилъ Демидовъ и 2) Рождества Б-цы и при ней свящ. Михаилъ Данилевскій.

Стр. 205. Какъ „мѣстечко,“ имѣвшее и „фольваркъ“, Галица упоминается уже въ актѣ 1634 г. См. Кіевск. Стар. 1896 г., мартъ, 343.

Стр. 207. Въ с. Галицѣ, въ 1781 г., церковь Воскресенія Христова и свящ. Алексѣй Щербицкій.

Стр. 209. Въ с. Петровкѣ, въ 1781 г., церк. прор. Ильи и свящ. Григорій Сушкевичъ.

Стр. 210. Въ с. Сальномъ, въ 1781 г., церк. Андрея первозв. и свящ. Симеонъ Бодянскій (? въ рукоп. не ясно.)

Стр. 219. Въ ряду Стороженковъ—*Григорій, сотн. Иваницкій*, 1716 г., (№ 3)—показалъ ошибочно, такъ какъ это былъ не Стороженко, а Волошинъ, о которомъ см. стр. 304.

Т. ж. Жену Михаила Стороженка (№ 10) звали Марфою.

Стр. 273. Замѣтки Андрея Полетики (примѣч.) напечатаны въ Кіевск. Ст. 1901 г., іюнь.

Стр. 280. Интересное преданіе, связывающее возникновеніе Гайворона съ извѣстнымъ полковникомъ Хмельницкаго Нечаемъ, см. *Земск. Сборн. Черниг. губ.*, 1901 г., августъ, 41.

Стр. 314. Послѣ отрѣшенія Волошина отъ сотничества, Бережовка не была у него отобрана, вслѣдствіе „особливаго гетманского (Скоропадскаго) респекта, ради сватовства (свойства?) зъ его (Волошина) домомъ". Такъ значится въ „Генер. слѣдств. Прлцк. полка".

Стр. 315. О находящемся около с. Городни—городищѣ и его остаткахъ упоминаетъ и Маркевичъ. („Рѣки Полт. губ.," стр. 369).

Стр. 354. Варвинскій сотникъ Патока вѣроятно былъ родственникомъ Захарія Петровича Патоки, „писаря изъ Лубенъ", который былъ сосланъ въ 1721 г., въ Соловецкій м-рь. См. Кіевск. Стар. 1882 г., сент., 405.

Стр. 373. Въ семейн. архивѣ Галаганов (въ с. Сокиренцахъ) сохраняется слѣд. документъ объ Озерянахъ. „Р. 1723, дек. 10 дня. При бытности уряду нашего мѣского Варвинского, при мнѣ Марку Михайлову, сотнику наказному, Семену Безцѣпчомъ, атам. город., Варвинскими, нижей именованние люде таковое *о селѣ Озерянахъ* доброволне учинили сознатя, ижъ помянутое село з давнихъ часовъ належало до сотнѣ Варвинской, такъ якъ и протчии села свободнии тутейшой сотнѣ, а въ подданствѣ оное нѣкому не било, кромѣ тилко за гетманства Ив. Самойловича—кревному его гетманскому, сотникови на тотъ часъ будучому Варвинскому, прозываемому Моренцеви (Еремѣю), на время надано било въ послушеиство, и любо в томъ селѣ прежнихъ лѣтъ доволное било число посполитихъ людей, однакъ поневажъ зостаетъ осѣдлостію на пробитомъ шляху, то мало не всѣ люде, отъ тяжестѣ имъ дѣючойся, врознь поросходилися, и толко осталось било тамъ посполитихъ людей вусѣмъ человѣка. В то время, чому уже отъ вишписанного року дѣется осмий годъ, досталося оное село Озеряне во владѣніе его м. п. Игн. Кгалагану... И когда зостало оное во владѣніи полковничомъ, од того времени чрезъ сие осмъ годъ, посходилося з разних

полковъ в тое село на житло нѣсколко человѣка"... Очевидно, что этимъ свидѣтельствомъ Галаганъ хотѣлъ доказать, что большинство тогдашняго населенія с. Озерянъ поселено уже *имъ*, на своихъ „грунтахъ". Это же свидѣтельство указываетъ, что большая часть 135-ти крест. двор., показанныхъ въ Озерянахъ по ревизіи 1729 г., заселено въ какіе нибудь *пять-шесть лѣтъ*, такъ какъ въ 1723 г. здѣсь было лишь „нѣсколько человѣка", что можетъ указывать самое большее десятка на два, на три—человѣкъ.

Изъ этого же акта, между прочимъ, видимъ что сотникъ Еремѣй Моренецъ былъ „кревный" (т. е. кровный родственникъ) гетм. Самойловича. Объ этомъ родствѣ намъ встрѣтились такія свѣдѣнія. Въ „Спискахъ дворянъ Н. Сѣверск. Намѣстн." 1788 г., (рукопись наш. б-ки) значится родъ *Яремовыхъ—Самойловичей*, причемъ родоначальникомъ его указанъ протопопъ „Тимофей, родной братъ гетм. Самойловича". У Тимофея показанъ сынъ Яковъ, а у Якова—сынъ *Еремѣй сотникъ*. Сыномъ послѣдняго показанъ (въ 1788 г.) „Иванъ Яремѣевъ сынъ Яремовъ Самойловичъ", 66 л., имѣвшій чинъ полк. писаря, а жительство въ г. Конотопѣ, въ „уѣздѣ" котораго за нимъ было записано „по послѣдней ревизіи об. пола 120 душъ". Въ спискахъ двор. Конотопск. уѣз. 1783 г., (въ книжкѣ „Списки Черниг. дворянъ 1783 г.") никакихъ ни Яремовыхъ, ни Самойловичей однакожъ не значится.... Но тѣмъ не менѣе свѣдѣніе о „родномъ братѣ" гетм. Самойловича—протопопѣ Тимофеѣ—слѣдуетъ считать вѣрнымъ, такъ какъ основано оно видимо на семейномъ преданіи, которое едвали могло ошибаться въ подобномъ фактѣ... Въ перечисленіи потомства „протопопа Тимофея" видится какая то неточность, такъ какъ Иванъ, родившійся въ 1722 г., едва ли могъ быть сыномъ нашего „Яремы Моренца" (с. 373).

Стр. 379. Въ спискѣ Журавскихъ сотниковъ неупомянутъ сотникъ *Иванъ Кисель*, котораго называютъ этимъ чиномъ сыновья полк. обознаго Якова Киселя (с. 59) бунч. товар. Федоръ и Андрей, въ своемъ доказательствѣ дворянства (Дѣло Полт. двор. арх., № 624), говоря, что прадѣдъ ихъ Иванъ былъ сотникомъ Журавскимъ, дѣдъ Дмитрій—войск. товарищ., а отецъ Яковъ—полк. обознымъ. По этому указанію Ив. Кисель могъ быть сотникомъ въ к. XVII в.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Исторія Русскаго Искусства XVIII—XIX вв.

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и КАРТИНАХЪ

(къ предстоящему 200-лѣтію Петербурга)

будетъ печататься въ теченіе 1901—1902 г.

въ иллюстрированномъ изданіи **Н. П. Собко.**

„ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность“

со снимками въ фотогравюрахъ и фототипіяхъ, частью въ краскахъ, *съ замѣчательнѣйшихъ произведеній Русской школы* изъ общественныхъ и частныхъ собраній Имперіи.

Подписная цѣна за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями: безъ доставки 8 руб.. съ доставкой и пересылкой **10** руб., за границу **12** руб.

1-й вып. выйдетъ въ ноябрѣ 1901 г.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: *въ Главномъ складѣ художественныхъ изданій Н. П. Собко* (*Почтамтская* 13), въ книжн. магаз. Віоле (М. Конюшенная, уг. Невскаго, 26/16); въ *Москвѣ*—у Кнебеля (Петровскія линіи), въ *Кіевѣ*—у Идзиковскаго (Крещатикъ), въ *Одессѣ*—у Свистунова, въ *Харьковѣ*—у Петрова (Университетская горка), въ *Казани*—у А. Дубровина (Гостин. дворъ), въ *Томскѣ*—у Макушина, въ *Варшавѣ*—у Віоле (Сенаторская), въ *Юрьевѣ*—у Карова, въ *Парижѣ*—у Boyveau et Chevillet (rue de la Banque), въ *Лейпцигѣ*—у Hiersemann (Königsstrasse), въ *Берлинѣ*—у Amsler u. Ruthardt (Behrensstrasse), въ *Вѣнѣ*—у Artaria (Kohemarkt).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и заграницей; о книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

VI годъ изданія.

„Южное Обозрѣніе“

(политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета)

ВЫХОДЯЩАЯ ВЪ ОДЕССѢ

въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТѢ

(рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.).

—

За пять лѣтъ существованія „Южное Обозрѣніе“ вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдѣльныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

—

По возможности въ каждомъ № „Южнаго Обозрѣнія“ помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 80 к., на 1 мѣс.—60 к. На города (съ пер.) на годъ 8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ *Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

SLOVANSKY PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Přehled“ въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelstvi F. Šimáček, Praha, Jerusalemská ul. 11.

Издатель **Ф. Шимачекъ.**

Редакторъ **А. Черны.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

на газету

„КІЕВЛЯНИНЪ"

Литературная и политическая газета юго-западнаго края.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

(*Годъ изданія 38-й*).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:		**Безъ доставки и пересылки:**	
на 1 годъ	12 р. — к.	на 1 годъ	10 р. — к.
« 6 мѣс.	7 р. — к.	« 6 мѣс	6 р. — к.
« 3 «	4 р. 50 к.	« 3 «	3 р. — к.
« 1 «	1 р. 50 к.	« 1 «	1 р. — к.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ къ 1-му января—5 руб., къ 1 му апрѣля—4 руб., къ 1-му іюля—3 р. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца, **и не далѣе, какъ до конца года**.

Подписка и объявленія принимаются въ **Главной конторѣ:** Караваевская (Шулявская) ул., 5, **ежедневно отъ 10 до 8 ч.**, а также **въ отдѣленіи конторы** «Кіевлянина» (книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ). Иногородныхъ просятъ адресоваться въ Главную Контору «Кіевлянина».

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонннхъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1) о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающей въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1902 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ.

Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб. сер.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

КОЛЛЕКЦІОНЕРЪ

предназначенный служить интересамъ собирателей всякаго рода коллекцій.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Иллюстрированный обзоръ новостей.
2. Статьи научнаго и практическаго содержанія, имѣющія отношеніе къ предметамъ, составляющимъ объектъ коллектированія. Описаніе музеевъ, замѣчательныхъ коллекцій и т. п. (съ иллюстраціями).
3. Фельетонъ. Мелкія статьи, анекдоты, біографіи извѣстныхъ коллекціонеровъ.
4. Фальсификаціи и поддѣлки. Описаніе различнаго рода поддѣлокъ, съ цѣлью предостеречь коллекціонеровъ отъ обмана.
5. Библіографія. Обзоръ новыхъ книгъ и каталоговъ, предназначенныхъ для коллекціонеровъ.

6. Почтовый ящикъ. Вопросы подписчиковъ и отвѣты по нимъ редакціи.
7. Объявленія.
8. Приложенія. Различные каталоги и спеціальныя сочиненія, которыя редакція отъ времени до времени выдаетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ безплатнаго приложенія къ журналу.

—

Поставивъ себѣ задачей создать для русскихъ собирателей объединяющій ихъ органъ печати, настоятельная потребность въ которомъ чувствуется уже давно, редакція будетъ стремиться къ возможной разносторонности, отведеніемъ постоянныхъ отдѣловъ для всѣхъ наиболѣе важныхъ отраслей коллектированія.

Иллюстраціи статей будетъ отведено широкое мѣсто.

Въ спеціальныхъ объявленіяхъ будетъ дано мѣсто спросу и предложенію и организованъ удобный обмѣнъ объектовъ коллектированія между собирателями.

Въ портфелѣ редакціи уже имѣется богатый запасъ матеріала. Въ ряду приложеній въ первую очередь намѣчены руководства по собиранію картинъ, фарфора, естественно-историческихъ коллекцій и т. д.

—

Журналъ будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ.

Первый номеръ выйдетъ 1 декабря

Подписная цѣна въ годъ **2 р. 50 к.** съ доставкою и пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ г. Псковъ, въ контору журнала

«КОЛЛЕКЦІОНЕРЪ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ.

ВСѢМЪ,

кто хочетъ слѣдить за многообразными проявленіями русской жизни и желаетъ знать своевременно всѣ русскія новости, но, за недостаткомъ времени, не имѣетъ возможности читать ежедневныя газеты,

можно рекомендовать подписаться на

ЖИВОПИСНУЮ РОССІЮ

иллюстрированный еженедѣльный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни

Россіи, издаваемый **Товариществомъ М. О. Вольфъ**, подъ редакціей **П. М. Ольхина**,

Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Живописная Россія“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый *является*, по своей программѣ и содержанію, **самостоятельнымъ органомъ печати.** Первый отдѣлъ, *богато и художественно иллюстрированный*, посвященъ отчизновѣдѣнію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ—«*Временникъ живописной Россіи*» *—является серьезной еженедѣльной газетой*, имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи.

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года:

52 №№ интереснаго иллюстрированнаго журнала и 52 №№ «Временника живописной Россіи».

Подписная цѣна «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 5 р. За границу на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей; остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Совмѣстная подписная цѣна «Живописной Россіи» съ двухнедѣльными иллюстрированными журналами: „Новый Міръ“ со„ Всемірной Лѣтописью» на веленевой бумагѣ и «Мозаика», съ приложеніемъ «Картинойгаллереи Императорскаго Эрмитажа», «Оружейной Палаты», 12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала «Литературные Вечера» для семейнаго чтенія и 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей», состоящей изъ собранія сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 переплетенныхъ томахъ, собранія со-

чиненій Адама Мицкевича въ 4 переплетенныхъ томахъ и 6-ти (1—6) переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Д. И. Стахѣева,—съ дост. 14 рублей.—Тѣ-же изданія, но съ «Новымъ Міромъ» и «Всемірной и перес. Лѣтописью» на слоновой бумагѣ (вмѣсто веленевой)—на годъ 18 р.—Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р.—до уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

(Третій годъ изданія) на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

Новой литературы и исторической науки.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу программу, вслѣдствіе чего нами будетъ *отведено значительное мѣсто*, на ряду съ исторіей, и *вопросамъ современности*.

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ «Исторію новой русской литературы», совершенно новое изслѣдованіе въ этой области М. Н. Мазаева, и будетъ продолжена изданіемъ: «Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ»—«Исторія Китая» проф. Роберта Дугласа и «Исторія Финляндіи» за новѣйшій періодъ этой страны Н. К. Ядринцева, а также «Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ»—«Анджело Борджіа», историч. ром. извѣстн. нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дастъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства П. Ге, и цѣлый рядъ снимковъ съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаніемъ романы изъ современной жизни: станислава Пшибышевскаго—«Сыны земли» и «По новому» М. В. Головинскаго.

Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкой и пересылкой 6 р.; на полгода 3 р. и за границу 9 р.

Контора и редакція на Милліонной ул. д. 34. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель *С. Сухонинъ.*

1—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ХУТОРЯНИНЪ,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства.

на 1902 годъ.

ПРОГРАММА: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйств. учебн. заведеній М. З. и Г. И.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой—2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается: въ г. Полтавѣ—въ конторѣ и редакціи «Хуторянина», при Обществѣ сельскаго хозяйства; 2) Въ С.-Петербургѣ—въ отд. конторы «Хуторянина» при с.-х. книжн. магазинѣ жур. «Деревня», уг. Б. Морской и Кирпичн. пер., д. 3—13; 3) Въ Кременчугѣ—въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельск. хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ; 4) Въ г. Прилукахъ—при Обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ; 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ и 7) Въ Кіевѣ—книж. магаз. «Кіевск. Старины» Безаковская, 14.

1—2

НА 1902 ГОДЪ (III-й ГОДЪ)

Открыта подписка на ежемѣсячный научно-литературный журналъ

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Кавказскій Вѣстникъ" даетъ ежегодно около 3,000 страницъ оригинальныхъ и переводныхъ статей съ арм., груз., татарск., арабск., и съ европ. яз.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ: на годъ 9 р.—на полгода 5 р.

Для иногородныхъ: на годъ 10 р.—на полгода 6 р.

Разсрочка допускается для учебныхъ заведеній и учащихся, подписывающихся непосредственно въ конторѣ журнала. Книжнымъ магазинамъ ком. ск. 10%.

Адресъ Редакціи и Конторы: Тифлисъ, Тургеневская, 11. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ конторѣ журнала и въ отдѣленіи конторы: Тифлисъ, Голов. пр. № 1. (Книжный магаз. Хиддекель).

Въ числѣ рукописей, имѣющихся въ Редакціи,

находятся слѣдующія:

«Пастырь», повѣсть А. Казбека, съ груз.—«Со всѣхъ сторонъ», повѣсть Арбоели, съ груз.—«Честь», романъ Ширванзаде, съ арм.—

«Зѣница ока», О. Шапиръ.—«Стихотворенія» Ов. Туманьянца, съ арм.—«Дитя страданья», романъ Аларкона, съ исп.—«Мать и сынъ», драм. этюдъ кн. Ил. Г. Чавчавадзе, съ груз.—«Мемуары» кн. Андроникова (1811 г.).—«Максъ Мюллеръ», Бердяева.—«Воспоминанія» офицера генеральнаго штаба, С. Кишмишева.—«Обычное право у казаковъ», А. Передѣльскаго.—«Турецкій театръ», Эр. Росси, съ итал.—«Вахтангъ VI и Петръ Великій», В.Романовскаго.—«Обычное семейное право у армянъ», Самуельяна.—«Вліяніе Византіи на грузинское законодательство», Н Тавдгиридзе.—«Азіатская академія», проекты Кера и Гр. Уварова.—«Мемуары» Л. Исарлова.—«Матеріалы» для исторіи Эчміадзинскаго патріаршаго престола.—«Очерки по крѣпостному праву и кр. реформѣ въ Грузіи. А. Кипшидзе.—«Григорій Нарекскій, этюдъ А. Чобаньяна.—«Елисаветпольская губернія», впечатлѣнія и воспоминанія, І. Сегаль.—Письма и записки нѣкоторыхъ кавказскихъ дѣятелей, а также Ренана, Мопасана, В. Гюго, Шопенгауера и др.

Полный экземпляръ «Кавказскаго Вѣстника» за 1900 годъ можно получить въ конторѣ журнала за 11 р.; за 1901 г.—10 р.

Годовые подписчики получатъ въ 1902 г. приложеніемъ къ «Кавказскому Вѣстнику» романъ М. С. Хатисовой «По новому пути».

Редакторъ-Издатель *В. Д. Коргановъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“,

въ 1902 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой по городской почтѣ: на годъ 16 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 м. 1 р. 80 к.—Съ казенными приб. на годъ 18 р., на 6 мѣс. 10 р.

Съ пересылкою иногородн.: на годъ 17 р., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 5 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р.—Съ казенными приб. на годъ 19 р., на 6 мѣс. 11 р.

За границу: на годъ 26 р., на 6 мѣс. 14 р., на 3 м. 8 р., на 1 мѣс. 3 р.—Съ казен. приб. на годъ 28 р., на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей"). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровская линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С. Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

(*5-й годъ изданія*)

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край.

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ подъ редакціей М. К. Лемке при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакція ставитъ своею задачей детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), Е. М. Вабецкій, М. В. Барро, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ, В. В. Берештамъ, В. В. Брусянинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій (псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, Б. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Даниленъ, Демянскій (псевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. І. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Л. А. Каплавъ, В. В. Кондратьевъ, П. А. Конскій, В. Я. Конышъ-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. В. Куриловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малянтовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Мижуевъ, В. Я. Муриновъ. Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Покровскій, И. М. Радецкій, Л. А. Ребининъ, Г. Д. Рындзюнскій, П. А. Сергѣенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Склиръ, М. А. Славинскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Стимулъ (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Л. И. Фаюткинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шишло, Е. К. Щепетильникова и нѣкоторые другіе, кромѣ многихъ другихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Подписная цѣна понижается и теперь: на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногородныхъ 10 руб.

1—3

Открыта подписка на 1902 годъ на журналъ

„Новый Міръ"

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки искусства и прикладныхъ знаній.

За четырнадцать рублей въ 1902 г. каждый подписчикъ «Новаго Міра» получитъ съ доставкой и пересылкой: 24 №№ интереснаго, богато иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «Новый Міръ» въ форматѣ лучшихъ наибольш. европейскихъ иллюстрацій, съ приложеніемъ.

24 №№ иллюстрированнаго двухнедѣльнаго обзора текущей жизни—политической и общественной, п. н. «Всемірная Лѣтопись»—въ форматѣ «Новаго Міра».

№ 24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, п. н. «Мозаика», вмѣщающаго въ себѣ 16 отдѣловъ, представляющихъ собою какъ бы 16 самостоятельныхъ журналовъ.

52 №№ еженедѣльнаго журнала «Живописная Россія», иллюстрированнаго вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, съ приложеніемъ.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни, п. н., «Временникъ живописной Россіи», представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и пр. для семейнаго чтенія, п. н. «Литературные вечера».

Великолѣпныя безплатныя преміи, состоящія изъ 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки русскихъ и иностранныхъ писателей», въ составъ которыхъ войдутъ 3 собранія сочиненій, а именно: Собраніе сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 изящно перепл. том. Съ біогр. сост. Я. П. Полонскимъ; собраніе сочиненій Адама Мицкевича въ 4 изящно перепл. том. Въ перев. русск. лит. подъ ред. П. Н. Полевого и 6 изящно переплетенныхъ томовъ (т. т. 1—6) сочиненій «Д. И. Стахѣева», автора извѣстныхъ романовъ «Духа не угашайте», «Горы золота», «Неугасающій свѣтъ» и мн. др. Все собр. соч. Стахѣева будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ послѣдніе 6 будутъ выданы подписчикамъ 1903 года.

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, гг. подписчики «Новаго Міра» будутъ получать въ теченіе 1902 г. безплатно два новыя художественныя изданія въ большомъ форматѣ in-folio, предпринятыя Товариществомъ М. О. Вольфъ: 1) Картинная Галлерея Императорскаго Эрмитажа 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ и 2) «Оружейная палата въ Москвѣ» 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на веленевой бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями съ доставкой и пересылкою въ Россіи—14 р.

Съ пересылкой за границу—24 р.

Гг. подписчики, желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14—18 рублей; съ пересылкой заграницу, вмѣсто 24 р.—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 г. Гг подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявленныхъ премій (12 переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей») будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ, покорнѣйше просятъ обозначать на отрѣзномъ купонѣ послѣдняго (а не отдѣльнымъ письмомъ)—подробный и четкій адресъ, а также на что именно предназначаются высылаемыя деньги.

Гг. подписчикамъ, уже имѣющимъ указанныя три собранія сочиненій (Бенедиктова, Мицкевича и Стахѣева), предоставляется получить, взамѣнъ ихъ, на выборъ: или 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій М Н. Загоскина, автора романовъ: «Юрій Милославскій», «Аскольдова Могила», «Брынскій лѣсъ» и др., или же 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, автора «Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя», «Жизни св. ап. Павла», «Акаѳистовъ» и др. богословскихъ сочиненій.—О выборѣ премій редакція покорнѣйше проситъ заявить по возможности, при самой подпискѣ.

Гг. подписчики, желающіе получить при «Новомъ Мірѣ» въ теченіе одного 1902 года, кромѣ 2 перепл. т. т. соч. Бенедиктова, 4 перепл. т. т. соч. Мицкевича и 6 перепл. т. т. соч. Стахѣева, также 12 перепл. т. т. Загоскина или же 12 перепл. т. т. соч. Иннокентія, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ «Новаго Міра» за одно какое-либо собраніе (Загоскина или Иннокентія) 6 рублей, за оба (Загоскина и Иннокентія) 12 рублей.

Подписка на «Новый Міръ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16-я линія д, 5—7.

1—3

1 Р. 15 коп. Три мѣс.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

и

четыре иллюстрован. журнала.

1 Р. 15 коп. Три мѣс.

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей" и

Самостоятельный въ своихъ сужденіяхъ, чуждый тенденціознаго извращенія фактовъ и безусловно независимый органъ печати. Ярко освѣщая всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную сѣть корреспондентовъ, эта газета при всей своей твердости и неуклонности, справедливая и безпристрастная уже много лѣтъ является, несомнѣнно,

наиболѣе полнымъ

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности передовой, политическій, съ театра военныхъ дѣйствій, столичной и провинціальной общественной жизни

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

телеграммъ корреспонденцій и пр.,— по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней нѣтъ ненужныхъ, несвязанныхъ, случайныхъ замѣтокъ, а ихъ замѣняетъ

ЖИВОЕ СЛОВО.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ

1) „Новая Иллюстрація",

2) „Огонекъ"

и двухнедѣльные журналы

3) Здравіе семьи,

4) Общедоступныя моды.

Въ предстоящемъ году будутъ напечатаны.

„Русская темень" большой бытовой романъ Вас. Ив. Немировича-Данченко.

„Петровскіе дни", историческ. романъ въ двухъ частяхъ изъ эпохи Императрицы Екатерины Велик. гр. Е. А. Салиаса.

„Прерванный сонъ", большой бытовой романъ І. І. Ясинскаго. (Максима Бѣлинскаго)

—

6 повѣстей и разсказовъ ПРЕМИРОВАННЫХЪ *на литературномъ конкурсѣ* и мн. др.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей": С.-Петербургъ, Мѣщанская, 25.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей", вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкою: на годъ 4 руб. 60 коп., на 6 мѣсяцевъ—2 руб. 30 коп., на три мѣсяца 1 руб. 15 коп., на 1 мѣсяцъ—40 к.

Почтовыя и гербовыя марки въ уплату не принимаются.

Въ 1901 году болѣе 100,000 подписчиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ.

(*33-й годъ изданія*).

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ со многими приложеніями

„НИВА“.

Гг. подписчики «Нивы» получатъ въ теченіе 1902 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала «Нива», заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

Первые 12 томовъ полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Р. И. Сементковскимъ. Остальные томы сочиненій Лѣскова, значительно дополненные произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія или еще вовсе не напечатанными, подписчики получатъ въ 1903 году. Въ первые 12 томовъ войдутъ романы: Соборяне.—Обойденные.—Островитяне.—Некуда. Разсказы: Запечатлѣнный ангелъ.—Однодумъ.—Кадетскій монастырь.—Русскій демократъ въ Польшѣ.—Инженеры-безсребренники.—Косой лѣвша.—Очарованный странникъ.—Шерамуръ.—На краю свѣта и мн. др.

12 томовъ полнаго собранія сочиненій В. А. Жуковскаго, расширеннаго формата, въ 2 столбца, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ поэта. Въ эти 12 томовъ, которые будутъ изданы подъ редакціею знатока Жуковскаго, профессора А. С. Архангельскаго, войдутъ лирическія стихотворенія, баллады, повѣсти въ стихахъ, сказки посланія, мелкія стихотворенія, прозаическія произведенія, дневникъ и письма: Людмила.—Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.—Овсяный кисель.—Шильонскій узникъ.—Поликратовъ перстень.—Кубокъ.—Спящая царевна.—Война мышей и лягушекъ.—Сказка о царѣ Берендѣе.—Ночной смотръ.—Сельское кладбище.—Орлеанская дѣва.—Ундина.—Наль и Дамаянти.—Рустемъ и Зорабъ.—Одиссея и мн. друг., равно какъ и цѣлый рядъ еще неизданныхъ поэтическихъ произведеній знаменитаго писателя.

12 книгъ «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній», содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч.—современныхъ авторовъ.

12 №№ «Парижскихъ модъ», выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 листовъ рукодѣльныхъ и вышивальныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

«Стѣнной календарь» на 1902 годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к., 2) въ Москвѣ въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—6 р. 25 к., 3) въ Одессѣ въ кн. маг. «Образованіе» (Ришельевск., № 12)—6 руб. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 коп. Съ пересылкой во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу—10 руб.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

———— 1—2

Открыта подписка на 1902 годъ

(*XX годъ изданія*)

на ежедневную политическую, экономическую, и литературную газета

„ЮЖНАЯ РОССІЯ“

(бывш. „Южанинъ“).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ.

2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ.

3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

4) Земскій отдѣлъ.

5) Провинціальная жизнь.

6) Хроника.

7) Наша печать.

8) Мѣстная хроника.

9) Письма въ редакцію.

10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные.

11) Театръ и музыка.

12) Наука, искусство и литература.

13) Судебная хроника.

14) Корреспонденціи.

15) Иностранныя извѣстія.

16) Заграничная жизнь.

17) Спортъ, смѣсь и шахматы.

18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону).

19) Справочный листокъ.

20) Объявленія.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылк. иногородн. въ годъ 8 руб.

Безъ доставки и пересылки 7 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 г.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к. безъ доставки: къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока: съ доставк.: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., р 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.): въ конторѣ «Южной Россіи», уг. Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера.

Въ г. Кременчугѣ: у А. М. Михилевича, Большая-Мѣщанская, д. № 68 (противъ торговыхъ бань Сандомирскаго).

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель *С. П. Юрицынъ.*

1—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклономъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.- Петербургѣ, Фонтанка д. № 145.

1—3

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 75-го:

октябрь, ноябрь, декабрь, 1901 г.

Книга первая—октябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. КЪ БІОГРАФІИ А. Н. МУРАВЬЕВА И ПИСЬМА ЕГО КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. Сообщ. **І. Г.** . . . 1—17

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Окончаніе).* **В. Шенрока.** . . . . . 18—44

III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** . . . . . 45—76

IV. ГОРОДЯНКА. Повисть. *Л. Яновской. (Продолженіе).* . 77—119

V. ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ КЛАДЪ ВЕЛИКО-КНЯЖЕСКОЙ ЭПОХИ. **Н. Вѣляшевскаго.** . . . . . 120—132

VI. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Сцены зъ XVII вику у 4-хъ дiяхъ и 7-мы одминахъ. **Ѳ. Пильченка.** . . . . . 133—168

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. **И. Фр. Павловскій;** б) Одинъ изъ колоколовъ новгородсѣверскаго спасскаго монастыря; в) Письмо А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ; г) Письмо гр. П. А. Румянцова къ Г. Я. Макарову; д) Что значитъ слово «гомель?»; е) Для исторіи компанейскихъ полковъ; ж) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёр-**

деръ; з) Къ исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волыни; и) По поводу рецензіи на книгу Б. Д. Гринченка «Литература украинскаго фольклора». (Письмо въ редакцію). **В. Гринченка**. . . . . 1—20

Текущія извѣстія . . . . . 20—28

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). **Н. Шугурова**; б) Гр. Алексѣй Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. **Н. Б.**; в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . 29—52

Археологическая лѣтопись . . . . . 53—64

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 22-й и 23-й 337—368

Книга вторая—ноябрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ѲАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. . . . . 169—199

II. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Сцены зъ XVII вику у 4-хъ дiяхъ и 7-мы одминахъ. **Ѳ. Пильченка** *(Окончаніе)* . . . 200—232

III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго**. . 233—255

IV. ГОРОДЯНКА. Повисть. *(Продолженіе)*. **Л. Яновской**. . 256—302

V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). *(Окончаніе)*. **Ник. Василенка** . . . . . 303—327

ОТДѢЛЪ II-ой.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; б) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. **И. Фр. Павловскій**; в) Къ исторіи Котельвы; г) Для исторіи переяславской буреы, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.); д) Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства; е) Для исторіи церковнаго прихода . . . . . 65—83

Текущія извѣстія . . . . . 83—94

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Волынскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ II. **Ор. Левицкаго**; б) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1900 г. по 1 окт. 1901 г. **Ш.**; в) Корифеи украинской сцены. **В. Д.**; г) Михновскій. Сатанынська повста. Драма въ 4 діяхъ. **В. Д.**; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 95 – 135

Археологическая лѣтопись . . . . . 138 – 152

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листъ 24-й и 25-й . . . . . 369 – 400

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ДѢЛО О СУЕВѢРІИ СВЯЩЕННИКА (1805 г.). **Прот. В. Липковскаго**. . . . . 329 – 345

II. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ѲАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. . . . . 346 – 374

III. ГОРОДЯНКА. Повисть. *(Окончаніе)*. **Л. Яновской**. . 375 – 423

IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Окончаніе)* **Ор. Левицкаго**. . . . . 424—471

V. О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА «КАЦАПЪ» **Н. М.** . . . 472—477

VI. НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ СТОРОЖЕНКО. . . . . 477—484

VII. Н. В. ШУГУРОВЪ. Некрологъ. . . . . 485—490

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо Н. В. Шугурова **А. Л.**; б) Еще нѣсколько словъ о „парубоцькыхъ громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. **П. П. П.**; в) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ**; г) Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. **И. Фр. Павловскаго**; д) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. **И. Фр. Павловскій**; е) Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды? **Н. В.** . . . . . 153—172

Текущія извѣстія . . . . . 172—178

П. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древности, труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. **Н. В.**; б) **В. Русиновъ**: 1) Прыхожа Сцена въ І діи и 2) Несподивана халепа. Драма въ ІІ діяхъ. **В. Д.**; в) Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, изд. подъ ред. Н. П. Василенка; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 179—192

Археологическая лѣтопись. . . . . 193—214

Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листы 26-й и 27-й. . . . . 401—426